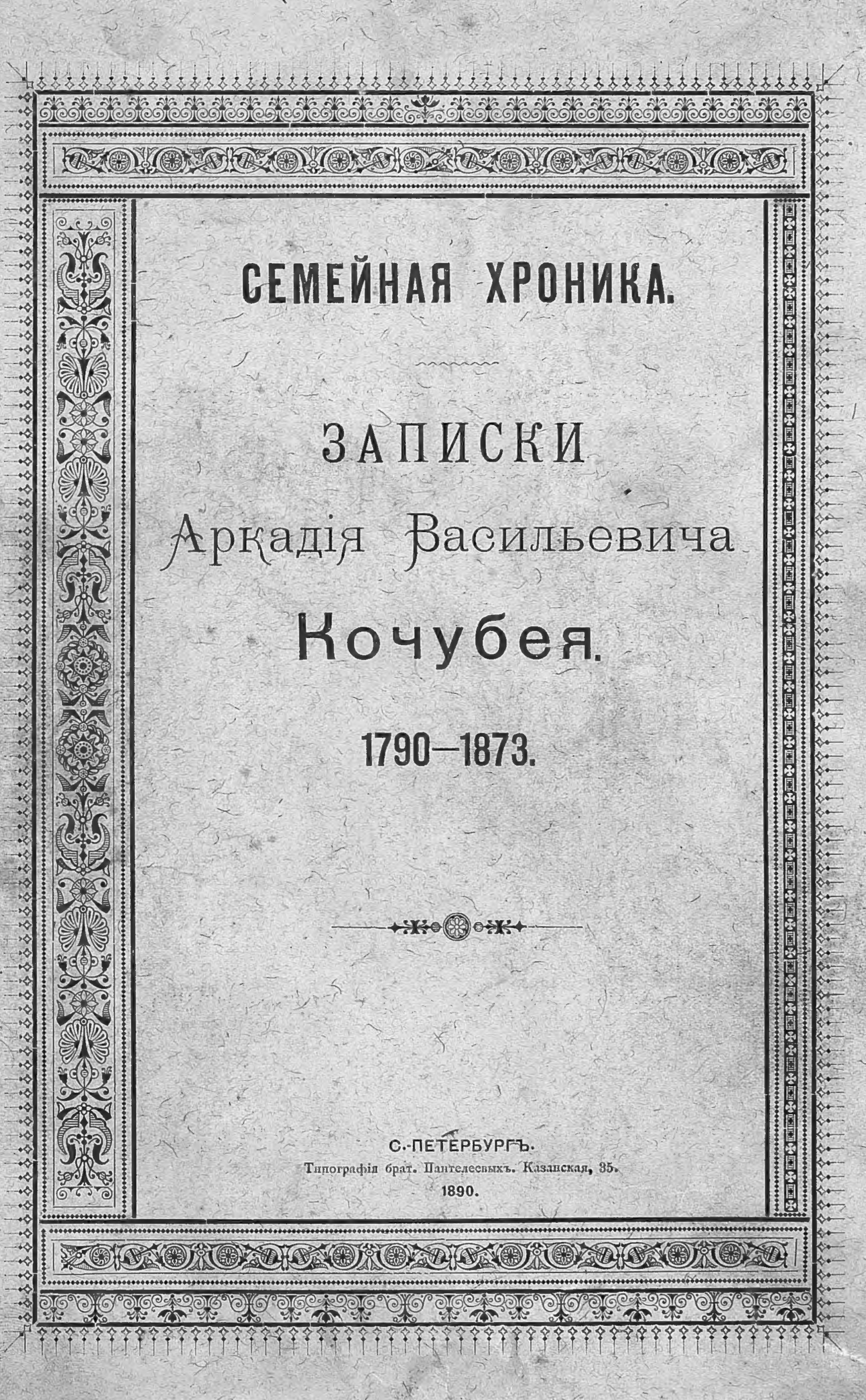


СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

ЗАПИСКИ
Аркадія Васильевича Кочубея.

1790—1873.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 35.
1890.

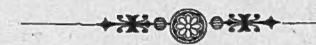
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

ЗАПИСКИ

Аркадія Васильевича

Кочубея.

1790—1873.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, № 35.
1890.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

Родословная.

Просьбу твою, дорогой сынъ мой, Петръ Аркадьевичъ, написать воспоминанія моей 83-лѣтней жизни, я, по мѣрѣ силъ моихъ, желаю исполнить. Но такъ какъ я въ теченіе всей моей жизни никогда не игралъ какой нибудь слишкомъ высокой политической или административной роли, то и воспоминаніямъ моимъ хочу дать значеніе „семейной хроники", въ которой ручаюсь за правдивость и достовѣрность сообщаемыхъ мною фактовъ. Начну мои воспоминанія нашими фамильными преданіями. Я не буду говорить ни о предкѣ нашемъ Андреѣ Кочубеѣ, который, какъ говорятъ, первый принялъ христіанство (о немъ мнѣ мало что извѣстно), ни о генеральномъ судьѣ Василіи Леонтьевичѣ Кочубеѣ, который при Петрѣ былъ казненъ Мазепою: о немъ уже сказала исторія. О послѣднемъ я напомню только, что онъ былъ женатъ на Любви Жукъ, и что дочь ихъ Матрена, воспѣтая подъ именемъ Маріи Пушкинымъ, въ его прелестной поэмѣ „Полтава", вовсе не лишилась разсудка отъ любви къ старику Мазепѣ, а напротивъ вышла замужъ за полковника Чуйкевича; я полагаю, впрочемъ, что мать ее заставила выйти замужъ.

Василій Леонтьевичъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Василія и Ѳедора. Первый жилъ въ Диканькѣ (отъ него то и пошелъ нашъ родъ), а Ѳедоръ Васильевичъ жилъ въ Ярославцѣ, былъ женатъ (не припомню на комъ) и имѣлъ дочь, которая умерла отъ чахотки.

Василій Васильевичъ былъ Полтавскимъ полковникомъ и былъ женатъ на Апостолъ, но отъ нея не имѣлъ дѣтей, и жена его вскорѣ умерла. Вторая женитьба его, какъ передаетъ преданіе, совершилась очень романически. Однажды въ Диканькѣ приходитъ къ Василію Васильевичу сотникъ его полка и убѣдительно проситъ принять участіе въ его судьбѣ. Дѣло въ томъ, что сотнику нравится дѣвушка Марѳа, дочь церковнаго старосты Яновича *), онъ желаетъ на ней жениться, но не надѣется, чтобы родители согласились на этотъ бракъ, почему проситъ полковника принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Согласенъ. Но гдѣ же я ихъ увижу? — спрашиваетъ Василій Васильевичъ сотника.

— А вотъ на дняхъ у нихъ, въ Полтавѣ, храмовой праздникъ; если бы вы, полковникъ, поѣхали туда, то послѣ обѣдни васъ навѣрно пригласятъ завтракать, вотъ вы и могли бы тогда замолвить обо мнѣ слово!

Василій Васильевичъ ѣдетъ на праздникъ въ Полтаву, видитъ эту дѣвушку, вѣроятно, замѣчательную красавицу, потому что лишь только она вошла съ подносомъ въ комнату (въ тѣ патріархальныя времена было

---

*) Отъ Яновича пошелъ родъ Холанскихъ.

обыкновеніе, чтобы хозяйка дома, или старшая дочь-невѣста, подносила гостямъ напитки) чуть только онъ на нее взглянулъ,—судьба его была рѣшена. Онъ тутъ же дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвушки. Тѣ, никогда не мечтавшіе о такой высокой чести и счастіи, тотчасъ же согласились, тутъ же повязали имъ рушники *) и пили здоровье жениха и невѣсты.

Послѣ того полковникъ возвращается домой, встрѣчаетъ ожидающаго его сотника и объявляетъ ему, что дѣло улажено. Тотъ его благодаритъ.—Не за что, братецъ, благодарить, потому что дѣло я устроилъ не для тебя, а для самого себя.—Есть преданіе, будто бы отъ этого брака у Василія Васильевича было двадцать человѣкъ дѣтей, но мнѣ извѣстны только девять: пять дочерей и четыре сына. Дочери всѣ вышли замужъ— двѣ за Лизогубовъ, третья за Тарновскаго, четвертая за Скоропадскаго и пятая за Томару, который ее увезъ, и они тайкомъ обвѣнчались.

Сыновья Василія Васильевича были: Семенъ, Василій, Павелъ и Петръ.

Старшій сынъ Семенъ Васильевичъ воспитывался въ чужихъ краяхъ, служилъ въ военной службѣ и былъ генеральнымъ обознымъ **), или иначе, начальникомъ артиллеріи. Въ послѣдствіи, по уничтоженіи гетманства, онъ былъ переименованъ въ тайные совѣтники, назна-

*) Полотенце. Малороссійскій обычай, сохранившійся еще до сихъ поръ въ Украйнѣ.

**) По тогдашней іерархіи—второе лицо послѣ гетмана.

ченъ старшимъ членомъ Малороссійской Коллегіи и, за отсутствіемъ малороссійскаго генералъ - губернатора, графа Румянцева, предсѣдательствовалъ въ этой коммисіи.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что по прекращеніи его службы генеральнымъ обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ.

Семенъ Васильевичъ Кочубей былъ женатъ и имѣлъ сына Михаила и дочь Надежду, которую увезъ Потемкинъ, дядя моего хорошаго пріятеля графа Сергѣя Павловича Потемкина.

Семену Васильевичу обязаны мы тѣмъ, что въ Куношевкѣ, нашемъ родовомъ имѣніи, есть прекрасный садъ во французскомъ вкусѣ, видомъ своимъ напоминающій сады Ленотра (Le Notre *). Для планировки и разбивки этого сада, такъ много любимаго покойнымъ братомъ моимъ Александромъ **), Семенъ Васильевичъ выписалъ изъ Голландіи садовника.

Второй сынъ Василія Васильевича, Василій, мой дѣдъ, при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго, а послѣ былъ предводителемъ дворянства въ вновь учрежденномъ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ; впослѣдствіи онъ былъ назначенъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія. Василій Васильевичъ былъ женатъ

---

*) Le Notre—создатель прелестныхъ садовъ Версаля.

**) Бывшимъ владѣтелемъ Куношевки.

на Маръѣ Демьяновнѣ Оболонской. Говорятъ, что когда состоялась ихъ свадьба, ему было 18 лѣтъ, а бабушкѣ— всего 14. У нихъ было только двое дѣтей: сынъ Василій (мой отецъ) и дочь Елизавета, вышедшая замужъ за Ивана Андреевича Марковича.

Третій сынъ Василія Васильевича, Павелъ Васильевичъ былъ женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко; отъ брака ихъ произошло четверо дѣтей: два сына— Аполлонъ и Викторъ Павловичи (послѣдній былъ сдѣланъ впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ и княземъ) и двѣ дочери—Аграфена, которую тайкомъ увезъ Фроловъ-Багрѣевъ (извѣстный своими партизанскими дѣлами въ Польскую войну) и Александра Павловна, вышедшая замужъ за Григорія Петровича Милорадовича.

О четвертомъ сынѣ Василія Васильевича — Петрѣ, я помню, что онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Разумовскомъ. Потомъ поступилъ въ дѣйствительную военную службу и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ съ Пруссіей. Вышедши въ отставку, онъ умеръ холостымъ въ Куношевкѣ и похороненъ тамъ возлѣ старой церкви (нынѣ упраздненной).

Отецъ мой Василій Васильевичъ воспитывался въ Москвѣ въ университетскомъ пансіонѣ и занимался очень усердно (преимущественно математикой). Послѣ онъ служилъ въ военной службѣ и былъ адъютантомъ графа Румянцева.

По окончаніи войны отецъ, выйдя въ отставку и пріѣхавъ въ Глуховъ, познакомился съ семействомъ Ва-

силія Григорьевича Туманскаго и женился на его дочери Еленѣ Васильевнѣ (моя мать).

По учрежденіи губерній отецъ мой былъ назначенъ ассесоромъ въ намѣстническое правленіе, но по смерти своего отца, а моего дѣда, онъ совершенно оставилъ службу эту, съ чиномъ надворнаго совѣтника. Впослѣдствіи уже, когда Павелъ Петровичъ возстановилъ права Малороссіи, онъ былъ избранъ маршаломъ Глуховскаго повѣта.

У родителей моихъ всѣхъ дѣтей было восемь человѣкъ: старшая сестра Клавдія (умершая еще въ дѣтствѣ), братъ Василій, сестра Варвара (тоже умершая малюткой), братъ Демьянъ Васильевичъ, Александръ Васильевичъ, я, братъ Иванъ (умершій въ дѣтствѣ) и сестра Елена Васильевна. О рожденіи послѣдней сестры я помню нѣкоторыя подробности, хотя мнѣ было тогда только три года. Напримѣръ, я помню очень хорошо, какъ батюшка пришелъ намъ сказать, будто намъ нашли сестрицу подъ розовымъ кустомъ. (Сестра родилась въ маѣ мѣсяцѣ).

Отецъ нашъ былъ очень обрадованъ рожденіемъ Елены, такъ какъ въ то время въ живыхъ не было у него ни одной дочери.

Не желая еще такъ скоро разстаться съ стариной, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасной личности моего дѣда съ материнской стороны, Василія Григорьевича Туманскаго. Онъ былъ женатъ на

Лисенковой и служилъ по финансовой части *) въ Малороссійской коллегіи, въ Глуховѣ, да впрочемъ онъ тогда управлялъ всѣми дѣлами Малороссіи; впослѣдствіи онъ былъ вице-губернаторомъ Новгородскаго намѣстничества. Вообще о немъ можно сказать, что онъ былъ человѣкъ весьма разумный и двумъ сыновьямъ своимъ Ивану и Михаилу далъ отличное воспитаніе въ Германіи, въ Кенигсбергскомъ университетѣ.

Другая, тоже прекрасная и благородная, личность была бабушка моя Мареа Демьяновна Кочубей, урожденная Оболонская. Она тоже была замѣчательная по своему уму женщина, управляла сама всѣми своими имѣніями и пользовалась въ нашемъ краѣ всеобщимъ уваженіемъ. Ее съ почтеніемъ посѣщали Разумовскій, Румянцевъ и др. Бабушка дожила до глубокой старости и умерла въ Ярославцѣ 92 лѣтъ отъ роду.

Между прочими родственниками нашими была еще одна оригинальная личность, только совершенно въ другомъ родѣ,—это Аполлонъ Павловичъ, старшій братъ князя Виктора Павловича Кочубея.

Аполлонъ Павловичъ учился въ Англіи, воспитателемъ его былъ Италійскій, тотъ самый, который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Римѣ.

По окончаніи воспитанія Аполлонъ Павловичъ возвратился въ Россію и поселился въ Петербургѣ, гдѣ былъ

---

*) Подскарбіемъ.

пожалованъ камергеромъ, что, въ то время, давало право на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Вслѣдствіе ссоры съ Судіенко, другомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ графа Безбородко, онъ (А. П.) долженъ былъ оставить Петербургъ и поселиться въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Чуйковкѣ.

Ссора произошла изъ-за моего дѣда Василія Васильевича Кочубея, о которомъ Судіенко при Аполлонѣ Павловичѣ дурно отозвался; Аполлонъ Павловичъ ударилъ его за это и разорвалъ на немъ платье.

Въ Чуйковкѣ Аполлонъ Павловичъ велъ разгульную жизнь и часто предавался пьянству. Объ его эксцентрическихъ подвигахъ есть много легендъ, изъ нихъ нѣкоторые я помню. Однажды понравилась ему одна изъ горничныхъ моей бабушки до того, что онъ задумалъ ее похитить.

Бабушка, узнавъ объ этомъ предпріятіи Аполлона Павловича, отправила дѣвушку въ хуторъ Рѣтикъ. Аполлонъ Павловичъ ночью, съ вооруженными людьми, явился въ Ярославецъ, но не найдя тамъ дѣвушки, поѣхалъ въ Дубовичи, гдѣ связалъ приказчика, пыталъ людей и, наконецъ, узнавъ о мѣстѣ пребыванія предмета своей любви, пріѣхалъ въ Рѣтикъ, нашелъ тамъ дѣвушку, увезъ оттуда въ свое имѣніе, жилъ съ нею и послѣ выдалъ замужъ за какого-то мѣщанина.

Изъ-за этого каприза онъ поссорился съ Марѳой Демьяновной. Бабушка жаловалась на него губернатору и писала князю Безбородко.

Другая выходка Аполлона Павловича была такого

рода: случилось ему разъ нанимать новаго управляющаго, которому онъ между прочимъ разговоромъ замѣтилъ, что однимъ изъ главныхъ достоинствъ всякаго управляющаго онъ считаетъ личную храбрость. Управляющій уѣхалъ, а Аполлонъ Павловичъ, надѣвъ на себя медвѣжью шкуру, отправился другой дорогой къ нему на встрѣчу и, тамъ поднявшись на ноги, бросился на него. Тотъ выстрѣлилъ. Къ счастію ружье было заряжено дробью и выстрѣлъ только ранилъ Аполлона Павловича; тѣмъ не менѣе, за этотъ, по его мнѣнію, дерзкій поступокъ, онъ отказалъ управляющему отъ должности.

Помню, что одинъ разъ, по порученію дядюшки Виктора Павловича, я, вмѣстѣ съ братомъ Демьяномъ Васильевичемъ, ѣздилъ къ Аполлону Павловичу въ Сороченцы; въ Чуйковкѣ въ то время было уже запрещено ему жить за жестокое обращеніе съ дворовыми людьми. Аполлонъ Павловичъ принялъ насъ очень вѣжливо и любезно, и мы ночевали у него во флигелѣ.

Я и теперь еще помню его красивые синіе глаза и черныя брови; къ несчастію онъ въ то время сильно предавался страсти къ вину, которое уже имѣло нѣкоторое вліяніе на его красивую наружность.

Говоря объ Аполлонѣ Павловичѣ, нельзя также не вспомнить и о Семенѣ Михайловичѣ Кочубеѣ, который пышно и роскошно жилъ въ Полтавѣ; онъ никогда не садился обѣдать иначе какъ въ кругу гостей, не менѣе 30-ти человѣкъ.

Семенъ Михайловичъ промоталъ 7.000 душъ кре-

стьянъ и умеръ въ бѣдности; но къ чести его надо сказать, что онъ первый положилъ основаніе Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ. Онъ былъ женатъ на Бакуринской.

Дѣтство

(1790—1802 гг.)

Я родился въ 1790 году въ прежде бывшемъ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Новгородъ-Сѣверскомъ.

День моего рожденія, 9 Февраля, былъ тогда въ субботу, на первой недѣлѣ Великаго поста, и мое рожденіе помѣшало матери моей пріобщиться Св. Таинъ,— вотъ первый невольный грѣхъ мой. Мнѣ разсказывали, что бабушка моя Марѳа Демьяновна, войдя въ комнату моей матери и желая сѣсть, едва не сбросила меня съ сундука, гдѣ я, новорожденный, лежалъ завернутый въ тулупчикъ.

Крестнымъ отцемъ моимъ въ первой парѣ былъ губернаторъ графъ Яковъ Васильевичъ Завадовскій; матерью въ первой парѣ была Сѣрецкая; я, впрочемъ, въ послѣдствіи ее никогда не видалъ. Во второй парѣ крестилъ меня Судіенко, большой чудакъ и оригиналъ *). Крестной матерью второй пары была дѣвица Стороженко, двоюродная сестра моей матери.

*) Онъ всегда ходилъ въ красныхъ сапогахъ и въ шитомъ кафтанѣ.

Вспоминая о моемъ далекомъ дѣтствѣ, я долженъ сознаться, что имѣлъ тогда много дурныхъ наклонностей: родные мои думали и боялись, что у меня будетъ непріятный характеръ. Причиной этому была можетъ быть моя няня, которая, какъ говорили, пошаливала, ей за это доставалось, и она часто повторяла мнѣ:—Насъ съ вами не любятъ. Это вовбуждало во мнѣ зависть. Братья мои Демьянъ и Александръ Васильевичи въ дѣтствѣ были очень болѣзненны (Александръ два раза перенесъ горячку) и потому за ними, какъ за слабыми дѣтьми, болѣе ухаживали; это также мнѣ не нравилось. Другая дурная сторона моего характера заключалась въ томъ, что я подсматривалъ за прислугою и пересказывалъ о видѣнномъ матери. Помню, что однажды я очень пострадалъ за это. Я пожаловался матушкѣ на моего маленькаго слугу, бывшаго при мнѣ чѣмъ-то въ родѣ пажа. Матушка, выслушавъ меня, рѣшила, что его слѣдуетъ наказать, и поручила мнѣ въ саду выбрать хорошія розги; я въ точности постарался исполнить ея приказаніе; когда же возвратился съ розгами, то она велѣла мнѣ лечь и препорядочно высѣкла, приговаривая, что не слѣдуетъ выдумывать напраслины. Еще третья, замѣчательная и непонятная черта моего дѣтскаго характера была трусость: бывало, когда заиграетъ волторна *) я прячусь; я боялся также ружья, грома, выстрѣла. Помню, что на пути въ Петербургъ мы остановились въ Москвѣ

---

*) У насъ въ деревнѣ была своя музыка.

и тамъ въ первый разъ я былъ въ театрѣ: давали піесу „Царевичъ Іоаннъ"; громъ и молнія такъ напугали меня, что я хотѣлъ бѣжать изъ театра. И чтожъ?—впослѣдствіи, въ теченіе моей жизни я дѣлалъ кампаніи 1812 и 1814 годовъ, бывалъ во многихъ сраженіяхъ, сколько разъ видѣлъ смерть лицемъ къ лицу, спалъ на трупахъ, но никогда не испытывалъ чувства страха, такъ сильно развитаго во мнѣ въ дѣтствѣ.

Изъ моего дѣтства очень хорошо сохранились у меня въ памяти наши поѣздки лѣтомъ по имѣніямъ: въ Кунашевку, въ Бѣлыя-Вежи и др. на разстояніи всего 100 верстъ. При этомъ бывало изъ Ярославца отправляли сначала обозъ съ провизіей, а за нимъ уже выѣзжало все наше семейство въ четырехъ, а если ѣхала съ нами бабушка—то въ пяти экипажахъ. Первый ночлегъ обыкновенно бывалъ на хуторѣ у Соломки, а затѣмъ ночлегъ въ Бѣлкахъ у Балабина. Балабинъ былъ крестнымъ отцемъ сестры моей Елены Васильевны,—старичекъ премилый и очень опрятный; онъ всегда носилъ чулки и башмаки съ пряжками. У себя въ Бѣлкахъ (въ 6 верстахъ отъ Алтыновки) онъ выстроилъ домъ въ два этажа и насадилъ большой садъ, въ которомъ устроилъ фонтанъ, прудъ, канавы съ мостиками и завелъ шлюбку въ 12 веселъ; я помню, что въ дѣтствѣ все это очень насъ занимало.

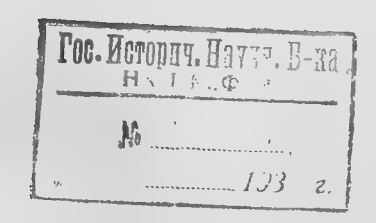
Въ Батуринѣ отецъ заѣзжалъ обѣдать къ графу Разумовскому. Переправа черезъ Сеймъ нашихъ экипажей совершалась весьма торжественно.

Припоминаю я еще одну поѣздку на 3 мѣсяца въ Черниговъ; отецъ, какъ Глуховскій маршалъ, въ очередь долженъ былъ въ Черниговѣ исправлять должность губернскаго маршала.

Въ дорогѣ, именно въ Батуринѣ, заболѣла жена моего перваго воспитателя швейцарца Дорнье, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ насъ оставить, и мы въ Черниговѣ стали ходить въ пансіонъ одного француза.

Русской грамотѣ училъ меня сперва камердинеръ отца Петръ Бѣлый, онъ же училъ меня играть на скрипкѣ. Потомъ я учился русскому языку у отставнаго морскаго офицера Македонскаго.

Лѣтомъ 1799 года проѣзжалъ изъ Константинополя въ Петербургъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей. Графу было тогда всего 26 лѣтъ, и онъ, будучи уже чрезвычайнымъ посломъ въ Турціи, получилъ назначеніе вице-канцлера. Проѣздомъ черезъ Ярославецъ Викторъ Павловичъ уговорилъ нашего отца прислать къ нему въ Петербургъ двухъ старшихъ братьевъ моихъ: Василія и Демьяна Васильевичей для воспитанія въ пансіонѣ извѣстнаго тогда аббата Николь. Къ намъ, остальнымъ дѣтямъ, Александру и мнѣ, Викторъ Павловичъ прислалъ гувернеромъ аббата Фроманъ, прибывшаго къ намъ въ концѣ 1799 года и занимавшагося нашимъ воспитаніемъ до 1802 года. Онъ былъ высокаго роста, худой, замѣчательно бодрый человѣкъ — эмигрантъ, бѣжавшій въ Германію, гдѣ весьма быстро изучилъ нѣмецкій языкъ. Изъ Германіи онъ переселился въ Россію въ Петер-



бургъ и поступилъ гувернеромъ къ Гурьеву *); но такъ какъ онъ принадлежалъ къ орлеанистской партіи **), то преслѣдованіе лигитимистовъ заставило его покинуть Гурьева; Викторъ Павловичъ, воспользовавшись этимъ, пригласилъ его къ намъ.

Во время пребыванія Фромана у насъ въ Ярославцѣ образовался какъ бы институтъ; многіе изъ нашихъ родственниковъ и сосѣдей были очень обязаны моимъ родителямъ за возможность въ то трудное время дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Въ числѣ прочихъ дѣтей, воспитывавшихся вмѣстѣ съ нами, я люблю вспоминать объ Александрѣ Михайловичѣ Маркевичѣ.

Въ тѣ времена цензура была очень строга; французскія книги трудно было достать, и аббатъ Фроманъ всѣ свои лекціи долженъ былъ писать; особенно хорошо были имъ составлены: географія и ботаника.

Въ Мартѣ 1800 года я имѣлъ несчастіе потерять отца, умершаго скоропостижно (отъ апоплексическаго удара). Случилось это такъ: отецъ ѣздилъ по уѣздамъ ревизовать станціи (почты тогда были подчинены маршаламъ) и возвратился усталый и недовольный; къ этому разстройству присоединилась еще жалоба аббата Фроманъ на насъ, что мы дурно учились и шалили. Разсерженный батюшка легъ спать и, проснувшись ночью,

---

*) Впослѣдствіи графу.

**) Онъ былъ придворнымъ священникомъ (Aumonier) у Герцога Орлеанскаго Филиппа—Egalité.

всталъ съ постели, прошелъ въ гостинную и тамъ упалъ— его подняли уже мертвымъ.

Бабушку Мароу Демьяновну по этому случаю увезли въ Дунаецъ къ Скоропадскому, гдѣ черезъ двѣ недѣли умерла еще и ея дочь, а моя тетка, Елизавета Васильевна Маркевичъ.

1802—1807 гг.

Въ 1802 году, когда было рѣшено меня и брата Александра отвезти въ Петербургъ, аббатъ Фроманъ предлагалъ матушкѣ, вмѣсто воспитанія въ Петербургѣ, отправить насъ съ нимъ вмѣстѣ путешествовать по Европѣ; матушка на это не согласилась. Вскорѣ за нами пріѣхалъ изъ Петербурга братъ Василій Васильевичъ, тогда уже окончившій воспитаніе, съ тѣмъ, чтобы отвезти насъ въ Петербургъ, тоже въ пансіонъ аббата Николь.

Фроманъ отправился въ Петербургъ вслѣдъ за нами и тамъ, примирившись съ своимъ недругомъ аббатомъ Николь, поступилъ къ нему въ пансіонъ воспитателемъ. Будучи въ пансіонѣ, онъ продолжалъ заниматься со мною и братомъ моимъ Александромъ Васильевичемъ. Комната аббата находилась возлѣ нашей, и Фроманъ могъ слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ.

Воспитаніе у аб. Николь и Мокаръ.

(1802—1807 гг.)

Пансіонъ аббата Николь находился на Фонтанкѣ, между Измайловскимъ и Обуховскимъ мостами, возлѣ

нынѣшняго дома Министерства Путей Сообщенія. Въ саду, принадлежащемъ пансіону были липы, поссаженныя какимъ-то голландцемъ еще при Петрѣ Великомъ. Послѣдній любилъ, какъ намъ разсказывали, пріѣзжать сюда по вечерамъ и пить пуншъ подъ деревьями.

Пансіонскій домъ снаружи былъ въ два этажа; каждый изъ воспитанниковъ имѣлъ свою комнату и на ночь насъ запирали на ключъ.

Всѣ предметы преподавались у насъ на французскомъ языкѣ; аббатъ читалъ исторію, математику проходили до дифферинціаловъ и интеграловъ; учили латинскій языкъ и нѣмецкій—этотъ послѣдній весьма плохо.

Аббатъ Фроманъ, полагая, что для русскаго вовсе не нуженъ латинскій языкъ, не училъ насъ по латыни въ Ярославцѣ, но убѣдившись, что занятія этимъ языкомъ требуются въ пансіонѣ, началъ насъ приготовлять. Въ молодости память у меня была очень хорошая, и я черезъ мѣсяцъ могъ переводить басни Федра; даже одинъ разъ отличился на экзаменѣ.

Воспитатель нашъ вообще не имѣлъ постоянной системы воспитанія и къ тому же весьма часто мѣнялъ ее. Главной задачей его было образовать изъ воспитанниковъ такъ сказать свѣтскихъ людей, „hommes du monde“. Во время обѣда, подававшагося обыкновенно въ два часа, одинъ изъ воспитанниковъ читалъ описаніе какого нибудь путешествія или вообще что нибудь въ описательномъ родѣ; число воспитанниковъ рѣдко превышало тридцать три. Товарищами моими по классу

были: братъ Александръ Васильевичъ, графъ Соллогубъ (отецъ писателя), Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, графъ Николай Гурьевъ, Обрѣзковъ, Григорій Орловъ, графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ, Александръ Михайловичъ Потемкинъ, князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ, графъ Григорій Самойловъ и баронъ Отто Шеппингъ.

Въ старшемъ классѣ въ мое время были: братъ Демьянъ Васильевичъ, князь Андрей Гагаринъ, такъ печально (самоубійствомъ) окончившій свою жизнь, Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, Михаилъ Орловъ, графъ Санти, Любомірскій, князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, Григорій Павловичъ Потемкинъ, князь Павелъ Сергѣевичъ Голицынъ. Въ младшій классъ нашего пансіона поступилъ принцъ Адамъ Виртембергскій, но оставался тамъ не долго и уѣхалъ путешествовать въ чужіе края съ однимъ изъ воспитателей нашихъ, виконтомъ де-Шаіо.

Болѣе другихъ я былъ друженъ съ графомъ Самойловымъ и графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ; съ послѣднимъ мы переводили Расина, писали стихи и даже издали „Душеньку“,—оперу въ стихахъ, взятую изъ поэмы Богдановича, которая послѣ была напечатана и обругана въ журналахъ, что навсегда излѣчило насъ отъ желанія быть сочинителями. Изданіе было сдѣлано на счетъ Потемкина самымъ великолѣпнымъ образомъ съ гравюрами.

По воскресеньямъ обыкновенно пріѣзжалъ за нами братъ Василій Васильевичъ, служившій уже въ военной

службѣ въ Кексгольмскомъ гренадерскомъ полку, откуда онъ вскорѣ былъ переведенъ въ гвардію—въ Преображенскій полкъ. Братъ отвозилъ насъ или къ дядюшкѣ Виктору Павловичу, или къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Безбородко, урожденной Ширяй.

Въ 10 часовъ вечера всѣ воспитанники непремѣнно должны были быть въ пансіонѣ. Помню однажды, возвращаясь съ дачи отъ графини Безбородко, мы, по случаю разводки мостовъ, не могли попасть на эту сторону и должны были возвратиться ночевать на дачу.

За эту, совершенно не отъ насъ зависѣвшую неаккуратность, мы лишились отпуска на два воскресенья.

Аббатъ Николь сдалъ свой пансіонъ въ 1806 году двумъ братьямъ аббатамъ Мокаръ; при нихъ, какъ говорятъ, пансіонъ началъ упадать.

Старшій Мокаръ былъ воспитателемъ графа Армфельдъ, а другой Жозефъ Мокаръ—воспитателемъ графа Александра Никитича Панина, старшаго брата Виктора Никитича, бывшаго потомъ министромъ Юстиціи.

При братьяхъ Мокаръ, въ Январѣ 1807 года я окончилъ воспитаніе; мнѣ было тогда 17 лѣтъ.

Позже, во время кампаніи въ 1814 году, я еще разъ имѣлъ случай встрѣтиться съ старшимъ аббатомъ Мокаръ во Франціи, въ Реймсѣ, гдѣ онъ былъ канонникомъ въ каѳедральномъ соборѣ.

Будучи еще въ пансіонѣ, мы съ братомъ Александромъ Васильевичемъ были записаны юнкерами въ Иностранную коллегію; въ пансіонѣ же насъ произвели въ

слѣдующій чинъ, въ переводчики, и возили присягать въ коллегію на чинъ.

Поѣздка по окончаніи курса въ Ярославецъ.

(1807—1809 гг.)

Въ Февралѣ 1807 года, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Васильевичемъ, мы оставили Петербургъ и уѣхали въ Ярославецъ.

Жизнь въ то время въ деревнѣ, какъ мнѣ показалось, была пріятнѣе и проще. У насъ въ Ярославцѣ домъ былъ всегда полонъ гостей, пріѣзжавшихъ не съ визитами только, но остававшихся жить по недѣлямъ и больше. Музыка у насъ была своя, поэтому тотчасъ устраивались танцы и веселились всю ночь. Для сна бывало безъ всякой церемоніи внесутъ въ комнаты сѣна, накроютъ коврами, и постели гостямъ готовы! Всѣ были довольны, и претензій никогда никто не предъявлялъ,—теперь и немыслимо что либо подобное.

Братъ мой Александръ Васильевичъ, проживши въ Ярославцѣ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратился въ Петербургъ, а я оставался цѣлый годъ, потому что для службы былъ еще очень молодъ.

Поѣздка въ Москву.

(1808—1809 гг.)

Въ началѣ 1808 года братъ Александръ Васильевичъ, какъ я уже сказалъ, уѣхалъ въ Петербургъ, а

вслѣдъ за нимъ матушка съ нами рѣшилась ѣхать въ Москву, гдѣ тогда тяжко заболѣлъ братъ ея Иванъ Васильевичъ Туманскій. Онъ лишился разсудка и оставался безъ всякаго присмотра и попеченія, потому что жена его была въ деревнѣ при послѣднихъ дняхъ беременности. Въ виду этого матушка рѣшилась ѣхать къ брату. Мы поѣхали на долгихъ, и потому путь нашъ продолжался болѣе недѣли; ночи мы проводили на самыхъ дурныхъ квартирахъ. Въ Москвѣ мы остановились у больнаго дяди въ домѣ графа Разумовскаго на Тверской (гдѣ теперь Англійскій клубъ) и застали дядю въ самомъ жалкомъ положеніи. Чтобы освободить графа Разумовскаго, съ которымъ Иванъ Васильевичъ Туманскій былъ очень друженъ, мы сейчасъ по пріѣздѣ пріискали квартиру. На дядю Ивана Васильевича давно начали находить припадки сумасшествія, а когда мы пріѣхали, онъ былъ уже почти въ бѣшенствѣ. Подъ присмотромъ матушки онъ пробылъ не долго, потому что жена его, послѣ родовъ, пріѣхала изъ деревни и увезла его съ собою.

Въ Москву къ намъ пріѣхали мои братья, съ которыми вмѣстѣ, по истеченіи срока ихъ отпуска, и я уѣхалъ въ Петербургъ, а матушка съ сестрой Еленой Васильевной отправилась обратно въ деревню.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я, первое время, жилъ въ казармахъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ и товарищемъ моимъ по пансіону, графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ.

Братъ Александръ Васильевичъ жилъ вмѣстѣ съ Васильемъ Васильевичемъ, а братъ Демьянъ Васильевичъ—со своимъ лучшимъ другомъ Николаемъ Прокофьевичемъ Пражевскимъ въ Почтамтской улицѣ, въ домѣ Сиверса; впослѣдствіи въ томъ же домѣ мы взяли большую квартиру, и всѣ трое вмѣстѣ съ Пражевскимъ въ ней поселились.

Вспоминая о Сергѣѣ Павловичѣ Потемкинѣ, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ этой оригинальной личности.

Будучи еще въ пансіонѣ, онъ имѣлъ уже тысячъ двадцать долгу разнощикамъ, и жилъ всегда изо-дня въ день.

При самомъ рожденіи, по протекціи свѣтлѣйшаго князя Потемкина, котораго онъ былъ крестнымъ сыномъ, Сергѣй Павловичъ былъ записанъ подполковникомъ артиллеріи, но Императоръ Павелъ, вмѣстѣ съ прочими, выключилъ его изъ службы по причинѣ малолѣтства; впослѣдствіи при Императорѣ Александрѣ I его снова приняли въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ.

Въ пансіонѣ Потемкинъ учился очень плохо, не смотря на то, что имѣлъ много врожденнаго ума. Его мать, женщина своенравная, не любила его и не позволяла ему выйти изъ пансіона лѣтъ до 18. Однажды мой братъ Василій Васильевичъ, бывшій тогда уже въ Преображенскомъ полку, пріѣхалъ въ пансіонъ и уговорилъ его выйти оттуда повторяя: „долго-ли ты будешь здѣсь оставаться? вѣдь ты совершеннолѣтній—пойдемъ служить“. Тотъ согласился, братъ взялъ его съ собою, предста-

вилъ своему полковому командиру, и съ тѣхъ поръ Потемкинъ началъ службу.

Такъ какъ Сергѣй Павловичъ былъ ужасный мотъ, а мать ему денегъ не давала, то онъ выдавалъ векселя, иногда въ нѣсколько тысячъ рублей и получалъ вмѣсто денегъ за нихъ: маски, стеклянные глаза, перчатки на одну руку и т. п. вещи, которыя тѣ же купцы и брали у него назадъ за безцѣнокъ. Получивъ такимъ образомъ за нихъ нѣкоторую сумму денегъ, Потемкинъ давалъ пиръ горой, на который обыкновенно бывали приглашаемы и литераторы, такъ какъ онъ самъ любилъ заниматься стихотворствомъ; въ числѣ прочихъ его произведеній я помню переводъ трагедіи „Athalie“ Расина. Съ нѣкоторыми литераторами изъ посѣщавшихъ его и я познакомился. Изъ нихъ я долженъ упомянуть о князѣ Шаховскомъ, извѣстномъ своими комедіями, переводами трагедій и поэмой „Расхищенныя шубы“. Между прочими я познакомился съ двумя братьями Корсаковыми, изъ которыхъ одинъ принялъ фамилію Дундукова-Корсакова (перешедшую къ нему отъ его тестя); другой братъ, очень любезный молодой человѣкъ, умеръ въ молодости (онъ то собственно и былъ литераторъ). Дундуковъ-Корсаковъ былъ членомъ Академіи наукъ, потомъ ея вице-президентомъ и попечителемъ С.-Петербургскаго округа. Еще бывали у Потемкина: литераторъ Жихаревъ, написавшій трагедію „Медея“, и молодой Хвостовъ, сынъ извѣстнаго писателя Александра Семеновича Хвостова. Собранія эти бывали довольно

веселыя; трактовали всего больше о литературѣ, — о политикѣ рѣчи никогда не заходило,—а главнымъ образомъ на этихъ вечерахъ хорошо пили и ѣли.

Не разъ мнѣ случалось мирить Сергѣя Павловича Потемкина съ его матерью. Она была женщина взбалмошная и безнравственная, имѣла много связей, прежде чѣмъ вышла во второй разъ замужъ за М—а (офицера Измайловскаго полка), который также еще до свадьбы, былъ у ней на содержаніи.

Желая помирить мать съ сыномъ, я уговорилъ Сергѣя Павловича дать обѣдъ и пригласить мать, вмѣстѣ съ ея мужемъ, который тоже былъ не прочь водворить нѣкоторое согласіе въ семействѣ. Такимъ образомъ примиреніе дѣйствительно состоялось.

Послѣ смерти матери Сергѣй Павловичъ получилъ въ наслѣдство свое родовое имѣніе, а мужу своему она оставила капиталъ.

Потемкинъ началъ съ того, что продалъ свое Смоленское имѣніе въ казну, для перестройки церкви Спаса въ Москвѣ.

Женившись на княжнѣ Трубецкой, Сергѣй Павловичъ поселился въ деревнѣ Глушковѣ, гдѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ его женой, прелюбезной и милой женщиной. Признаюсь, что хоть я и очень любилъ графа, но удивлялся, какъ такая женщина, какова была княжна Трубецкая, могла выйти за подобнаго оригинала. Она была очень красивая женщина, высокаго роста и имѣла прекрасный характеръ. Я скоро съ ней сошелся

и даже очень подружился; дружба наша продолжается и до сихъ поръ. (Потемкиной теперь 79 лѣтъ).

Случилось мнѣ разъ послѣ похода по приглашенію Потемкина пріѣхать къ нему въ гости въ Глушково. (Тогда я еще не былъ знакомъ съ его женой). Пріѣхавъ я застаю у него большое общество охотниковъ; всѣ деревенскіе сосѣди съѣхались къ нему съ ружьями и собаками, не смотря на то, что самъ онъ никогда изъ ружья не стрѣлялъ и даже на лошадь не садился.

Онъ звалъ меня къ себѣ на имянины, но я ошибся днемъ и пріѣхалъ позже, т. е. вмѣсто Сергія Радонежскаго, я нашелъ въ календарѣ другаго Сергія, праздновавшагося совмѣстно съ другимъ Святымъ—Вакхомъ. Въ оправданіе свое, я такъ ему и сказалъ шутя: „извини пожалуйста, я ошибся: узнавъ, что сегодня празднуется Сергія и Вакха, я подумалъ, что ты имянинникъ“.

Онъ началъ мнѣ показывать всѣ свои улучшенія и между прочимъ вновь отдѣланную церковь. Церковь была пятиглавая въ старинномъ стилѣ, онъ поставилъ въ ней новыя врата.

— Да помилуй, говорю я ему, вѣдь врата совсѣмъ не соотвѣтствуютъ стилю твоей церкви.—Съ моимъ замѣчаніемъ Потемкинъ тотчасъ согласился—и что же я узнаю? Немного спустя послѣ моего отъѣзда, онъ приказалъ церковь сломать и началъ постройку ея снова.

Весь иконостасъ для этой церкви былъ привезенъ въ Глушково на тройкахъ для того, чтобы поспѣть непремѣнно къ назначенному дню его имянинъ. Для освя-

щенія церкви приглашенъ былъ архіерей со всѣмъ причтомъ, и для этого случая Сергѣй Павловичъ сдѣлалъ на свой счетъ имъ всѣмъ новыя, очень дорогія ризы.

Провизію въ Глушково доставляли изъ Москвы на почтовыхъ, по казенной подорожной, чрезъ посредство Курскаго губернатора Кожухина, женатаго на родственницѣ Потемкина; впрочемъ, подорожныя эти стоили ему не очень дешево.

Въ Москвѣ онъ купилъ домъ Тучкова такимъ образомъ: пріѣзжаетъ онъ къ Тучкову и спрашиваетъ: „вы, кажется, продаете домъ—я бы желалъ его купить. Домъ вашъ мнѣ очень нравится. Сколько вы за него возьмете?“ „Полагаюсь на васъ, графъ, у васъ такой прекрасный вкусъ,—оцѣните его сами. Вы видите, какъ онъ меблированъ“. Графъ назначилъ самъ цѣну, столь высокую, что Тучковъ съ радостью согласился, сказавъ, впрочемъ, что хотя это немножко дешево, но что отъ своихъ словъ онъ ни въ какомъ случаѣ не отступится.

Купивъ этотъ домъ, Сергѣй Павловичъ совершенно его разломалъ, мебель перемѣнилъ и, будучи уже въ совершенно дурныхъ обстоятельствахъ, онъ все-таки рѣшился къ этому дому пристроить огромную залу, которую хотѣлъ соединить съ главнымъ корпусомъ; но онъ не кончилъ этого плана, потому что надъ нимъ, наконецъ, назначено было попечительство. Передѣлки и перестройки были его страстью; онъ производилъ ихъ даже въ чужихъ домахъ.

Впослѣдствіи, когда вышелъ въ отставку, Потем-

кинъ купилъ и содержалъ двадцать рысаковъ, которыхъ держалъ на другомъ дворѣ въ конюшняхъ, устроенныхъ подобно царскимъ. Самъ онъ на нихъ никогда не ѣздилъ, а только смотрѣлъ, какъ они отличались на бѣгу, причемъ кучера его были въ бобровыхъ воротникахъ и шапкахъ. Кредиторы узнавъ, гдѣ находятся рысаки, бросились захватить ихъ, потому что все это было имъ пріобрѣтено въ долгъ. Потемкинъ провѣдалъ какъ-то объ этомъ и продалъ лошадей за полцѣны кучеру Государя Ильюшкѣ, которому изъ этой полцѣны заплатилъ еще половину. Такимъ образомъ, когда купцы пришли брать лошадей, то имъ сказали, что лошади принадлежатъ Государю.

Другой разъ кредиторы хотѣли захватить его самого. Я жилъ въ это время въ Царскомъ Селѣ; вижу, вдругъ несутся къ моему дому сани и въ нихъ Потемкинъ.— „Спасаюсь, говоритъ онъ, отъ кредиторовъ...“. Оказалось, что его кредиторы ждали у подъѣзда, а онъ выскочилъ въ окно и, просидѣвъ нѣсколько часовъ на фонарѣ (это было въ морозъ), вскочилъ на перваго попавшагося извощика, пріѣхалъ ко мнѣ и такимъ образомъ спасся.

Конецъ своей жизни Потемкинъ провелъ въ Петербургѣ и не смотря на лѣта и на плохое состояніе своихъ дѣлъ, ни мало не измѣнился: по прежнему каждый день бывалъ въ театрѣ и всегда поклонникомъ какой-нибудь танцовщицы. Его всегда можно было видѣть въ первыхъ рядахъ креселъ иногда спящимъ, а по временамъ даже храпящимъ; но привычкамъ своимъ онъ никогда не измѣ-

нялъ. Случатся у него деньги—сейчасъ задаетъ обѣдъ, для котораго ему приходилось нанимать даже мебель. На такихъ обѣдахъ у него было самое разнообразное общество.

Живя въ Петербургѣ и считаясь на службѣ въ Иностранной коллегіи, я мало бывалъ въ обществѣ, за исключеніемъ трехъ — четырехъ домовъ, а именно: я ѣздилъ къ графинѣ Завадовской и къ графинѣ Любовь Ильинишнѣ Кушелевой. Чаще другихъ я бывалъ у дядюшки Виктора Павловича и у графини Анны Ивановны Безбородко—добрѣйшей женщины, у которой я всегда былъ принятъ какъ родной. Графиня называла меня „милое дитя" и меня очень любила. Графъ Илья Андреевичъ и графиня Анна Ивановна жили на Почтамтской въ собственномъ домѣ, гдѣ теперь помѣщается почтовый департаментъ. Домъ этотъ былъ очень богато убранъ еще покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ А. А. Безбородко; тамъ была прекрасная картинная галлерея и пропасть художественныхъ произведеній: мрамора, фарфора, бронзы, купленныхъ княземъ Безбородко во времена французской революціи у принцевъ крови и у богатыхъ аристократовъ, бѣжавшихъ въ тѣ смутныя времена изъ Франціи, чтобы спасти свою голову отъ революціоннаго эшафота.

Графъ Безбородко вообще жилъ очень роскошно, хотя и не былъ мотъ; у него въ домѣ была собственная роговая музыка и какъ зимой въ Петербургѣ, такъ и лѣтомъ на его прекрасной дачѣ, на Выборгской сто-

ронѣ, каждый четвергъ и воскресенье бывалъ открытый столъ, къ которому пріѣзжали безъ приглашенія всѣ знакомые, такъ что, иногда, число гостей въ эти дни доходило до ста и болѣе человѣкъ. Обѣдъ подавался всегда въ три часа; по вечерамъ гостей еще прибавлялось, и почти всегда устраивались танцы. Часовъ въ 10 подавался ужинъ.

Графъ Илья Андреевичъ былъ большой оригиналъ, немного грубый, но предобрый человѣкъ, въ особенности для своихъ соотечественниковъ—малороссіянъ. Самою лучшею чертою его характера была та, что онъ, дѣлая добро, любилъ держать это въ тайнѣ, такъ что только самые близкіе къ нему люди могли знать о томъ. Всѣ малороссіяне, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, принимаемы были имъ очень ласково, а нѣкоторымъ изъ нихъ бывали даже отводимы въ домѣ его квартиры. Только изрѣдка, когда графъ бывалъ не въ духѣ, онъ говаривалъ: „я скоро велю прибить къ воротамъ вывѣску съ надписью: Малороссійскій постоялый дворъ“.

Въ 1807 году графъ Илья Андреевичъ Безбородко былъ назначенъ начальникомъ милиціи въ Черниговской губерніи и потому часто бывалъ въ отлучкѣ, но домъ его по прежнему былъ открытъ для всѣхъ. Пріемъ, которымъ я пользовался у графа Безбородко и у дочери его графини Кушелевой, имѣлъ на меня то вліяніе, что я мало выѣзжалъ въ большой свѣтъ и не старался распространить свое знакомство за предѣлы этихъ двухъ домовъ, гдѣ я былъ принятъ какъ родной.

Въ то время я часто также бывалъ у дядюшки моего Виктора Павловича Кочубея. Въ одно изъ такихъ посѣщеній моихъ, вмѣстѣ съ братомъ Демьяномъ Васильевичемъ, я засталъ у дяди: Василія Степановича Томару *), Пестеля **) и Тутолмина ***). Въ присутствіи ихъ, между прочимъ разговоромъ, Викторъ Павловичъ объявилъ, что Государь намѣренъ уничтожить крѣпостное право, т. е. дать крестьянамъ свободу. Это сообщеніе дяди всѣхъ очень удивило. Я и братъ по отъѣздѣ гостей обратились къ нему съ вопросомъ: нужно ли держать разсказанное имъ въ тайнѣ. Дядя насъ разубѣдилъ въ этомъ говоря, что, напротивъ, слѣдуетъ объ этомъ разговаривать больше, потому что это неминуемо и въ скоромъ времени должно состояться.

Оттуда мы поѣхали прямо въ Полюстрово, на обѣдъ къ графу Безбородко, и тамъ всѣмъ разсказали, что на дняхъ будетъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Каково же было наше удивленіе, когда спустя нѣсколько дней мы прочли въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что „нѣкоторые злоумышленники распространяютъ ложные слухи о томъ, будто бы Правительство намѣрено прервать тѣсную связь крестьянъ съ дворянствомъ, но что слухи эти не имѣютъ ровно никакого основанія“.

---

*) Сенаторъ и бывшій посланникъ нашъ въ Константинополѣ.

**) Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

***) Женатаго на графинѣ Паниной.

Въ 1809 году домъ графа Безбородко особенно оживился, потому что меньшая его дочь Клеопатра Ильинишна начала выѣзжать въ свѣтъ; ей минуло 18 лѣтъ, и она была пожалована фрейлиной. Съ того времени въ домѣ графа Безбородко стали давать большіе званные балы, въ огромномъ зеркальномъ залѣ, смежномъ съ красною гостинною „Marie Antoinette".

Хозяйкою этихъ праздниковъ всегда была графиня Кушелева, Любовь Ильинишна, старшая сестра Клеопатры Ильинишны Безбородко.

Клеопатра Ильинишна была очень богатой невѣстой, и потому естественно, что къ ней сваталось много жениховъ, въ средѣ которыхъ я помню находились: графъ Александръ Ивановичъ Апраксинъ, князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ и еще одинъ большой чудакъ, но храбрый артиллерійскій офицеръ Костенецкій, который не смотря на то, что ему было отказано даже отъ дома, однажды пріѣхалъ, оттолкнулъ швейцара, вошелъ и объяснился съ графиней. Получивъ отъ нея отказъ, онъ хотѣлъ насильно увезти Клеопатру Ильинишну, увѣряя, что очень въ неё влюбленъ. Послѣднее было нѣсколько сомнительно—вѣрнѣе, что онъ желалъ разбогатѣть.

Клеопатра Ильинишна не была такая красавица, какъ ея старшая сестра: она была слишкомъ смугла, но при всемъ томъ была очень стройная дѣвушка и смѣлая наѣздница. Характеромъ своимъ она отчасти была похожа на отца.

Наконецъ, къ ней посватался князь Александръ

Яковлевичъ Лобановъ, который и успѣлъ получить согласіе ея родителей черезъ посредство своего отца Якова Ивановича Лобанова *). Свадьба Клеопатры Ильинишны съ княземъ Александромъ Яковлевичемъ (моимъ товарищемъ по пансіону) состоялась еще при жизни графини Кушелевой. Бракъ ихъ сначала казался очень счастливымъ, но впослѣдствіи они поссорились и разошлись совершенно.

Александръ Яковлевичъ началъ съ того, что поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ проигралъ не только много денегъ, но и полученное имъ въ приданое за женою подольское имѣніе, которое поляки тотчасъ же все раскупили.

Сынъ князя Безбородко Андрей Ильичъ былъ неуклюжій и слабоумный человѣкъ; онъ воспитывался дома и съ гувернеромъ своимъ былъ отправленъ въ Парижъ. Въ день коронаціи Императора Павла Петровича онъ былъ пожалованъ камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Окончивъ въ Парижѣ свое образованіе, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ его завербовали въ Александрійскій гусарскій полкъ. Когда его произвели въ офицеры, то онъ, желая отличиться, ночью отправился точить саблю о пьедесталъ монумента Суворова, находившагося тогда на Царицыномъ лугу, противъ сада Михаила Павловича. Товарищи много надъ нимъ потѣшались, между прочимъ, пользуясь его близорукостью, случалось водили его въ атаку на воловъ

*) Малороссійскій генералъ-губернаторъ.

и барановъ и кончили тѣмъ, что обыграли его въ карты.

Надѣлавъ долговъ тысячъ на 20, Андрей Ильичъ наконецъ вышелъ въ отставку и, будучи опять принятъ камергеромъ ко двору, скучалъ въ отцовскомъ домѣ, называя его „бронзовымъ дворцомъ“. Домъ этотъ дѣйствительно вполнѣ заслуживалъ это названіе, по той обширной коллекціи бронзы, которая въ немъ находилась.

Во время обѣда Андрей Ильичъ садился на самомъ краю стола, стараясь всегда усадить меня рядомъ съ собою, и заставлялъ пить вино въ виду того, будто бы, что если я стану отказываться, то его maman скорѣе замѣтитъ, что онъ пьетъ.

У себя въ квартирѣ онъ только тѣмъ и занимался, что пилъ вино и читалъ исторію Rolin.

Андрей Ильичъ былъ не красивъ собою и имѣлъ много недостатковъ, но при всемъ томъ былъ очень добрый человѣкъ и никогда не дѣлалъ никому зла.

Апрѣля 18-го 1809 года состоялась въ Петербургѣ свадьба Великой Княгини Екатерины Павловны съ Принцемъ Георгіемъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ отцемъ и другимъ старшимъ своимъ братомъ Августомъ, назначеннымъ генералъ-губернаторомъ въ Ревель. Бракъ Великой Княжны съ Принцемъ Георгіемъ Петровичемъ состоялся очень поспѣшно, вслѣдствіе того, что при дворѣ узнали о намѣреніи Наполеона породниться съ какой-либо высокой царственной фамиліей, и даже пронесся

слухъ, будто онъ именно желаетъ просить руки Екатерины Павловны. Императрица Марія Ѳеодоровна, имѣя въ виду отдѣлаться во что бы то ни стало отъ этого предложенія, рѣшила какъ можно скорѣе выдать замужъ Великую Княжну, а пріѣздъ въ Петербургъ принцевъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлалъ предложеніе, помогъ намѣренію Императрицы и получилъ ея согласіе.

Въ томъ же 1809 году умерла графиня Кушелева, и ея кончина имѣла огромное вліяніе на образъ жизни въ домѣ графа Безбородко.

Я и братъ Демьянъ Васильевичъ, соскучась оставаться безъ всякаго дѣла, воспользовались случаемъ, что Принцъ Ольденбургскій назначенъ былъ въ Тверь генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ Путей Сообщенія, и перешли изъ Иностранной коллегіи въ канцелярію Принца.

Тверское генералъ-губернаторство состояло изъ Тверской, Ярославской и Новгородской губерній.

Братъ Александръ Васильевичъ тоже оставилъ Петербургъ и уѣхалъ на службу къ Таганрогскому градоначальнику Кампенгаузену, который впослѣдствіи получилъ назначеніе государственнаго контролера; тогда съ нимъ вмѣстѣ и Александръ Васильевичъ перешелъ въ контроль.

Въ августѣ, и какъ мнѣ помнится, именно 30 числа, мы съ братомъ Демьяномъ Васильевичемъ пріѣхали въ Тверь и явились къ Ѳедору Петровичу Лубяновскому, начальнику канцеляріи Принца и Экспедиціи Путей Сообщенія.

Принцъ мало зналъ Россію, и потому Лубяновскій игралъ при немъ большую роль. Лубяновскій доложилъ о насъ Великой Княгинѣ, и мы въ тотъ же вечеръ, на балѣ, были представлены Ея Высочеству.

Екатерина Павловна походила на отца, но была очень пріятной наружности, только немножко сутуловата. При всемъ томъ она была добра, умна и любезна въ обществѣ, такъ что многіе изъ приближенныхъ, въ томъ числѣ и знаменитый живописецъ Кипренскій, были въ нее влюблены.

Великая Княгиня часто принимала участіе въ дѣлахъ управленія: заставляла Принца дѣлать внезапныя ревизіи уѣздовъ и городовъ и даже нерѣдко сама съ нимъ ѣздила на эти ревизіи.

Вообще Ея Высочество пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Ее часто посѣщали: Императоръ, Императрица и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Нерѣдко тоже пріѣзжали въ Тверь и представлялись Великой Княгинѣ: фельдмаршалъ и главнокомандующій Москвы графъ Гудовичъ, графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ *), графъ Мусинъ-Пушкинъ съ женою и двумя дочерьми; оберъ-камергеры: Александръ Львовичъ Нарышкинъ и графъ Өедоръ Петровичъ Растопчинъ, который, какъ надо полагать, по протекціи Екатерины Павловны получилъ московское генералъ-губернаторство.

---

*) Богатый московскій помѣщикъ, бывшій оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода.

Я помню очень хорошо первый пріѣздъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Это было зимой, холодъ былъ жестокій; Принцъ поѣхалъ къ ней на встрѣчу, и они вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ, пріѣхали прямо къ собору, находившемуся противъ дворца. Послѣ краткаго молебствія, когда Императрица снова сѣла въ карету, чтобы поѣхать ко дворцу, Великая Княгиня, увидѣвъ мать, выбѣжала къ ней на встрѣчу и отъ волненія и радости упала въ обморокъ. (Она тогда была беременна). Ее отнесли на верхъ на рукахъ, но, къ счастію, обморокъ былъ непродолжителенъ и не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Тутъ кстати упомянуть, что въ Тверь нерѣдко пріѣзжали сенаторъ Дмитріевъ, бывшій впослѣдствіи Министромъ Юстиціи и графъ Илья Андреевичъ Безбородко, который, проѣздомъ въ свое имѣніе, въ Малороссію, также всегда заѣзжалъ въ Тверь и постоянно останавливался у насъ.

Частымъ посѣтителемъ Твери былъ князь Грудзинскій, большой оригиналъ; онъ ходилъ всегда въ атласныхъ панталонахъ и въ сапогахъ съ кисточками. Но не смотря на свою оригинальную внѣшность, князь Грудзинскій пользовался репутаціей здравомыслящаго человѣка, и Великая Княгиня давала ему много порученій, въ томъ числѣ — составить проэктъ судоходной управы; у него было имѣніе на Волгѣ и ему, слѣдовательно, было хорошо знакомо судоходство.

Иногда пріѣзжалъ въ Тверь помѣщикъ Бакунинъ,

очень умный и просвѣщенный человѣкъ, со своею женою, прекраснѣйшею женщиною и матерью знаменитаго Бакунина—„всемірнаго агитатора“ (какъ онъ самъ себя называетъ), сосланнаго въ Сибирь, откуда, впрочемъ, онъ скоро бѣжалъ.

Близь Твери было имѣніе отставнаго полковника Александра Павловича Офросимова, бывшаго адъютанта Багратіона. Этотъ Офросимовъ былъ большой оригиналъ и картежникъ, и мы съ братомъ, да еще двое нашихъ товарищей, познакомившись съ нимъ, обязаны были ему тѣмъ, что пристрастились къ игрѣ. Онъ выучилъ насъ играть въ банкъ—фараонъ, закладывая всегда маленькій банчикъ, причемъ мы, то одинъ, то другой, проигрывали ему по пятидесяти, по сто рублей. Иванъ Александровичъ Лобановъ, благодаря этой страсти, впослѣдствіи проигралъ все свое состояніе. Но одинъ разъ мнѣ случилось дать Офросимову хорошій урокъ. Онъ, по своему обыкновенію, заложилъ банкъ въ 100 рублей, я этотъ банкъ у него сорвалъ; онъ заложилъ другой—и другой я сорвалъ; наконецъ, онъ закладываетъ тысячу рублей—я тоже выигралъ. Тутъ онъ ужъ совсѣмъ потерялъ голову и говоритъ: „Я отвѣчаю за всякую ставку, ставьте, сколько вамъ угодно“.

Кончилось тѣмъ, что я выигралъ у него 10 тысячъ. Замѣтивъ, что Офросимовъ отъ такой неудачи совершенно растерялся, я ему предложилъ кондиціи такого рода: онъ заплатитъ мнѣ тысячу рублей, а остальныя девять тысячъ рублей я ставлю снова, до тѣхъ

поръ, пока ихъ проиграю. Онъ согласился и такимъ образомъ воротилъ свой проигрышъ; на другой день послѣ этого случая я получилъ отъ него тысячу рублей и благодарность за хорошій урокъ.

Подобнаго рода счастія въ картахъ со мною болѣе никогда не случалось, а напротивъ того, я дорого заплатилъ, пристрастившись къ азартнымъ играмъ; въ зимнее время, во время полковой жизни отъ скуки я часто игралъ въ карты и много проигрывалъ.

Въ управленіи Путей Сообщенія въ Твери служилъ генералъ-лейтенантъ Деволанъ; онъ былъ старшимъ членомъ Совѣта Экспедиціи Путей Сообщенія и по своимъ лѣтамъ и опытности заслуживалъ полнаго уваженія Принца и Великой Княгини. Этотъ Деволанъ былъ причиною паденія Лубяновскаго. Случилось это такимъ образомъ. По случаю устройства канала, необходимо было уничтожить стоящую близь Рыбинска мельницу. Владѣлецъ мельницы требовалъ за нее слишкомъ высокую цѣну, и Деволанъ полагалъ, что мельницу слѣдуетъ оцѣнить, и по сдѣланной оцѣнкѣ пріобрѣсти въ казну. Лубяновскій возражая на это говорилъ, что въ Россіи нѣтъ такого закона, который бы дозволялъ насильственнымъ образомъ отчуждать собственность, а что это дозволяется только въ случаѣ преступности лица, отъ котораго собственность отчуждается, прибавивъ, что такіе законы быть можетъ существуютъ въ Германіи или въ Голландіи, но не у насъ. (Деволанъ былъ голландецъ).

Такимъ образомъ ссора вышла довольно крупная;

они наговорили другъ другу много колкостей. Деволанъ пожаловался Принцу, сказавъ, что онъ съ Лубяновскимъ больше служить не можетъ и потому принужденъ будетъ выйти въ отставку.

Великая Княгиня еще раньше была недовольна Лубяновскимъ за то, что онъ со всѣми вообще и въ отношенiи къ Принцу въ особенности принималъ на себя слишкомъ важный и наставительный тонъ, а потому, узнавъ отъ Принца, во время игры съ нимъ на биллiардѣ, о ссорѣ Лубяновскаго съ Деволаномъ и о причинѣ ея, разсердилась и, позвавъ дежурнаго адъютанта, поручила немедленно передать Лубяновскому приказанiе Принца оставить Тверь въ двадцать четыре часа.

На мѣсто Лубяновскаго—по экспедицiи—поступилъ нѣкто Серебряковъ, а директоромъ канцелярiи Принца—Гетунъ.

Въ Твери находился очень ветхiй дворецъ, который рѣшено было перестроить для того, чтобы Ихъ Высочества могли имѣть въ немъ свое пребыванiе; для этой цѣли изъ Петербурга былъ присланъ въ Тверь архитекторъ Росси. Дворецъ состоялъ изъ двухъ залъ: бальной залы и залы, принадлежащей собственно Великой Княгинѣ, кабинета Принца и другихъ комнатъ; между прочимъ нѣкоторые придворные имѣли также помѣщенiе въ дворцѣ. Тамъ была прекрасная церковь, куда каждое воскресенье мы ходили въ парадъ.

Зимою Екатерина Павловна давала часто балы и праздники и между прочимъ устраивала катанье съ

горъ. Это послѣднее увеселеніе я не особенно любилъ, потому что оно происходило всегда почти послѣ dejeuner dansant и приходилось кататься съ горъ въ чулкахъ и башмакахъ.

Одинъ изъ этихъ праздниковъ особенно сохранился у меня въ памяти. Это былъ маскарадъ, данный по случаю пріѣзда въ Тверь Императора Александра Павловича. На одинъ танецъ, помню, я пригласилъ госпожу Зубчанинову, жену очень богатаго купца, который имѣлъ торговыя сношенія съ Ригой, а впослѣдствіи былъ городскимъ головою въ Твери. Г-жа Зубчанинова, урожденная лифляндка, была не дурна собою и прекрасно образована.

Случилось, что Императоръ тоже пригласилъ ее на этотъ танецъ, и она, не зная придворнаго этикета, сказала ему, что она уже ангажирована. „Кто этотъ счастливый смертный?“ спросилъ Государь. Зубчанинова указала на меня. Разумѣется, я ей объяснилъ послѣ, что Императору на балу не отказываютъ.

Въ 1810 году Великая Княгиня Екатерина Павловна ѣздила въ Петербургъ, по случаю своей беременности, именно для того, чтобы тамъ разрѣшиться. Она не могла ѣхать въ экипажѣ и потому совершила этотъ путь на баркѣ. Тогда же и я съ братомъ получилъ отпускъ; мы ѣздили въ Малороссію, гдѣ узнали, что дядя Викторъ Павловичъ намѣренъ пріѣхать въ свое имѣніе Диканьку. Желая повидаться съ нимъ, мы отправились туда и пробыли у него цѣлый мѣсяцъ.

Возвратясь въ Тверь, мы скоро привѣтствовали возвращеніе и Великой Княгини изъ Петербурга.

Прежде другихъ въ Твери я и братъ Демьянъ Васильевичъ познакомились съ Огаревыми.

Николай Ивановичъ Огаревъ былъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при Принцѣ Ольденбургскомъ. Человѣкъ просвѣщенный и дѣловой, но истинный философъ, воспитанный въ идеяхъ Вольтера и Жанъ-Жакъ-Руссо, онъ былъ, при всемъ томъ, человѣкъ честнѣйшихъ правилъ, и ему всегда давались наиболѣе важныя порученія; впослѣдствіи Николай Ивановичъ Огаревъ былъ однимъ изъ первыхъ сенаторовъ. Жена его Елизавета Сергѣевна, урожденная Новосильцева, родная племянница извѣстнаго государственнаго дѣятеля Николая Николаевича Новосильцева, была очень умная женщина и имѣла пріятную наружность. Если я пріобрѣлъ любовь къ литературѣ — въ особенности французской, то я обязанъ этимъ вполнѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ; почти ежедневно мы прочитывали съ нею лучшія произведенія французской и русской литературы. Она одушевляла во мнѣ любовь къ поэзіи, и—я помню — сочинялъ для нея стихи въ формѣ мадригаловъ, которые тогда были въ модѣ.

Кромѣ дома Огаревыхъ, мы были приняты тоже очень радушно у княгини Оболенской, премилой женщины, дочери сенатора Нелединскаго-Мелецкаго. Мужъ ея Александръ Петровичъ, отецъ нашего хорошаго знакомаго, князя Юрія Александровича Оболенскаго, былъ человѣкъ добрый, любезный и очень красивый.

Въ домѣ княгини Оболенской я имѣлъ случай сблизиться съ ея отцомъ, извѣстнымъ литераторомъ и любезнѣйшимъ старикомъ Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ. Говорили, что въ молодости Нелединскій-Мелецкій любилъ покутить и былъ страстный игрокъ. Но я его узналъ уже тогда, когда онъ былъ веселымъ, кругленькимъ старичкомъ, который садился играть въ карты только для того, чтобъ составить партію виста, причемъ денегъ самъ не платилъ, а платилъ за него тотъ, за кого онъ игралъ.

Когда я съ нимъ познакомился, то изъ всѣхъ его прежнихъ качествъ въ немъ оставалось только одно обжорство—онъ очень любилъ покушать.

Еще помню въ Твери очень пріятный домъ, гдѣ я тоже часто бывалъ—это семейство Тверскаго губернскаго предводителя дворянства Шишкина *), женатаго на вдовѣ Гедеонова, у которой отъ перваго брака было два сына; одинъ изъ нихъ впослѣдствіи былъ директоромъ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. У Шишкина жили двѣ племянницы его. Старшая изъ нихъ была не хороша собой и при томъ горбата; но другая ея сестра, Наталья Павловна, которой я посвятилъ много стиховъ, была прекрасна собою и при томъ имѣла отличный голосъ. Послѣ, какъ я узналъ, Наталья Павловна вышла замужъ за Гедеонова.

---

*) Онъ былъ прежде Витебскимъ губернаторомъ, но былъ отъ этой должности уволенъ.

Зачастую въ нашъ городъ пріѣзжалъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Его „Исторія Государства Россійскаго“ впервые читалась въ Твери у Великой Княгини, и по случаю этихъ чтеній ею давались особые вечера.

Какъ одно изъ тысячи доказательствъ любезности и внимательности Великой Княгини ко всѣмъ ея приближеннымъ, можно упомянуть тотъ фактъ, что Карамзину за ужиномъ подавались всегда печеныя яблоки, его любимое кушанье. Обыкновенно онъ не любилъ ужинать, но Ея Высочество, какъ-то разъ узнавъ объ этой привычкѣ нашего знаменитаго историка, приказала всегда за ужиномъ подавать печеныя яблоки, желая тѣмъ пріохотить его къ ужинамъ.

Вечера у Великой Княгини оканчивались очень рано, и мы остальную часть времени проводили или у Огаревыхъ, или у Оболенскихъ.

На этихъ собраніяхъ я имѣлъ случай ближе познакомиться съ Карамзинымъ.

Признаюсь, я былъ фанатическимъ послѣдователемъ Шишкова и придерживался такъ называемаго тогда стараго русскаго языка, а потому сначала былъ сильно предубѣжденъ противъ Карамзина, котораго партія Шишкова упрекала во введеніи французскихъ оборотовъ въ русскую рѣчь, искажающихъ будто бы народный языкъ.

Но несмотря на предубѣжденіе, любезность, умъ и начитанность Николая Михайловича меня скоро плѣнили; помню я наши свиданія съ нимъ у Елизаветы Сергѣевны Огаревой и у самого Карамзина, гдѣ не-

рѣдко заходила между нами рѣчь о нововведеніяхъ, споръ длился иногда цѣлый вечеръ, а въ особенности на любимую его тему о томъ, что будто бы въ русскомъ языкѣ нѣтъ правилъ для орѳографіи.

Не защищая особенно русскій языкъ, я замѣтилъ ему, что и во французскомъ нѣтъ достаточно строгихъ правилъ; почему напр. слова: „maison, raison" и т. п. пишутъ черезъ буквы *ai*, а не *e*?

— А почему—въ свою очередь спрашивалъ онъ—въ русскомъ языкѣ слово „кресло" пишутъ черезъ *е* а не черезъ *ѣ*?

— Это довольно трудно объяснить—сказалъ я—но всетаки я думаю, что это правило вытекаетъ изъ того, что слово „кресло" происходитъ отъ слова „крестецъ".

Такимъ образомъ, мнѣ удалось, наконецъ, доказать Николаю Михайловичу, что его мнѣніе на счетъ правилъ только относительно справедливо, и что если правилъ недостаточно, то ихъ замѣняетъ обычай.

Карамзинъ всегда шутя говорилъ, что настоящая монета въ Россіи—это ассигнація.

Вообще я не могу не похвалиться снисходительностію ко мнѣ Николая Михайловича, который, не взирая на разницу нашихъ лѣтъ, никогда не отказывался входить со мною въ пренія и иногда даже изъявлялъ полное согласіе съ моими доводами.

Весьма часто бывалъ у Огаревыхъ графъ Растопчинъ, который любилъ вечернія бесѣды и самъ всегда говорилъ много и хорошо. Иногда его разсказы длились

до поздняго часа, и все общество съ удовольствіемъ слушало и забавлялось его анекдотами, между которыми нерѣдко встрѣчались анекдоты объ его отношеніяхъ къ Императору Павлу Петровичу.

Для полноты моего разсказа, мнѣ слѣдуетъ упомянуть имена всѣхъ лицъ, составлявшихъ штатъ Ихъ Высочествъ Княгини Екатерины Павловны и Принца Георгія Петровича.

Во время пріѣзда нашего въ Тверь въ должности гофмейстерины находилась Хрущова, но она оставалась при дворѣ Великой Княгини не долго, потому что, какъ говорили, она вошла въ близкія сношенія съ адъютантомъ Принца Черняевымъ, и Великая Княгиня, узнавъ объ этомъ, рѣшилась её удалить отъ себя. На ея мѣсто назначена была и согласилась принять на себя должность гофмейстерины статсъ-дама большаго Двора, княгиня Александра Николаевна Волконская.

Фрейлинами были г-жи Шишкина и Шипова, обѣ вышедшія съ шифрами изъ Смольнаго монастыря. Шипова впослѣдствіи вышла замужъ за начальника втораго округа генералъ-инженера Леонтьева *). Шишкина была нехороша собой и, оставшись въ дѣвицахъ, сдѣлалась писательницей. Она написала множество книгъ, преимущественно педагогическаго содержанія. По замужествѣ Шиповой, на ея мѣсто при дворѣ Великой Княгини была назначена Муравьева-Апостолъ, сестра извѣстнаго де-

---

*) Потомъ была начальницею Смольнаго Монастыря.

кабриста. Отецъ ея былъ посланникомъ въ Испаніи, но послѣ, по случаю войны Испаніи съ Франціей, былъ оттуда отозванъ и назначенъ сенаторомъ; онъ былъ извѣстенъ своими сочиненіями и переводами на русскій языкъ латинскихъ писателей. Когда я послѣ жилъ въ Петербургѣ, то имѣлъ случай часто его встрѣчать въ домѣ Натальи Кирилловны Загрядской.

Шталмейстеръ и гофмаршалъ двора Великой Княгини, князь Гагаринъ, былъ намъ знакомъ еще по пансіону, а также и по случаю родственной связи съ фамиліей Балабиныхъ, будучи женатъ на Балабиной, которой, впрочемъ, тогда ужъ не было въ живыхъ. Знакомство наше съ нимъ продолжалось и въ Твери. Гагаринъ имѣлъ большое состояніе, но жилъ такъ роскошно, что совершенно его разстроилъ. Овдовѣвъ, онъ сошелся съ извѣстной трагической актрисой Семеновой, на которой потомъ женился въ Москвѣ, будучи сенаторомъ.

Камергерами къ особѣ Ея Высочества были прикомандированы камергеры большаго Двора Арсеньевъ и Преклонскій. Арсеньевъ былъ женатъ на Коховской, любимой фрейлинѣ Великой Княгини, когда та была еще Княжной. Арсеньевъ занималъ двѣ должности: и камергера, и адъютанта Принца. Преклонскій былъ женатъ на родной сестрѣ извѣстнаго своимъ буйствомъ генерала Измайлова. Преклонская научила играть меня въ бостонъ. Это была женщина весьма оригинальная, съ разными причудами и предразсудками, которыми всегда очень смѣшила Великую Княгиню.

Камеръ-юнкеры—князь А. П. Оболенскій и Языковъ, оба были въ тоже время и адъютантами Принца Ольденбургскаго. Объ А. П. Оболенскомъ я упоминалъ раньше; о Языковѣ могу сказать то, что онъ былъ очень милый, любезный человѣкъ, былъ женатъ впослѣдствіи на Татищевой и убитъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Во время пребыванія нашего въ Твери были пожалованы камеръ-юнкерами большаго Двора сначала князья Лобановы и братъ мой Демьянъ Васильевичъ, а затѣмъ, въ 1811 году, и я.

Хотя мы и считались камеръ-юнкерами большаго Двора, тѣмъ не менѣе считали себя обязанными являться по воскресеньямъ къ выходу во дворецъ Великой Княгини. Адъютантами принца, кромѣ названныхъ, были: Сабиръ, побочный сынъ знаменитаго Рибаса, князь Василій Петровичъ Оболенскій, поступившій на мѣсто Черняева, Бартоломей и Тимродъ.

Василій Петровичъ Оболенскій былъ женатъ впослѣдствіи на графинѣ Пушкиной и умеръ сумашедшимъ.

Особымъ секретаремъ Принца былъ нѣкто Борнъ, бывшій профессоръ Петропавловской школы. Борнъ отлично зналъ русскій языкъ и написалъ даже русскую грамматику. Вообще онъ отличался большими способностями, но былъ подверженъ пьянству.

Докторомъ Принца былъ нѣкто Бахъ, уроженецъ Ольденбурга, а у Великой Княгини—англичанинъ Гарри, который послѣ былъ придворнымъ докторомъ короля Голландскаго.

При Великой Княгинѣ, въ качествѣ духовника, состоялъ отецъ Іоаннъ Павинскій, который былъ учителемъ русскаго языка, когда я воспитывался въ пансіонѣ аббата Николь. Отецъ Павинскій былъ прежде священникомъ при датской миссіи и по протекціи нашего посланника Кошелева поступилъ ко двору Великой Княгини. Послѣ я узналъ, что отецъ Павинскій принялъ монашество и былъ архіепископомъ въ Орлѣ и Казани, гдѣ и скончался.

Изъ числа членовъ Совѣта Путей Сообщенія замѣчательнѣйшими были: генералъ Деволанъ, о которомъ я говорилъ выше по поводу удаленія Лубяновскаго, и Карбоньеръ, отличавшійся своимъ умомъ и любезностью, онъ выучилъ меня играть въ шахматы.

Кромѣ этихъ лицъ, членомъ Совѣта былъ одинъ отставной генералъ - маіоръ NN, престранный человѣкъ, рѣшительно непонятно, за что произведенный въ генералы, развѣ за то, что въ молодости написалъ географію въ стихахъ. Фамилію этого генералъ-маіора я забылъ, но стихи остались у меня въ памяти.

Вотъ образецъ его творчества:

„Отъ береговъ балтійскихъ,
„До острововъ Курильскихъ
„13000 верстъ считается россійскихъ.

или:

„Тутъ лежитъ городъ Псковъ,
„Который славится множествомъ снѣтковъ.

или:

„И древній градъ Смоленскъ,—въ немъ улицы узки;
„Но дѣлаются сахарныя закуски“.

Попавъ случайно въ сферу смѣшнаго, я невольно вспомнилъ еще одного замѣчательнаго чудака, такъ называемаго придворнаго капельмейстера, итальянца Лоди; у Великой Княгини вовсе не было оркестра, и почему этотъ человѣкъ называлъ себя придворнымъ капельмейстеромъ—для меня совершенно не понятно.

Какъ бы то ни было, этотъ Лоди былъ чрезвычайно самолюбивъ, и мы часто надъ нимъ трунили. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ ученикъ Моцарта, и спрашивалъ: Connaissez vous Mozart?

— Oui, comment donc,—отвѣчали ему.

— Mozart, seul et unique, Mozart n'est plus; Lodi, son élève, seul et unique!—восклицалъ онъ восторженно.

Вмѣстѣ съ нами въ экспедицію опредѣлились князья Лобановы, Алексѣй и Иванъ Александровичи, съ которыми мы были очень дружны.

Начальникомъ отдѣленія, въ которомъ служилъ я, былъ Батуринъ, человѣкъ хорошо знающій свое дѣло, потому что долгое время служилъ секретаремъ Коммерцъ-Коллегіи.

Занятія наши нѣкоторое время были весьма ничтожны, и хотя мы были обязаны являться на службу ежедневно, но тѣмъ не менѣе начинали уже скучать бездѣйствіемъ. Наконецъ, Принцъ придумалъ составить изъ насъ четверыхъ родъ коммисіи у принятія прошеній, и мы, поочереди, стали дежурить у Принца, дѣлая для Его Высочества извлеченія изъ просьбъ и докладныхъ записокъ.

Такъ какъ мое пребыванie въ Твери составляетъ эпоху въ моей жизни, то я хочу разсказать обо всѣхъ лицахъ, съ которыми я имѣлъ ближайшiя сношенiя по службѣ и по общественнымъ отношенiямъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ мною домовъ, гдѣ мы были приняты такъ дружелюбно, были еще многiя другiя семейства, гдѣ мы довольно часто бывали.

Во главѣ общества, разумѣется, былъ губернаторъ. Эту должность занималъ тогда Ушаковъ, который каждое воскресенье давалъ у себя большiе обѣды и вечера. Мы были приняты имъ очень любезно и ласково, такъ какъ имѣли къ нему письмо отъ дяди Виктора Павловича. У Ушакова были двѣ дочери, и изъ нихъ одна была довольно недурна собою. Затѣмъ, объ Ушаковѣ можно сказать, что онъ былъ очень добрый человѣкъ, но съ нѣкоторыми привычками повелѣвать и предписывать, да при томъ немного лѣнивъ. Онъ былъ уволенъ отъ должности, потому что Великая Княгиня находила его управленiе слишкомъ слабымъ, и на его мѣсто былъ назначенъ Кологривовъ, который впослѣдствiи сильно злоупотреблялъ довѣрiемъ Принца.

Великая Княгиня постоянно отыскивала умныхъ людей и такимъ образомъ переманила на службу къ Принцу отъ Великаго Князя Константина Павловича нѣкоего Гинца, котораго Великiй Князь очень хвалилъ, называя отличнымъ и умнымъ человѣкомъ.

Гинцъ былъ старый полковникъ, и его перевели въ гражданскую службу въ Тверь чиномъ коллежскаго со-

вѣтника. Чтобы очертить его характеръ, я приведу мой разговоръ съ нимъ по поводу этого перевода. Когда я замѣтилъ ему, что его обидѣли такимъ переводомъ, то онъ мнѣ отвѣчалъ: „Э, молодой человѣкъ! что за чины?.. вотъ важно что...“—и при этомъ показалъ на свой карманъ.

Вотъ по рекомендаціи этого человѣка и былъ назначенъ Кологривовъ, съ которымъ впослѣдствіи они вмѣстѣ обманывали Принца. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1812 года, когда Принцъ уѣхалъ въ Ярославль устраивать тамъ госпиталь, Кологривовъ и чиновникъ Гинцъ, въ его отсутствіе, стали вымогать у сплавщиковъ деньги, останавливая ихъ баржи съ хлѣбомъ, и дѣлать множество тому подобныхъ злоупотребленій. По дѣлу сплавщиковъ былъ присланъ изъ Петербурга на слѣдствіе сенаторъ М. П. Миклашевскій *), и по окончаніи имъ слѣдствія Кологривовъ и Гинцъ были отданы подъ судъ, но Гинцъ какъ то успѣлъ снова попасть въ милость къ Великому Князю Константину Павловичу и былъ имъ назначенъ управляющимъ старостомъ Ловичъ, имѣнія жены Константина Павловича принцессы Ловичъ **) урожденной Грудзинской.

Мы бывали также часто у Татищева и у предсѣдателя Уголовной палаты Крюкова (женатаго на княжнѣ Черкасской), дочь котораго вышла замужъ за статсъ-секретаря у принятія прошеній Лонгинова. Я забылъ

*) Получившій за это слѣдствіе александровскую ленту.

**) Названіе это было ей дано по имени мѣстечка Ловичъ.

упомянуть, что въ числѣ нашихъ добрыхъ пріятелей былъ Реадъ, служившій прежде въ Преображенскомъ полку. Получивъ тамъ непріятности, онъ перешелъ въ вѣдомство Путей Сообщенія и былъ адъютантомъ генерала Деволана. Реадъ былъ двоюродный братъ жены Арсеньева.

Во время кампаніи 1812 года Реада опять приняли въ военную службу въ Сумскій гусарскій полкъ, гдѣ онъ служилъ съ большимъ отличіемъ и, въ концѣ кампаніи, былъ произведенъ въ маіоры. Въ Крымскую кампанію Реадъ былъ полнымъ генераломъ, корпуснымъ командиромъ и убитъ въ сраженіи при Черной рѣчкѣ.

Вотъ краткая характеристика моихъ знакомыхъ и сослуживцевъ во время пребыванія моего въ Твери.

По окончаніи моей службы у Ихъ Высочествъ, я еще нѣсколько разъ встрѣчался съ Великой Княгиней Екатериной Павловной: въ Петербургѣ, гдѣ я былъ на ея второй свадьбѣ съ Принцемъ Виртембергскимъ и во время путешествія моего по Европѣ, въ 1816 году, въ Штутгардтѣ, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Приближался 1812 годъ, роковой годъ для Россіи и для меня лично, потому что въ этомъ году началась для меня новая жизнь.

Въ 1811 году возникали уже недоразумѣнія между нашимъ правительствомъ и Наполеономъ; все предвѣщало войну, и я непремѣнно хотѣлъ вступить въ ряды защитниковъ отечества.

Въ концѣ 1811 года или въ началѣ 1812, не помню,

Ея Высочество Великая Княгиня Екатерина Павловна, съ супругомъ своимъ Принцемъ Ольденбургскимъ, собирались уѣхать въ Петербургъ. Я объявилъ Его Высочеству мое твердое намѣреніе вступить въ военную службу, и Принцъ обѣщалъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургѣ, дать мнѣ знать, будетъ ли война или нѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ половинѣ января 1812 года Принцъ прислалъ приказаніе, чтобы я немедленно пріѣхалъ къ нему въ Петербургъ. Ни мало не медля я отправился въ дорогу и въ 36 часовъ прибылъ въ столицу.

Тотчасъ по пріѣздѣ я явился къ моему дядѣ, графу Виктору Павловичу Кочубею, который одобрилъ мою мысль и совѣтовалъ мнѣ проситься въ Ахтырскій гусарскій полкъ, шефомъ котораго былъ другъ его Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, а командиромъ полка родной братъ его Дмитрій Васильевичъ. Личное мое намѣреніе было вступить въ Гродненскій полкъ подъ команду знаменитаго и храбраго генерала Кульнева, отличившагося во главѣ именно этого полка. Вторая побудительная причина, заставившая меня желать поступленія въ Гродненскій полкъ была та, что въ немъ служилъ тогда мой пріятель Сергѣй Сергѣевичъ Новосильцевъ, родной братъ Огаревой; но, по убѣжденію дяди, я согласился вступить въ Ахтырскій полкъ.

На другой день я поѣхалъ къ Его Высочеству Принцу Ольденбургскому, который принялъ меня очень ласково и сказалъ, между прочимъ:

— Вы очень кстати пріѣхали, потому что Государь

обѣдаетъ сегодня у меня; я доложу Его Величеству о вашемъ намѣреніи и ни мало не сомнѣваюсь, что это дѣло уладится.

На слѣдующій день я пріѣхалъ къ Принцу за отвѣтомъ. Его Высочество изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что ходатайство его не увѣнчалось успѣхомъ. Государь рѣшительно отказывалъ принять меня офицеромъ, но предлагалъ войти въ какой нибудь гвардейскій полкъ юнкеромъ. Отъ себя лично Принцъ сказалъ мнѣ, что совѣтуетъ остаться въ гражданской службѣ; что война— еще неизвѣстно—будетъ или нѣтъ; что я этимъ только могу испортить свою карьеру, а если я останусь служить у него, то онъ обѣщаетъ доставить мнѣ большія выгоды по службѣ.

Въ отвѣтъ на это я просилъ у него по крайней мѣрѣ позволенія остаться въ Петербургѣ, чтобы имѣть возможность слѣдить за обстоятельствами.

Въ маѣ или въ іюнѣ мѣсяцѣ Государь уѣхалъ въ Вильну, взявши съ собой, между прочими, и дядю моего, графа Виктора Павловича; я же остался въ Петербургѣ и жилъ то въ городѣ, то въ Царскомъ Селѣ, гдѣ во дворцѣ жила жена моего дяди, графиня Марья Васильевна.

Одинъ разъ, въ бытность мою у нея, въѣзжаетъ на дворъ курьерская телѣга, изъ нея выскакиваетъ адъютантъ Принца Ольденбургскаго, мой товарищъ, князь Василій Петровичъ Оболенскій, привезшій графинѣ письмо отъ мужа изъ Вильно. Увидѣвши меня, Оболенскій чрезвычайно обрадовался.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ меня.

— Да вотъ, говорю ему, пріѣхалъ сюда опредѣлиться въ военную службу, но до сихъ поръ дѣло это не устраивается, и я не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Я ѣду, сказалъ онъ, формировать новый полкъ въ Волынскую и Подольскую губерніи; графъ Виттъ назначенъ дивизіоннымъ командиромъ и велѣно сформировать I, II, III и IV украйнскіе казачьи иррегулярные полки; не хочешь ли ты вступить ко мнѣ въ полкъ? Намъ разрѣшено изъ гражданскихъ чиновниковъ принимать въ военную службу двумя чинами ниже, и ты поэтому можешь поступить поручикомъ.

На это я отвѣтилъ ему, что мнѣ было бы очень лестно служить у него въ полку, но что вновь сформированный полкъ не скоро попадетъ въ дѣло, а мнѣ бы хотѣлось вступить какъ можно скорѣе въ ряды дѣйствующей арміи.

— Есть о чемъ безпокоиться, отвѣчалъ онъ, мы очень скоро сформируемъ полкъ и еще успѣемъ пожать лавры.

Будучи въ безвыходномъ положеніи, я изъявилъ свое согласіе и, пріѣхавъ въ Петербургъ, немедленно подалъ просьбу военному министру о поступленіи въ полкъ.

Подавъ эту просьбу, я началъ заниматься серьезными приготовленіями: купилъ книжку о строевой службѣ, началъ ѣздить въ манежѣ пріучаться къ верховой ѣздѣ, въ которой я былъ до того времени весьма не опытенъ, потому что, по слабости моихъ ногъ, на лошадь почти никогда не садился.

Но вотъ проходитъ іюнь, іюль, августъ, а о назначеніи моемъ ничего еще не слышно. Между тѣмъ, я узнаю, что взятъ Смоленскъ, гдѣ былъ убитъ Кульневъ.

Товарищи мои, т. е. тотъ полкъ, въ которомъ я думалъ служить, уже отличаются: затѣмъ является курьеръ съ извѣстіемъ о Бородинскомъ дѣлѣ (которое выдавалось у насъ какъ побѣда), и я по этому поводу присутствовалъ даже на молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ. Наконецъ, и Москва взята.

Чтобы выйти изъ такого неопредѣленнаго положенія, я и нѣкоторые пріятели, и между прочими товарищъ мой Сергѣй Павловичъ Потемкинъ, согласились сформировать баталіонъ волонтеровъ, который бы состоялъ изъ однихъ солдатъ, предполагая разумѣется выбрать себѣ командира и мы подали объ этомъ записку. Насъ приглашаетъ генералъ-губернаторъ и главнокомандующій Петербурга, Балашовъ, и говоритъ, что Государь очень благодаренъ за наше усердіе, но между тѣмъ находитъ, что для насъ гораздо будетъ полезнѣе, если мы всѣ пойдемъ служить офицерами въ дѣйствующій полкъ. Я сказалъ, что уже подалъ объ этомъ просьбу, но до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія. Онъ увѣрилъ меня, что по всему вѣроятію разрѣшеніе это не замедлитъ придти. Дѣйствительно, въ одно утро пріѣзжаетъ курьеръ отъ военнаго министра, князя Горчакова *), съ приказаніемъ явиться къ нему на завтрашній день.

*) Горчаковъ былъ назначенъ вмѣсто Барклая-де-Толли, который въ это время былъ главнокомандующимъ первою арміею.

Я пріѣзжаю къ князю, и онъ поздравляетъ меня съ принятіемъ въ военную службу.

— Только, говоритъ онъ, просьба ваша потеряна, и я не имѣю рѣшительно никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какой полкъ вы желаете поступить. Я отвѣчалъ ему, что имѣю намѣреніе вступить въ Гродненскій полкъ, хотя прошеніе подано мною о принятіи меня въ Украинскій казачій.

— Хорошо — сказалъ князь Горчаковъ,—на этихъ дняхъ будетъ отданъ приказъ, а вы готовьтесь и спѣшите обмундироваться.

Послѣ этого разговора я отправился домой, не чуя подъ собою земли.

— Ну, что жъ тебѣ сказалъ министръ?—спросилъ меня братъ Демьянъ Васильевичъ, пріѣхавшій недавно въ Петербургъ въ отпускъ.

— Поздравь меня, братъ: я принятъ поручикомъ въ Гродненскій гусарскій полкъ.

— Какъ, въ Гродненскій полкъ! ты не шутишь?

— Нѣтъ, не шучу.

— Ну, если такъ, я тоже иду въ военную службу! воскликнулъ онъ.

На другой день мы отправились вмѣстѣ къ князю Горчакову, которому я его представилъ.

— Ну, вотъ это похвально,—сказалъ Горчаковъ—что меньшой братъ даетъ примѣръ старшему. Поздравляю васъ, Демьянъ Васильевичъ, вы будете приняты штабъ-ротмистромъ.

Черезъ нѣсколько дней вышелъ о насъ приказъ, и намъ оставалось только позаботиться, какъ можно скорѣй обмундироваться и уѣхать въ полкъ, чтобъ не попасть во вновь формирующіеся въ Петербургѣ эскадроны.

Наша добрая тетушка Марья Васильевна благословила насъ образами и дала на дорогу провизіи; мы купили бричку и выѣхали изъ Петербурга, кажется, 7 Октября.

Въ Гатчино мы встрѣтили графа Келлера (адъютантъ графа Витгенштейна), ѣхавшаго къ Государю съ извѣстіемъ о взятіи Полоцка. Для насъ хотя и очень пріятно было слышать о побѣдѣ русскихъ, но мы, тѣмъ не менѣе горевали о томъ, что пропустили еще одно сраженіе, въ которомъ Гродненскій полкъ отличился.

Поѣздка наша была весьма непріятная, потому что отъ Пскова ужъ нигдѣ не было почтовыхъ лошадей, и, наконецъ, на послѣдней станціи мы принуждены были взять на полѣ мужичьихъ лошадей и на нихъ кое-какъ дотащиться до Полоцка, гдѣ, однако, ужъ не застали корпуса Витгенштейна. Мы нашли тамъ только коменданта Новикова, армія же прошла впередъ. Комендантъ далъ намъ кое-какихъ лошадей, и мы, перемѣняя ихъ по временамъ, добрались до Чашниковъ, гдѣ находилась главная квартира нашего корпуса.

Мы пріѣхали въ Чашники уже въ сумерки, переодѣлись въ какой-то корчмѣ и сейчасъ же пошли въ квартиру корпуснаго командира графа Витгенштейна. Мы застали

его за ужиномъ со своимъ штабомъ и подчиненными ему генералами. Дождавшись конца ужина мы представились графу. Онъ насъ принялъ очень радушно и сказалъ:—Жалѣю, господа, что вы не пріѣхали дня два тому назадъ—успѣли бы схватить по крестику.

Тутъ-же, за ужиномъ, былъ князь Николай Григорьевичъ Рѣпнинъ, къ которому мы имѣли письмо отъ жены его (урожденной Разумовской). Онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, и такъ какъ мы были въ большомъ затрудненіи, гдѣ бы пріютиться, то онъ пригласилъ насъ къ себѣ на квартиру. Князь Рѣпнинъ помѣщался въ маленькомъ домикѣ, нѣсколько лучше простой избы, гдѣ намъ постлали соломы и сѣна, и мы кое-какъ провели ночь.

По утру, когда мы пили чай, къ князю Рѣпнину прибѣжалъ генералъ-квартирмейстеръ Дибичъ. Не смотря на то, что Дибичъ былъ весьма малаго роста, ему какъ-то удалось удариться о притолку двери, что, разумѣется, какъ на Рѣпнина, такъ и на насъ произвело смѣхотворное впечатлѣніе. Это было мое первое знакомство съ знаменитымъ Дибичемъ, который впослѣдствіи былъ фельдмаршаломъ и заслужилъ титулъ Забалканскаго; съ этого времени онъ всегда былъ ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ.

Отъ Дибича мы узнали, что Гродненскій полкъ стоитъ для отдыха въ деревнѣ близъ Чашниковъ, а казаки посланы впередъ занять аванпосты.

Въ тотъ же день мы явились къ штабъ-офицерамъ,

полковникамъ Силину и Набелю, которые оба были ранены. Тутъ же нашли мы раненымъ и нашего пріятеля Сергѣя Сергѣевича Новосильцева.

Спустя день мы поѣхали представиться шефу нашего полка, генералъ-маіору Ѳедору Васильевичу Ридигеру, который принялъ насъ очень хорошо. Онъ, очевидно, былъ намъ радъ, потому что, какъ онъ говорилъ, у него много перебили офицеровъ, и сказалъ намъ, что онъ уже получилъ повелѣніе на завтрашній день принять начальство надъ авангардомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ назначилъ намъ „rendez-vous" въ 8 часовъ утра, въ корчмѣ, близъ Лукомли, и сказалъ, что велитъ тамъ для насъ приготовить верховыхъ лошадей.

Ночь эту мы провели у Новосильцева, и на утро, по обыкновенію, братъ мой Демьянъ Васильевичъ проспалъ, такъ что мы выѣхали изъ Чашниковъ только въ 10 часовъ утра, а въ это время уже шло сраженіе подъ Лукомлей.

Опоздавъ на два часа на назначенное Ридигеромъ мѣсто, мы не нашли уже тамъ ни лошадей, ни людей. Между тѣмъ слышно было, что вблизи идетъ сраженіе. Я былъ въ отчаяніи, думая, какого-то будутъ о насъ мнѣнія; вдругъ вижу, что ведутъ офицерскихъ заводскихъ лошадей; я подхожу къ деньщику и убѣдительно прошу его дать мнѣ лошадь. Деньщикъ хоть въ глаза меня никогда не видалъ, но далъ мнѣ какую-то клячу; Демьянъ Васильевичъ дошелъ до мѣста сраженія пѣшкомъ. Сѣвъ на лошадь, я поѣхалъ отыскивать полкъ,

что было вполнѣ возможно, такъ какъ все время слышались выстрѣлы. Пріѣхавъ къ мѣсту сраженія, я спросилъ, кто командуетъ полкомъ, и мнѣ сказали, что шефъ полка самъ находится впереди, пишетъ реляцію, а что тутъ командуетъ подполковникъ Гротусъ, къ которому я немедленно же явился. Гротусъ былъ маленькій толстенькій человѣкъ; увидѣвъ меня, онъ произнесъ:

— А, новый офицеръ, надо выпить за его здоровье! Эй, артиллеристы, у васъ всегда водка есть!

При этомъ я вспомнилъ предсказаніе дяди Виктора Павловича, что мнѣ походомъ придется пить сивуху, и то, что противъ этой мысли я сильно вооружался, говоря: все, кромѣ этого.

Между тѣмъ, у одного артиллериста въ зарядномъ ящикѣ дѣйствительно нашлась водка. Онъ налилъ ее въ довольно грязную, разбитую чашку и поднесъ къ подполковнику; тотъ выпилъ и проговорилъ: „эхъ, славная водка". Поднесли и мнѣ; я выпилъ и почувствовалъ вкусъ самой скверной сивухи.

Пока мы пили, французы навели на то мѣсто, гдѣ мы стояли, свои орудія, и тутъ я въ первый разъ услышалъ свистъ ядеръ; не могу, однако, сказать, чтобы это произвело на меня очень сильное впечатлѣніе. Началось сраженіе, которое, однако-жъ, тянулось не долго, и послѣ котораго я долженъ былъ отдать обратно лошадь, не смотря на то, что у меня не было еще своей. Командиръ, по всей вѣроятности, забылъ свое обѣщаніе, назначить намъ лошадей, впрочемъ, онъ и самъ еще

не зналъ тогда, будетъ ли сраженіе, такъ какъ оно произошло случайно.

Нашъ авангардъ столкнулся съ арріергардомъ французовъ, которые хотѣли удержать за собою мѣстечко Лукомлю; французы перешли черезъ рѣчку, выдвинули орудія на позицію и начали стрѣлять, но сраженіе ограничилось нѣсколькими выстрѣлами, полкъ отошелъ нѣсколько назадъ и сталъ на бивуакахъ, вблизи какой-то деревушки, гдѣ всѣ разбрелись по избамъ, а я и братъ мой остались на полѣ одни, не зная куда дѣться.

Въ этомъ критическомъ положеніи къ намъ подходитъ щеголеватый штабъ-офицеръ Ольшевскій, очень милый и вѣжливый человѣкъ, и спрашиваетъ, откуда мы взялись и что мы тутъ дѣлаемъ. Мы назвали себя.

— Вы вѣрно здѣсь никого не знаете, спросилъ онъ, а у меня есть квартира; не угодно ли вамъ зайти ко мнѣ напиться чаю?

На другой день сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы намъ дать лошадей: одну Ридигеръ уступилъ свою, а другую взяли изъ фронта. Демьяну Васильевичу понравилась лучше фронтовая лошадь, онъ и взялъ ее. Съ этими лошадьми мы, впрочемъ, оставались не долго, потому что скоро купили себѣ собственныхъ.

Спустя нѣсколько дней, 2 ноября, было еще сраженіе, такъ называемое „подъ Смольнымъ". Гротусъ командовалъ полкомъ, а братъ Демьянъ Васильевичъ, какъ старшій офицеръ, командовалъ эскадрономъ, въ которомъ я находился.

Послѣ сраженія подъ Смольнымъ, французы рѣшительно начали ретироваться; 10-го была опять маленькая стычка; а 12-го французы остановились, желая насъ задержать, при чемъ послѣдовала сильная перестрѣлка подъ Батурой. Въ это время полкъ нашъ усилился двумя эскадронами, вновь сформированными въ Петербургѣ, и двумя бывшими прежде въ Ригѣ.

Братъ мой купилъ себѣ новую лошадь у священника *). Онъ гарцовалъ передъ эскадрономъ на новой лошади, какъ вдругъ ее ранили пулей; братъ не понималъ, что сдѣлалось съ лошадью: она вдругъ стала дрожать. Тогда онъ обратился ко мнѣ, говоря: „Посмотри, какая странная лошадь, боится выстрѣловъ".

— Да не ранена-ли она,—говорю я ему.

— Не можетъ быть, я не слыхалъ, чтобъ пуля пролетѣла.

Между тѣмъ, осмотрѣвъ лошадь, мы увидали, что она дѣйствительно ранена.

Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ башкировъ: сюда пришелъ полкъ, состоящій изъ однихъ башкировъ. Когда ихъ хотѣли повести въ атаку, то они при первомъ же выстрѣлѣ разбѣжались.

Французы ретировались, и 15 числа мы нагнали ихъ армію подъ рѣкою Березиной. Наполеонъ уже успѣлъ переправиться; осталась только дивизія Партоно, изъ корпуса Виктора, которую мы совершенно окружили.

---

*) Священникъ нашъ тоже былъ партизанъ.

Генералъ Ридигеръ отправилъ брата моего парламентеромъ къ генералу Партоно съ предложеніемъ сдаться.

Я услыхалъ нѣсколько выстрѣловъ въ то время, когда братъ мой подъѣзжалъ къ французамъ и очень встревожился боясь, чтобъ его не убили, тѣмъ болѣе, что сраженіе давно уже кончилось. Наступила ночь, а братъ все не возвращался; въ тревогѣ я всю ночь не спалъ и по утру сильно обрадовался, услыхавъ голосъ брата. Вотъ что съ нимъ случилось: когда онъ подъѣзжалъ къ французскимъ аванпостамъ, по немъ дали нѣсколько выстрѣловъ, не смотря на то, что онъ былъ сопровождаемъ трубачемъ. Братъ, однако, не былъ раненъ и успѣлъ проѣхать сквозь цѣпь и явился къ генералу Партоно.

Объявивъ генералу его положеніе, братъ предложилъ ему, отъ имени нашего начальника, сдаться. Но генералъ Партоно отвѣтилъ на это, что французы не сдаются; на просьбу же брата отпустить его, Партоно не согласился, сказавъ: „я хочу, молодой человѣкъ, чтобы вы были свидѣтелемъ того, какъ французы сдаются".— И сейчасъ-же распорядился начать перестрѣлку. За братомъ приставили караулъ.

Увидавъ, что нѣтъ никакого средства выйти изъ этого непріятнаго положенія, а между тѣмъ, не желая находиться подъ русскими пулями, братъ мой сказалъ приставленному къ нему офицеру, что хотѣлъ-бы нѣсколько обогрѣться, такъ какъ была препорядочная сту-

жа. Французъ согласился, и они нѣсколько отдалились отъ мѣста сраженія. Глаза у брата были завязаны и потому онъ обратился къ трубачу съ просьбою подвести его поближе къ нашимъ войскамъ, такимъ образомъ онъ могъ ускользнуть и возвратиться въ полкъ.

Подъѣхавъ къ нашимъ аванпостамъ, братъ шутя объявилъ офицеру, его сопровождавшему, что онъ его военноплѣнный; тотъ принялся его упрашивать, напоминая, что съ его стороны было оказано снисхожденіе. Разумѣется, братъ его немедленно отпустилъ, замѣтивъ только, что онъ считаетъ себя въ правѣ удержать его военноплѣннымъ на основаніи того, что генералъ Партоно, въ свою очередь, не уважилъ въ немъ личности парламентера и, вопреки принятымъ правиламъ и обычаямъ, удержалъ подъ арестомъ.

На другой день, когда уже опасность для Партоно была совершенно очевидна, былъ посланъ другой парламентеръ Боде, адъютантъ генерала Штенгеля, и Партоно видя, что уже нѣтъ никакого спасенія, и ему невозможно пробиться, рѣшился на капитуляцію. Боде за этотъ подвигъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Послѣ сдачи Партоно, мы приблизились къ тому мѣсту, гдѣ переправился Наполеонъ; тутъ мы нашли настоящую ярмарку; весь французскій обозъ остался на этой сторонѣ, и казаки наши много поживились. Во многихъ фургонахъ были слитки награбленнаго серебра, которые наши камердинеры покупали по 5 и 10 руб.,

а продавали потомъ въ Берлинѣ болѣе чемъ за сто таллеровъ.

Мы переправлялись черезъ Березину возлѣ мѣстечка Зембинъ, но не такъ скоро, какъ бы слѣдовало, потому что за недостаткомъ рабочихъ рукъ, нельзя было скоро навести мосты. Дороги были испорчены такъ, что мы въ сутки едва могли пройти нѣсколько верстъ. Мнѣ кажется, что еслибъ заранѣе были приняты мѣры, то можно было бы воспрепятствовать Наполеону перейти Березину. Переправившись черезъ рѣку, мы начали преслѣдовать непріятеля по направленію къ Вильнѣ; но отъ Березины ни стычекъ, ни сраженій уже не было.

Французы замерзали тысячами; вездѣ по сторонамъ виднѣлись ихъ трупы. Одинъ разъ я проспалъ на трупѣ. Случилось это такимъ образомъ: постлавъ себѣ солому и положивъ на нее подушку, я крѣпко заснулъ и отъ усталости ничего не чувствовалъ; проснувшись по утру, я почувствовалъ подъ рукою что то холодное, твердое и тогда только замѣтилъ, что спалъ на трупѣ.

Нашъ полкъ былъ порученъ Дибичу, и мы двинулись на сѣверъ, чтобы отрѣзать отступленіе генералу Макдональду. Вступивъ въ мѣстечко Ковтуняны, изъ котораго только что выступилъ Макдональдъ, мы стали между нимъ и прусскимъ генераломъ Іоркомъ. Дибичъ, какъ землякъ пруссаковъ, поѣхалъ на переговоры съ генераломъ Іоркомъ, послѣ которыхъ Іоркъ согласился слѣдовать за нами. Мы пошли прямо на французовъ; Іоркъ шелъ сзади, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мы дали

ему свободный путь, никакъ не соглашаясь, однако же, съ нами соединиться.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда нашъ полкъ расположился ночевать въ Ковтунянахъ на площади; мы со своимъ командиромъ Гротусомъ заняли избу за фронтомъ. Нашъ подполковникъ, по обычаю своему, пошелъ пить пуншъ съ генераломъ и, возвратясь оттуда, разсказалъ намъ всѣ предположенія относителено военныхъ дѣйствій; затѣмъ мы легли на солому отдохнуть, но я отъ сильной усталости никакъ не могъ заснуть. Услышавъ выстрѣлъ, я вскочилъ, разбудилъ брата и началъ будить Гротуса, но долго не могъ его расшевелить. Я говорю ему, что слышу выстрѣлы и топотъ лошадей, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „оставьте меня, я знаю: это казаки идутъ“.

Я его оставилъ въ покоѣ, выбѣжалъ на крыльцо и спросилъ у ординарца, что это значитъ.

— Да тутъ французы прошли недавно, и теперь идетъ уже сраженіе.

Я снова побѣжалъ къ подполковнику и, разбудивъ его, бросился самъ на лошадь и поскакалъ за полкомъ, котораго уже не было на мѣстѣ. На силу могъ я догнать полкъ и вотъ что узналъ тамъ. Генералъ Макдональдъ, не получая никакого извѣстія отъ Іорка, послалъ большой конный разъѣздъ, чтобы развѣдать, что съ нимъ случилось. Ночь была темная. Отрядъ этотъ наткнулся на наши эскадроны; солдаты, расположенные по обѣимъ сторонахъ дороги, кормили лошадей. Отрядъ французскій прошелъ по дорогѣ мимо нашихъ

эскадроновъ, и они его не видали. Французы, шедшіе съ цѣлью встрѣтиться съ Іоркомъ, встрѣтились съ нашими казаками и началась перестрѣлка. Офицеры опрометью бросились по направленію выстрѣловъ. Ридигеръ проворно вскочилъ на лошадь и съ полкомъ тоже помчался на выстрѣлы; только мы съ Гротусомъ и остались, не поспѣвъ за ними. Въ этой перестрѣлкѣ наши гусары убили только одного француза.

Послѣ того, все преслѣдуя непріятеля, мы дошли наконецъ до границы и перешли ее у Таурогена.

Описанная мною тревога случилась 11 Декабря, а 15 мы уже вступили въ Тильзитъ.

Въ корпусѣ Макдональда оставался еще одинъ прусскій кавалерійскій полкъ, начальникъ котораго, генералъ Массенбахъ, объявилъ Макдональду, что онъ больше не можетъ при немъ оставаться, и когда мы стояли у Тильзита, то онъ прибѣжалъ къ намъ съ крикомъ: „hurrah, hurrah! Preussen und Russen! hurrah!“

Мы вошли въ Тильзитъ, и такъ какъ французовъ тамъ уже не было, то намъ отвели квартиры.

Пріятно было намъ, послѣ бивуачной жизни, войти въ чистую гостинницу, въ теплыя комнаты. Намъ дали хорошій ужинъ, чистыя постели подъ перинами; я потребовалъ вина. Когда же я хотѣлъ расплатиться за все это съ трактирщикомъ, то мой полковникъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ: „Что это вы дѣлаете? Если мы за все будемъ платить, на что это будетъ похоже! они обязаны насъ поить и кормить“.

Тутъ только я узналъ обычай военныхъ поборовъ.

Наконецъ, я имѣлъ удовольствіе раздѣться и лечь на мягкую постель, подъ чистую простыню и перину. Но, увы! не долго это удовольствіе продолжалось. Ночью меня будятъ, я получаю приказаніе отъ генерала Ридигера ѣхать на аванпосты, принять парламентера. Погода была ужасная, однакожъ дѣлать было нечего, и я отправился, взявъ съ собою гусара. Я поѣхалъ къ полковнику Черноусову, командовавшему аванпостами, — пріѣзжаю и застаю его спящимъ; я его разбудилъ и спрашиваю:

— Гдѣ-жъ парламентеръ?

— Я самъ не знаю, — говоритъ онъ,—что это за человѣкъ и дѣйствительно ли онъ парламентеръ! Теперь его здѣсь нѣтъ; аванпосты наши поѣхали впередъ, и его вѣроятно взяли съ собою; вамъ придется туда поѣхать.

Дѣлать нечего, я поѣхалъ за аванпостами. Вѣтеръ былъ западный, вьюга ужасная.

Пріѣхавъ на аванпосты, я требую къ себѣ парламентера,—ко мнѣ является мужикъ съ рожкомъ. На вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣчаетъ: „Ich bin ein Bauer“. Онъ былъ на лошади, я взялъ его съ собою и съ его рожкомъ. Оказалось, что это былъ никто иной, какъ отсталый почталіонъ, взятый изъ простыхъ мужиковъ для усиленія почты. Этотъ почталіонъ, встрѣтивъ наши аванпосты, началъ по обычаю трубить, вслѣдствіе чего его и приняли за парламентера. Несчастнаго мнимаго парламентера я доставилъ къ генералу

Ридигеру, разбудивъ его для этого, а самъ скорѣй сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ своему эскадрону, гдѣ едва только согрѣлся, какъ вдругъ объявляютъ, что намъ велѣно сейчасъ отправиться въ походъ, преслѣдовать непріятеля. Нечего дѣлать, проклиная судьбу, опять надо идти на холодъ, садиться на лошадь.

Тогда всѣ наши генералы, въ томъ числѣ Кутузовъ,— бывшій послѣ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ,— генералъ Сиверсъ, Галатей (инженерный генералъ) наперерывъ хотѣли поймать Макдональда. Всѣ они, а преимущественно генералъ Галатей, спѣшили первые занять Кенигсбергъ. Но это, по счастію, удалось сдѣлать нашей дивизіи; мой братъ, посланный впередъ Ридигеромъ, первый вступилъ въ Кенигсбергъ со своимъ эскадрономъ. Тамъ нашли и взяли въ плѣнъ нѣсколько французскихъ генераловъ. Полкъ нашъ вступилъ въ этотъ городъ ночью, но и тутъ намъ не дали отдохнуть. Къ разсвѣту, едва только мы успѣли въ одной кондитерской выпить по рюмкѣ ликеру и нѣсколько закусить, какъ приказано было опять двинуться въ походъ: все надѣялись догнать Макдональда.

Такимъ образомъ, мы дошли до береговъ Вислы. Въ послѣдній день нашего приближенія къ Вислѣ, мнѣ, по очереди, пришлось быть въ арьергардѣ,—самая непріятная должность имѣть въ своей командѣ обозъ и деньщиковъ.

Въ то время, какъ я подвигался со своимъ обозомъ *),

*) Нашимъ отрядомъ командовалъ тогда генералъ-маіоръ Шепелевъ.

полкъ нашъ прошелъ впередъ, и я услышалъ перестрѣлку, которая, впрочемъ, скоро кончилась. На встрѣчу мнѣ идетъ генералъ Шепелевъ.

— Вы что тутъ дѣлаете?—спрашиваетъ онъ меня,—на правомъ флангѣ идетъ перестрѣлка, поѣзжайте за мной.

Я поѣхалъ, но при нашемъ приближенiи перестрѣлка кончилась, и я спросилъ у Шепелева, что онъ прикажетъ мнѣ дѣлать съ обозомъ. Онъ отвѣчалъ, что обозъ можетъ и безъ меня доѣхать и настаивалъ, чтобы я со своей командой ѣхалъ за нимъ.

Обозъ отправился дальше, а я поѣхалъ за Шепелевымъ, который, безъ всякой надобности, вѣроятно, только для того, чтобы имѣть свиту, продержалъ меня съ командой при себѣ цѣлый день.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ Шепелева и не найдя порученнаго мнѣ обоза, я долженъ былъ, съ приближенiемъ ночи остановиться въ корчмѣ, встрѣченной на дорогѣ. Лошади наши устали, приходилось ихъ кормить. Я нашелъ въ корчмѣ чистую комнату и расположился отдохнуть, но мнѣ не спалось. Только ночью слышу вдругъ несутся мимо меня фургоны, выбѣгаю и вижу сильную тревогу. Сѣвъ на лошадь я поѣхалъ и на пути встрѣтилъ наши эскадроны. Спрашиваю, что это такое за тревога. Мнѣ говорятъ, что непрiятель напалъ ночью на наши эскадроны (у Пальшау). Лошади наши стояли разнузданныя (ихъ кормили), люди спали, а въ это время человѣкъ двѣсти французовъ перешли рѣку, вошли въ деревню и начали перестрѣлку.

Ридигеръ и братъ мой, котораго онъ очень любилъ, вскочили на лошадей, и братъ со своимъ эскадрономъ началъ пробиваться, такъ какъ французы уже ихъ совершенно обступили.

Въ этой стычкѣ перебили много офицеровъ, а двухъ офицеровъ, командированныхъ для заготовки сухарей взяли въ плѣнъ.

Двое изъ нашихъ эскадронныхъ командировъ и полковой священникъ стояли въ это время позади и пировали. Имъ унтеръ-офицеръ кричитъ, что пришли французы, а они ему отвѣчаютъ: „глупости“ и продолжаютъ свое дѣло. Нѣкоторые унтеръ-офицеры и священникъ успѣли ускользнуть, а командировъ обоихъ взяли въ плѣнъ, и они намъ были возвращены только послѣ взятія Парижа *).

Французы взяли въ плѣнъ двухъ камердинеровъ— моего и генерала Ридигера.

Пріѣхавъ на эту сторону, я прежде всего спросилъ о братѣ. Мнѣ отвѣтили: „Богъ знаетъ гдѣ, такъ какъ полкъ совершенно уничтоженъ“.

По счастію, однако же, братъ мой со своимъ эскадрономъ спасся и пришелъ благополучно.

1 февраля мы перешли Вислу и расположились близъ Данцига.

Спустя нѣсколько дней, генералъ Ридигеръ послалъ меня въ Данцигъ парламентеромъ для переговоровъ объ

*) Одинъ изъ нихъ былъ офицеръ съ Георгіевскимъ крестомъ.

освобожденіи нашихъ камердинеровъ. Генералъ Раппъ не впустилъ меня въ крѣпость, но исполнилъ просьбу генерала Ридигера и отпустилъ нашихъ людей. Послѣ этого мы еще оставались нѣсколько дней подъ Данцигомъ, ожидая прихода войскъ для осады города.

Отъ несчастныхъ французовъ мы заразились тифомъ, и такъ какъ братъ мой, я и еще нѣсколько офицеровъ стояли въ одной избѣ, то всѣ, кромѣ меня одного, заболѣли этой болѣзнію; наши деньщики и камердинеры тоже не избѣгли этой участи.

Сильнѣе всѣхъ былъ боленъ братъ мой, и такъ какъ полкъ нашъ въ скоромъ времени долженъ былъ снова идти въ походъ, то я просилъ и получилъ позволеніе остаться съ братомъ.

Я перевезъ его въ маленькій городокъ Коницъ, черезъ который въ это время проходила прусская армія Іорка, и потому я едва-едва нашелъ, въ какомъ-то кабакѣ, уголокъ, чтобы помѣстить тамъ своего больнаго брата; однако-жъ, спустя нѣсколько дней, Іоркъ приказалъ отвести намъ лучшее помѣщеніе въ городѣ.

По счастію, болѣзнь брата была непродолжительна, и онъ вскорѣ совершенно оправился.

Тогда мы на почтовыхъ лошадяхъ поѣхали догонять полкъ, который уже безъ бою вошелъ въ Берлинъ. 18 февраля намъ отвели въ Берлинѣ квартиры, а нѣсколько дней спустя перевели въ Шарлотенбургъ; въ это время пріѣхали въ Берлинъ изъ Силезіи король Прусскій, который тутъ уже окончательно вошелъ въ союзъ съ на-

шимъ Императоромъ. Въ Берлинѣ мы были въ театрѣ, и городское общество давало намъ балъ.

Въ Шарлотенбургѣ мы осматривали монументъ покойной королевы Луизы, которая была замѣчательной красавицей своего времени.

Въ среднихъ числахъ марта опять начались военныя дѣйствія, а 24 числа было довольно горячее дѣло близъ Магдебурга, гдѣ мнѣ посчастливилось достать отъ убитаго француза хорошую лошадь съ сѣдломъ и всѣми остальными принадлежностями. Затѣмъ до 20 апрѣля не было никакихъ сраженій, до генеральнаго Лютценскаго дѣла, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, который около этого времени былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми арміями. Нашъ полкъ въ генеральномъ сраженіи не участвовалъ,—въ это время мы были у Лейпцига, гдѣ имѣли небольшую стычку съ вице-королемъ итальянскимъ.

Послѣ этого не совсѣмъ удачнаго дѣла, мы принуждены были ретироваться и дошли до Силезіи, до города Бауцена, гдѣ 8 мая имѣли кровопролитное авангардное дѣло, въ которомъ у насъ было убито три штабъ-офицера и нѣсколько оберъ-офицеровъ было ранено. По счастію я не былъ раненъ, несмотря на то, что участвовалъ въ самой сильной атакѣ.

Въ Николинъ день, 9 Мая, подъ Бауценомъ было очень жаркое сраженіе, послѣ котораго мы были оставлены для прикрытія баттареи прусскаго генерала Клейста, отступавшаго подъ сильнымъ натискомъ француз-

скихъ войскъ; мы сдѣлали довольно удачную атаку и спасли нѣсколько тысячъ нашихъ стрѣлковъ, распущенныхъ по всему полю сраженія. Генералъ Уваровъ, имѣя нѣсколько адъютантовъ, не послалъ ни одного изъ нихъ къ генералу Клейсту, а пріѣхалъ къ нашему полку и спросилъ: „кто у васъ, гг. офицеры, говоритъ по французски и по нѣмецки?“ Назвали меня. Онъ тотчасъ же послалъ меня сказать генералу Клейсту, что онъ пришлетъ ему для подкрѣпленія кирасирскій полкъ. Пріѣхавъ къ Клейсту, я нашелъ его въ самомъ сильномъ огнѣ, какого мнѣ ни прежде, ни послѣ не удалось видѣть. Клейстъ хладнокровно распоряжался орудіями. Я являюсь къ нему и говорю, что генералъ Уваровъ обѣщаетъ прислать ему полкъ кирасировъ. „Мнѣ сейчасъ нужно, заговорилъ онъ, просите генерала прислать мнѣ полкъ немедленно! У меня истощились всѣ снаряды, я не могу долѣе держаться... Скажите, что меня непремѣнно нужно поддержать! Мнѣ мало однихъ обѣщаній.

Въ это время французы ужъ со всѣхъ сторонъ окружили позицію генерала Клейста, и огонь былъ самый адскій“

Я поспѣшилъ къ генералу Уварову и доложилъ ему, что сказалъ Клейстъ. Мнѣ дано было немедленно порученіе отвести на позицію Клейста Глуховскій кирасирскій полкъ, подъ командою генерала Леонтьева. Какъ только я вывелъ полкъ на позицію и вернулся назадъ, то немедленно же послѣдовалъ приказъ нашимъ двумъ полкамъ атаковать непріятеля, чтобъ удержать его натискъ.

Въ это время исполняющій должность полковаго командира полковникъ Горленко недавно прибывшій въ полкъ, человѣкъ пылкій, но не опытный, желая отличиться передъ новыми товарищами, условился съ генераломъ Леонтьевымъ, что когда мы выйдемъ на поле, Леонтьевъ пойдетъ въ атаку, а мы атакуемъ непріятеля съ фланговъ. На дѣлѣ вышло иначе: Леонтьевъ не атаковалъ, а напротивъ того, далъ знать Горленко, что такъ какъ онъ находится въ первой линіи, то пускай и начинаетъ, а что Глуховскій полкъ поддержитъ. Горленко выстроилъ всѣ эскадроны въ одну линію и они стремительно, маршъ-маршемъ двинулись въ атаку. Впереди всѣхъ на лошади летѣлъ Горленко. Первая линія застрѣльщиковъ и резервы были опрокинуты; пропасть французовъ были заколоты пиками, другіе легли, чтобъ спасти свою жизнь, а мы, какъ сумашедшія понеслись впередъ, при чемъ отъ быстроты атаки строй нарушился и солдаты въ разсыпную наткнулись на колоны непріятеля, который встрѣтилъ насъ залпомъ, отчего произошло смятеніе; многихъ изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ перебили. Дали сигналъ къ отбою. Мы повернули, стараясь сохранять порядокъ, но здѣсь встрѣтила насъ новая неудача: смятая нами первая линія французовъ успѣла въ это время вновь устроиться и встрѣтила насъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Но не смотря на то, мы кое-какъ прорвались, потерявъ при этомъ много офицеровъ и солдатъ.

Горленко пропалъ безъ вѣсти *); здѣсь также убиты были: нашъ почтенный, храбрый подполковникъ Гротусъ, штабъ-офицеръ Мѣшковскій и былъ раненъ Назимовъ.

Гротусъ былъ прострѣленъ нѣсколькими пулями, но держался еще нѣкоторое время на лошади. Мнѣ удалось вывести его изъ боя; но онъ однако скоро умеръ.

Мѣшковскій былъ убитъ еще прежде атаки ядромъ. Онъ былъ раненъ въ бокъ и долго страдалъ. Удивительно, какъ странно судьба распорядилась всѣми этими людьми!

Между Гротусомъ и Мѣшковскимъ предполагалась дуэль, но оба они, какъ я сказалъ выше, были убиты въ одномъ и томъ же сраженіи; тоже самое было и между Назимовымъ и Горленко.

Назимовъ поссорился съ Горленко во время самаго сраженія за то, что когда ядра стали очень часто попадать въ наши ряды то, по принятому обычаю маіоръ Назимовъ приказывалъ эскадронамъ перемѣнять по временамъ позицію, для того, чтобы уменьшить, по крайней мѣрѣ, убыль людей, потому что ядра всегда попадаютъ больше въ томъ направленіи, въ которомъ орудія бываютъ наведены; перемѣняя мѣсто, можно избѣгнуть напрасной потери людей и лошадей, да и вообще нѣтъ нужды, чтобы эскадроны стояли какъ вкопанные

*) Впослѣдствіи мы впрочемъ узнали, что онъ былъ тяжело раненъ, взятъ въ плѣнъ и вскорѣ умеръ.

на томъ же мѣстѣ. Горленко, по неопытности своей, принялъ это передвиженіе со стороны Назимова за выраженіе нѣкоторой трусости и высказалъ ему это громогласно при эскадронѣ, вслѣдствіе чего между ними неминуемо должна была послѣдовать дуэль; но въ то же время подоспѣло Бауценское сраженіе, и они отложили дуэль до болѣе удобнаго времени, но дуэль эта тоже не состоялась за смертію Горленко.

Французы и на другой день насъ сильно преслѣдовали. Генералу Милорадовичу порученъ былъ арріергардъ; мы же ретировались до Рейхенбаха. Французы насъ атаковали, и мы имѣли блестящее кавалерійское дѣло, гдѣ мнѣ въ первый и послѣдній разъ случилось видѣть, что наши войска такъ смѣшались съ французами, что мы не могли различить однихъ отъ другихъ. Въ этомъ дѣлѣ взятъ былъ въ плѣнъ цѣлый вновь сформированный французскій полкъ. Казалось, что послѣ столь удачной атаки дѣло совсѣмъ кончилось, и мы спокойно отступали съ полкомъ.

Вдругъ наѣзжаетъ графъ Милорадовичъ и начинаетъ останавливать нашъ полкъ по эскадронно; подъѣхавъ къ моему эскадрону, онъ приказываетъ мнѣ идти съ нимъ.— „Ваше Превосходительство, позвольте по крайней мѣрѣ мнѣ дать знать моему начальнику, сказалъ я ему.—„Я —Милорадовичъ, я здѣсь всѣмъ командую, —извольте идти; я самъ дамъ знать вашему генералу,“ отвѣчалъ онъ. И мы такимъ образомъ вновь вступили въ дѣло, но тутъ ужъ кромѣ пушечной перепалки ничего не было.

Въ это время со мною былъ случай, котораго я никогда не забуду. Когда мы ретировались по эскадронно, я подозвалъ къ себѣ храбраго унтеръ-офицера Гордѣенко, который былъ фланкеромъ, и началъ распрашивать его о позиціи непріятеля.

Разговаривая съ нимъ, я наѣхалъ на гранату, которая подо мной разорвалась, но такъ удачно, что ни меня, ни лошади не задѣла, а только обрѣзала поводья. Лошадь отъ испуга взвилась на дыбы и понесла меня прямо на непріятеля; по счастью я успѣлъ подвязать обрывки поводьевъ и удержать лошадь. Мой унтеръ-офицеръ не могъ надивиться, что я остался цѣлъ и сказалъ мнѣ:—„Ну, Ваше Высокоблагородіе, васъ и меня никогда не убьютъ". Однакожъ самъ онъ въ тотъ же вечеръ былъ раненъ, хотя и не тяжело.

Французы стали преслѣдовать насъ съ меньшей настойчивостью. Мы пошли по границѣ Силезіи и Богеміи, до города Гиршберга, близь котораго полкъ нашъ остановился на бивуакахъ,—съ нами были еще два пѣхотные баталіона.

Въ это время я и еще нѣсколько офицеровъ вошли въ трактиръ переночевать. Непріятеля не было въ виду, и мы спали спокойно. Но ночью подошли егеря и украли у меня сапоги. На другой день нужно выйти изъ трактира, а сапоговъ нѣтъ. По счастію скоро было объявлено, что офицерамъ отведены квартиры въ городѣ, и я могъ купить себѣ сапоги, чтобъ замѣнить ими тѣ, которые далъ мнѣ одинъ гусаръ, и которые немилосердно жали мнѣ ноги.

Тутъ мнѣ довелось узнать, до какой дисциплины довели французы жителей; квартира мнѣ была отведена у одного тамошняго бюргера, который спросилъ меня даже, какъ я хочу обѣдать: съ нимъ вмѣстѣ или отдѣльно. Я сказалъ, что мнѣ будетъ пріятнѣе обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ поставилъ для меня на столъ бутылку вина, а самъ пилъ только пиво. Я спросилъ, отчего онъ не пьетъ вина. Онъ отвѣчалъ, что оно мнѣ принадлежитъ; такъ что я долженъ былъ подчивать его же виномъ, которое, сказать правду, было не дурное.

За эту кампанію я получилъ орденъ св. Владиміра, золотую саблю и чинъ штабъ-ротмистра, а за Бауценское дѣло, еще кромѣ того, получилъ Анну 2-го класса на шею и прусскаго Краснаго Орла 3-й степени.

Въ августѣ мѣсяцѣ было заключено перемиріе, и армія наша расположилась на квартирахъ въ Силезіи и на границахъ Богеміи.

Въ это время шли переговоры съ Австріею о томъ, чтобы склонить ее съ нами соединиться. Австрія предложила нашему Государю быть посредникомъ въ ея переговорахъ съ Бонапартомъ, и буде онъ не согласится на ея предложенія, то Австрія перейдетъ на нашу сторону.

Вслѣдствіе этихъ переговоровъ, въ Прагѣ былъ конгрессъ, и перемиріе наше по этому случаю было продолжено еще на мѣсяцъ.

Я отпросился у генерала Ридигера провести это время съ братомъ въ городѣ, въ главной квартирѣ графа Витгенштейна.

Братъ Демьянъ Васильевичъ съ графомъ Ксаверіемъ Мейстеромъ стояли на одной квартирѣ; старшій мой братъ Василій Васильевичъ *) стоялъ вблизи, тоже въ городкѣ Альтвассерѣ, а я, такъ какъ жилъ у Новосильцева, занимавшаго маленькую дачу между Альтвассеромъ и Рейхенбахомъ, то всякій день утромъ ходилъ къ брату Василію Васильевичу, а на вечеръ отправлялся къ Демьяну Васильевичу.

Въ Рейхенбахѣ я нашелъ много своихъ знакомыхъ, между прочимъ, моего друга Николая Пражевскаго, который находился при Барклаѣ-де-Толли, и моего родственника Александра Фролова-Багрѣева, а послѣ познакомился съ Григоріемъ Николаевичемъ Рахмановымъ, бывшимъ губернаторомъ Таврической губерніи. Слѣдуя съ арміей, онъ занималъ должность генералъ-интенданта. Въ то время, какъ я съ нимъ познакомился, на его мѣсто генералъ-интендантомъ былъ назначенъ Канкринъ, который послѣ былъ министромъ финансовъ и пожалованъ графомъ; Рахмановъ же былъ назначенъ резидентомъ при дворѣ Великой Княгини Веймарской, Маріи Павловны, гдѣ онъ, впрочемъ, оставался не долго.

Воспользуюсь этимъ временемъ отдыха отъ военныхъ дѣйствій, чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерахъ моихъ начальниковъ и товарищей, съ которыми въ это время я болѣе или менѣе хорошо познакомился.

Какъ только перемиріе было объявлено, главно-

---

*) Адъютантъ графа Милорадовича.

командующимъ русскими арміями былъ назначенъ Барклай-де-Толли, послѣ того, какъ Витгенштейнъ потерялъ два сраженія: Люценское и Бауценское. Это, впрочемъ, случилось не по винѣ Витгенштейна. Наполеонъ велъ огромную армію, забравъ конскриптовъ за два года и явился подъ Бауценомъ въ то время, когда наша армія вовсе не была подкрѣплена, и у ней не было достаточно запасовъ и зарядовъ. Витгенштейнъ самъ уклонился отъ командованія всѣми арміями. и подъ его начальствомъ были оставлены первый и второй корпуса. Я былъ назначенъ изъ полка ординарцемъ въ главную квартиру Барклая-де-Толли въ Рейхенбахѣ. Возлѣ Рейхенбаха былъ замокъ, въ которомъ находилась квартира Государя Александра Павловича и Короля Прусскаго.

Мнѣ удалось вблизи узнать достопочтеннаго генерала Барклая-де-Толли. Онъ былъ такъ же добръ, какъ и графъ Витгенштейнъ, но гораздо дѣятельнѣе и тверже характеромъ.

Онъ былъ вѣжливъ, но взыскателенъ, хотя это смягчалось его справедливостію и хладнокровіемъ. Графомъ онъ былъ пожалованъ въ 1807 году за отличіе.

Онъ относился къ своимъ адъютантамъ и ординарцамъ съ чисто отеческимъ вниманіемъ; если случалось, что онъ посылалъ ихъ съ какимъ-нибудь порученіемъ, то заботился, чтобы имъ былъ приготовленъ обѣдъ. Такъ какъ онъ всегда вечеромъ долго занимался, то въ сосѣдней комнатѣ постоянно дежурили адъютанты и ординарцы. Одинъ разъ, въ мое дежурство, Барклай-де-

Толли призываетъ къ себѣ въ кабинетъ безсмѣннаго своего ординарца Артамона Муравьева и даетъ ему порученіе куда-то ѣхать. Тотъ вздумалъ разбудить меня и передать мнѣ его приказаніе. „Да вѣдь я слышалъ, что генералъ далъ вамъ порученіе, сказалъ я, такъ неугодно ли вамъ самимъ ѣхать. Если это порученіе не важное, такъ тутъ для этого есть дежурный унтеръ-офицеръ, притомъ, если бы господину главнокомандующему угодно было поручить мнѣ, то онъ и вызвалъ бы меня, а не васъ". Муравьевъ заспорилъ, а Барклай-де-Толли, услыхавъ этотъ разговоръ, вышелъ изъ кабинета и далъ ему порядочный нагоняй. Послѣ этого Барклай-де-Толли посылалъ меня съ донесеніемъ къ Государю Императору, но Государь меня лично не принялъ.

Послѣ недѣльнаго дежурства я возвратился въ свой полкъ, расположенный на границѣ.

Переходя къ описанію личности графа Витгенштейна, я могу съ полной искренностью сказать, что я всю мою жизнь не встрѣчалъ человѣка добрѣе, мягче и почтеннѣе графа. Онъ никогда не сердился, со всѣми былъ одинаково добръ, къ нему всѣ во всякое время имѣли доступъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ особеннаго уваженія. Онъ былъ высокаго роста и имѣлъ пріятную наружность; въ лицѣ живыми чертами была написана доброта, за которую все войско, начиная отъ высшихъ чиновъ—генераловъ, до послѣднихъ — солдатъ, готовыхъ пожертвовать своею жизнію, его обожали. Да его и нельзя было не любить. Такія

отношенія, какія онъ имѣлъ къ своимъ подчиненнымъ, по моему мнѣнію, не могутъ не имѣть самаго полезнаго вліянія на войско, потому что оно несравненно лучше ведетъ себя во время сраженія, будучи убѣждено, что любимый ими генералъ непремѣнно направитъ его къ успѣху. Вотъ чѣмъ объясняется отчасти и храбрость и самые успѣхи нашихъ войскъ, служившихъ подъ командою графа Витгенштейна.

Генералъ Довре, начальникъ штаба арміи Витгенштейна, былъ весьма ученый, добрый и скромный генералъ.

Довре въ особенности былъ очень расположенъ къ брату моему Демьяну Васильевичу. Онъ былъ учителемъ черченія въ пансіонѣ аббата Николь, происходилъ изъ французскихъ эмигрантовъ, которые во время преслѣдованія гугенотовъ католиками, во время Людовика XIV, переселились въ Германію. Его семейство поселилось въ Саксоніи, такъ что онъ уже вполнѣ онѣмечился. Впослѣдствіи Довре былъ любимцемъ Константина Павловича и командовалъ Литовскимъ корпусомъ.

Генералъ Дибичъ былъ человѣкъ весьма пылкаго и дѣятельнаго характера. Онъ ужъ въ то время пользовался заслуженной репутаціей, которую блистательно поддержалъ впослѣдствіи. Онъ былъ хорошимъ и усерднымъ помощникомъ Витгенштейна и былъ ему очень преданъ. По характеру онъ представлялъ совершенную противуположность съ генераломъ Довре, что не мѣшало имъ быть между собою въ дружескихъ отноше-

ніяхъ. Такое утѣшительное явленіе, вѣроятно, тоже много содѣйствовало сохраненію порядка въ войскахъ и уваженія къ начальникамъ; какъ извѣстно, существованіе интригъ между начальствующими лицами всегда имѣетъ вредное вліяніе на нравственность войскъ.

Генералъ Ридигеръ, шефъ Гродненскаго полка, имѣлъ весьма неровный характеръ. Съ подчиненными обращался иногда вѣжливо, иногда очень грубо. Онъ постоянно имѣлъ нѣкоторыхъ любимцевъ, которыхъ старался выдвинуть въ люди. Другихъ, напротивъ того, онъ безъ всякой причины притѣснялъ, хотя часто это были люди достойные.

На службѣ онъ былъ взыскателенъ, раздражителенъ; обращалъ вниманіе на мелочи, которые обыкновенно въ походахъ отодвигаются на задній планъ, такъ какъ существеннаго значенія въ военное время не имѣютъ.

Къ брату Демьяну Васильевичу Ридигеръ былъ расположенъ, а ко мнѣ былъ холоденъ. Я у него бывалъ иногда, потому что онъ приглашалъ меня вмѣстѣ съ братомъ, но послѣ, увидѣвъ, что онъ часто въ моемъ присутствіи бывалъ не въ духѣ, я пересталъ его посѣщать.

Одинъ разъ пріѣхалъ къ нему Новосильцевъ, и такъ какъ онъ былъ очень друженъ съ Ридигеромъ, то спросилъ у него:

— Что я у васъ Аркадія Кочубея не вижу?

— Не знаю, отвѣтилъ Ридигеръ, Аркадій Васильевичъ что-то такой странный, вѣрно на меня сердится.

После этого Новосильцевъ приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ, что все это значитъ? Я говорю, что ничего особеннаго это не значитъ, но я въ отношеніяхъ съ простыми людьми привыкъ, чтобы мнѣ не грубили, а въ отношеніяхъ съ начальниками привыкъ, чтобы меня учтиво принимали; между тѣмъ, какъ я прихожу, а онъ со мною ни слова не говоритъ. Новосильцевъ, желая оправдать Ридигера, сказалъ, что ужъ онъ такой капризный.

— Его капризы я на службѣ переношу, но зачѣмъ же мнѣ на нихъ нарочно набиваться! сказалъ я. Новосильцевъ мнѣ объявилъ, что Ридигеръ готовъ помириться со мной, но это было не надолго.

Указавъ нѣкоторыя черты характера шефа нашего полка, генерала Ридигера, мнѣ остается прибавить, что это былъ человѣкъ замѣчательной храбрости. Когда онъ находился въ авангардѣ, я думаю, что онъ никогда не спалъ, или по крайней мѣрѣ безпрестанно просыпался, постоянно слѣдилъ и наблюдалъ за непріятелемъ.

Многіе его не любили за его капризный, мелочной и педантичный характеръ, но его храбрость заставляла забывать его недостатки, и за нее всѣ его уважали.

Между штабъ-офицерами очень многіе отличались храбростію, но большая часть изъ нихъ были люди мало образованные. Я уже говорилъ, что Гротусъ, мой эскадронный командиръ, убитый подъ Бауценомъ, едва зналъ грамотѣ, что не мѣшало ему быть храбрымъ офицеромъ и добрымъ товарищемъ.

Полковникъ Набель, съ которымъ впослѣдствіи я въ особенности подружился и который прибылъ къ полку во время перемирія, былъ очень добрый, благородный человѣкъ и храбрый офицеръ.

Въ сраженіяхъ Набель нѣсколько разъ былъ раненъ. Въ молодости онъ былъ адъютантомъ Тучкова, служилъ въ пѣхотѣ и послѣ финляндской кампаніи перешелъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, которымъ въ это время командовалъ Кульневъ, и былъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ.

Подполковникъ Ольшевскій, который насъ съ братомъ пріютилъ въ началѣ бивуачной жизни подъ Чашниками, былъ человѣкъ весьма благовоспитанный и добрый, но не отличавшійся особенною храбростію; онъ въ скоромъ времени отсталъ отъ полка, получивъ мѣсто коменданта въ главной квартирѣ.

Эскадрономъ, пришедшимъ изъ Риги, командовалъ подполковникъ Гиршъ. Онъ былъ довольно старъ и находился при штабѣ, потому что Ридигеръ его очень любилъ; эскадрономъ его командовалъ сначала мой братъ, а потомъ я. Гиршъ отличался тѣмъ, что любилъ женщинъ. Подъ Березиной мы нашли одну маркитантку, нѣмочку, одѣтую въ сюртукъ. Она была очень бойкая и понравилась Гиршу; онъ ее взялъ съ собою, пріютилъ, и она все время похода шла съ нашимъ полкомъ. Но когда мы пришли во Францію, то во время сраженія подъ Труа, одинъ казацкій генералъ ее переманилъ. Гиршъ пришелъ въ отчаяніе, разбранилъ всѣхъ своихъ

солдатъ, какъ смѣли они ее отпустить! Однакожъ, онъ горевалъ недолго, потому что вскорѣ утѣшился въ Парижѣ съ милыми француженками.

Между оберъ-офицерами было много храбрыхъ, но мало образованныхъ людей, въ особенности между тѣми, которые вступили въ нашъ полкъ, въ резервные, вновь сформированные въ Петербургѣ эскадроны. Молодые люди, вступившіе въ полкъ во время пребыванія нашихъ эскадроновъ въ Ригѣ, были болѣе образованные и добрые люди. Въ моемъ эскадронѣ былъ одинъ очень хорошенькій и молодой офицеръ Грошкау; онъ былъ такъ несчастливъ, что почти во всякомъ сраженіи былъ раненъ и, наконецъ, убитъ подъ Дрезденомъ. Впрочемъ, всѣмъ вообще офицерамъ нельзя отказать въ храбрости.

Между старыми офицерами, которыхъ я засталъ въ полку, былъ малороссіянинъ Остроградскій *), офицеръ, участвовавшій во всѣхъ сраженіяхъ, но ни разу нигдѣ не раненый. Мы называли его гетманомъ Матвѣевымъ I, потому что онъ любилъ воображать себя въ этомъ званіи.

Былъ еще другой отличный офицеръ Глѣбовъ, отличившійся тѣмъ, что взялъ въ плѣнъ генерала Сенъ-Женье подъ Клястицами *). Глѣбовъ былъ ужасный повѣса и безнравственный человѣкъ, картежникъ и кончилъ

---

*) Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ маіоры и подполковники.

*) Въ томъ сраженіи, въ которомъ былъ убитъ ген. Кульневъ.

впослѣдствіи весьма дурно *). Кульневъ его постоянно притѣснялъ и его даже не производили. Въ сраженіяхъ онъ былъ постоянно впереди.

Глѣбовъ былъ очень дерзокъ, и это проявлялось въ немъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Однажды онъ поссорился съ Шмидтомъ, своимъ родственникомъ, изъ-за пустяковъ, не смотря на то, что Шмидтъ былъ очень хладнокровный человѣкъ. Шмидтъ ѣхалъ на лошади и курилъ трубку; Глѣбовъ подъѣхалъ къ нему и попросилъ дать ему покурить. Тотъ не далъ и ничего ему не отвѣтилъ. Глѣбовъ вырвалъ трубку у него изъ рукъ; Шмидтъ бросился за нимъ и заставилъ его бросить ее. При этомъ Шмидтъ разсердился и толкнулъ его такъ, что у него свалился съ головы киверъ. Глѣбовъ въ это время былъ пьянъ и раскричался. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, нѣмецъ Бабстъ, поѣхалъ къ Ридигеру, разсказалъ ему эту исторію, прибавивъ, что не хочетъ служить въ полку, гдѣ офицеры между собою дерутся. Ридигеръ велѣлъ ихъ арестовать, но я, будучи дежурнымъ въ этотъ день, прежде чѣмъ исполнить это приказаніе, далъ имъ время смыть обиду. Однакожъ дуэль кончилась благополучно: никто не былъ раненъ, и послѣ выстрѣловъ противники подали другъ другу руки и обнялись.

Ридигеръ, не знаю за что именно, не могъ терпѣть

**) Глѣбовъ кончилъ въ Сибири за исторію, которая вышла за карточнымъ столомъ: онъ фальшивыми картами обыгралъ кого-то; тотъ не хотѣлъ заплатить, онъ его началъ бить и убилъ до смерти.

Шмидта, хотя онъ былъ человѣкъ тихій, скромный и хорошо исполнявшій свои обязанности, а Глѣбову, напротивъ того, онъ покровительствовалъ, вѣроятно за его удальство. По этому, обратившись къ офицерамъ, онъ высказалъ желаніе, чтобы всѣ мы дали подписку, что не хотимъ служить со Шмидтомъ. Я высказался противъ этого и объявилъ, что ни за что не подпишу, такъ какъ если ужъ давать подписку, то никакъ не противъ Шмидта, а скорѣе противъ Глѣбова, потому что онъ былъ причиною ссоры, а если Ридигеру непремѣнно угодно, то лучше обоихъ перевести въ другіе полки.

Ридигеръ страшно на меня за это разсердился и разорвалъ подписку, имъ приготовленную.

Глѣбовъ былъ племянникъ Шепелева, и тотъ взялъ его къ себѣ въ полкъ, а Шмидта перевели при посредствѣ брата моего *) въ Ольвіонольскій полкъ.

Въ нашемъ эскадронѣ служилъ нѣкто Вержбицкій, очень молодой человѣкъ, мы назвали его: enfant de troupe. Онъ былъ изъ Литовской шляхты, какъ—то попалъ въ юнкера, а потомъ, во время войны былъ произведенъ въ офицеры. Вержбицкій не получилъ никакого образованія, любилъ привирать и притомъ былъ очень наивенъ. При первомъ же знакомствѣ Вержбицкій разсказалъ намъ слѣдующій анекдотъ: — „Вотъ, еслибъ вы знали, у насъ служилъ полковникъ Силинъ; у него была

*) Бывшаго въ то время адъютантомъ у графа Витгенштейна.

огромнѣйшая трубка, которая курилась впродолженіи часа, и онъ такихъ трубокъ выкуривалъ въ день до ста штукъ". Когда ему замѣтили, что это очень замѣчательно, то онъ даже и не понялъ несообразности своего разсказа. Вержбицкій участвовалъ во всѣхъ походахъ 1812—1814 годовъ и, сколько мнѣ помнится, въ одномъ (не помню какомъ) сраженіи былъ раненъ.

Такъ какъ, къ сожалѣнію, всегда почти бываетъ въ семьѣ не безъ урода, то и между нашими офицерами было нѣсколько трусовъ. Одинъ изъ нихъ, ротмистръ Давыдовъ, командовавшій эскадрономъ, былъ отличный фронтовикъ и потому любимецъ Ридигера, но имѣлъ особенный талантъ всегда уклоняться отъ сраженія. Однакожъ не смотря на это, во время ночной тревоги подъ Пальшау, онъ былъ раненъ пулей, вслѣдствіе чего уѣхалъ и ужъ послѣ не возвращался.

Другой подобный же трусъ былъ офицеръ Козодаевъ, не могшій выдерживать безъ содроганія ни одного пушечнаго выстрѣла. Бывало, какъ только раздастся первый выстрѣлъ, онъ тотчасъ же подвяжетъ себѣ голову платкомъ, будто оконтуженъ, и отправляется подальше. Не смотря однакожъ на такія продѣлки, онъ всетаки получилъ Георгіевскій крестъ подъ Лабіо. Случилось это весьма страннымъ образомъ.

Подъ Лабіо увидѣли мы, что французы бросаютъ пушки, вслѣдствіе невозможности везти ихъ далѣе, по случаю дурныхъ дорогъ и за усталостію лошадей.

Ридигеру хотѣлось взять эти пушки, и онъ прика-

залъ баталіонному командиру Егерскаго полка, перебраться по льду и взять орудія. Баталіонный командиръ сказалъ, что онъ охотно это сдѣлаетъ, но такъ какъ на противуположной сторонѣ видна была непріятельская конница, то онъ просилъ подкрѣпить атаку его баталіона кавалеріей.

Ридигеръ приказалъ двумъ эскадронамъ нашего полка слѣдовать за баталіономъ *).

Эскадронъ Козодаева, не будучи въ состояніи перейти черезъ весьма скользкій ледъ, долженъ былъ спѣшиться, а пѣхота, какъ только увидѣла идущую на помощь кавалерію, бросилась впередъ, и пушки были взяты ею безъ помощи Козодаева.

Такимъ образомъ, за одно только участіе въ этомъ удачномъ дѣлѣ, Козодаеву и Забровскому дали Георгіевскіе кресты по статуту.

Козодаевъ вообще былъ престранный человѣкъ, но хорошій фронтовикъ, и потому ему дали эскадронъ. Вообще онъ былъ тихій, а напьется пьянъ, лѣзетъ со всѣми драться; но проспится гдѣ нибудь подъ скамейкой и опять сдѣлается смиренъ какъ ягненокъ; въ особенности скоро у него пропадалъ хмѣль, когда начиналось сраженіе; онъ самъ чувствовалъ, что стыдно трусить, но не могъ себя преодолѣть. Онъ нарочно напивался передъ самымъ сраженіемъ и летѣлъ впередъ,

*) Однимъ изъ этихъ эскадроновъ командовалъ Козодаевъ, а другимъ Забровскій.

стараясь попасть во фланкеры, но, не смотря на эту рѣшимость, какъ только прогремѣла первая пушка, у него проходилъ хмѣль, и онъ, подвязавшись платкомъ, спѣшилъ прочь. Кончилось тѣмъ, что у него отняли эскадронъ.

. . . .

Переговоры съ Наполеономъ и Пражскій конгрессъ не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Вскорѣ мы получили извѣстіе, что переговоры прекращены и перемиріе кончается.

Переговоры однакожъ имѣли для союзниковъ выгодныя послѣдствія, а именно: Австрія въ виду несговорчивости Наполеона, рѣшилась перейти окончательно на сторону Россіи и объявила войну Франціи.

Начальство надъ всѣми войсками поручено было фельдмаршалу Шварценбергу. Нашей первой арміи, подъ командою Барклая-де-Толли, велѣно было соединиться съ австрійцами, и потому мы перешли границу и вступили въ Богемію.

Нашъ переходъ черезъ Богемію былъ совершеннымъ торжествомъ: насъ вездѣ встрѣчали съ музыкой и пѣснями, народъ ликовалъ, потому что ненависть къ французамъ была всеобщая, какъ нѣмцевъ такъ и чеховъ.

Мы черезъ Прагу подступили къ Дрездену, а потомъ насъ направили въ городъ Пирну. Въ Пирнѣ наши войска начали соединяться и готовиться къ сраженію: хотѣли застать врасплохъ французскую армію, укрывающуюся въ Дрезденѣ, пока еще Наполеонъ находился

на другой сторонѣ Эльбы съ другими своими корпусами, и потому рѣшились атаковать Дрезденъ.

Сраженіе началось довольно удачно: Дрезденскій форштадтъ почти былъ уже занятъ, какъ вдругъ съ другой стороны переправился Наполеонъ и атаковалъ насъ во флангъ. Въ это время въ нашу армію прибылъ извѣстный генералъ Моро, который тутъ и былъ убитъ.

Въ этомъ сраженіи была убита подо мною лошадь ядромъ, которое вырвало ей часть горла *). Лошадь встала на дыбы, сбросила меня съ сѣдла, упала, затѣмъ снова вскочила на ноги, побѣжала къ тому мѣсту, гдѣ были заводскія лошади—и тамъ околѣла. Одинъ гусаръ подвелъ мнѣ свою лошадь, я сѣлъ на нее и продолжалъ участвовать въ сраженіи.

Гвардія пошла на Кульмъ и тамъ послѣдовало славное Кульмское сраженіе, въ которомъ отличился братъ мой Василій Васильевичъ; мы же въ это время имѣли только нѣсколько стычекъ въ горахъ; шли безпрерывно дожди, и мы съ трудомъ двигались по испорченнымъ дорогамъ.

Въ одномъ мѣстѣ (ужъ не помню именно гдѣ) на насъ напирала молодая гвардія Наполеона. Мы пошли въ атаку, и такъ какъ былъ проливной дождь, и пѣхота не могла по насъ стрѣлять, вслѣдствіе того, что полки ружей были залиты водой, и патроны промокли, то мы

---

*) Это была та самая лошадь, которую я досталъ отъ убитаго француза.

цѣлый баталіонъ гвардіи взяли въ плѣнъ безъ боя. Одинъ французскій солдатъ, сбитый съ ногъ во время атаки, хотѣлъ меня убить, но зацѣпилъ штыкомъ за нижнюю часть рейтузъ и разорвалъ ихъ снизу до верху, при чемъ однакожъ не произошло даже царапины. За этотъ подвигъ французъ поплатился жизнію, потому что ѣхавшій подлѣ меня гусаръ его немедленно закололъ.

Послѣ блистательнаго Кульмскаго боя, мы тоже спустились въ долину Теплицъ. Здѣсь съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ случилось забавное приключеніе. Мы зашли въ корчму, чтобы обсушиться. Одинъ изъ офицеровъ снялъ съ себя рубашку, желая ее просушить; въ это время сдѣлалась тревога и онъ, не успѣвъ надѣть рубашку, надѣлъ мундиръ на голое тѣло и сѣлъ на лошадь, а рубашку положилъ въ киверъ. Ночью, во время пути, онъ задѣлъ киверомъ за сучекъ дерева, киверъ упалъ вмѣстѣ съ рубашкой, и онъ потерялъ то и другое.

Около этого времени прибылъ къ намъ въ полкъ одинъ полковникъ (финляндецъ, фамиліи его не помню) который послѣ атаки предложилъ мнѣ заѣхать въ деревню съ тѣмъ, чтобы забрать разсѣявшихся тамъ французскихъ застрѣльщиковъ. Но въ это время французы воздвигнули батарею и открыли ужаснѣйшій огонь по селенію. Я объявилъ полковнику, что не могу за нимъ слѣдовать, потому что долженъ быть на своемъ мѣстѣ при эскадронѣ. Не смотря на мой отказъ, полковникъ всетаки отправился въ деревню и былъ убитъ попавшимъ въ деревню ядромъ. Когда послѣ сраженія я по-

слалъ отыскивать его тѣло, то его не могли найти: его совсѣмъ смѣшали съ грязью.

На слѣдующій день мы продолжали отступленіе и имѣли еще нѣсколько стычекъ. Наши батареи совершенно завязли въ грязи, такъ что прислали цѣлую дивизію кирасиръ, чтобы вытаскивать наши орудія. По счастію это было ужъ послѣ удачнаго Кульмскаго дѣла, и потому мы могли спасти всю свою артиллерію. Кульмское дѣло было причиной того, что французы на нѣкоторое время остановились въ своемъ преслѣдованіи, и мы безпрепятственно вступили въ прекрасную Теплицкую долину.

Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ опять насъ атаковалъ, причемъ произошло такъ называемое второе Кульмское дѣло.

Сраженіе это было не вполнѣ удачно для Наполеона: цѣль его была оттѣснить насъ отъ Дрездена, но мы остановили его натискъ, опять заняли горы и снова подошли къ Пирнѣ. Тамъ у насъ были безпрестанныя, маленькія стычки съ французами до тѣхъ поръ, пока наконецъ намъ приказано было идти къ Лейпцигу.

Ко 2 Декабря мы стали на позицію подъ Лейпцигомъ, и нашъ полкъ произвелъ нѣсколько удачныхъ кавалерійскихъ атакъ, совмѣстно съ другими полками. 4 числа Наполеонъ уже со всѣми силами на насъ двинулся, и въ этотъ день было кровопролитное сраженіе *).

---

*) Между прочими здѣсь былъ убитъ мой товарищъ Грошкау.

Мы нѣсколько разъ ходили въ атаку, причемъ Блюхеръ имѣлъ удачное дѣло, а насъ Наполеонъ заставилъ отступить. 5 числа былъ отдыхъ; между тѣмъ подошли другія наши войска подъ командою Бенингсена и др., такъ что Лейпцигъ съ правой стороны рѣки Эльстера былъ обложенъ союзными войсками.

6 числа намъ пришлось сдѣлать генеральную атаку. День былъ сначала туманный, а послѣ была прекрасная погода, и мы двинулись впередъ безъ всякой остановки, за исключеніемъ небольшой перестрѣлки фланкеровъ.

Французы стали отступать; наконецъ къ вечеру они остановились на сильной позиціи и открыли огонь со всѣхъ батарей. Намъ велѣно было идти въ атаку. Мы шли цѣлой дивизіей въ двѣ линіи; въ атакѣ участвовали: цѣлая гусарская дивизія, Сумскій, Ольвіопольскій, кирасирскій полки и даже резервные эскадроны. Французы начали бросать орудія, и, во время атаки, одинъ изъ моихъ унтеръ-офицеровъ Щербанъ говоритъ мнѣ:

— Ваше Высокоблагородіе, посмотрите: вонъ французы бросаютъ орудія, можно бы ихъ взять. Я побранилъ этого унтеръ-офицера *) за то, что онъ оставляетъ свое мѣсто, а самъ продолжалъ идти въ атаку. Въ это время одинъ изъ нашихъ эскадронныхъ командировъ, Остроградскій, находившійся во второй линіи, бросился въ сторону, взялъ орудія и получилъ за это

*) Я зналъ, что этотъ унт.-оф. не любилъ быть подъ ядрами.

Георгіевскій крестъ. Лейпцигское сраженіе кончилось полной для насъ побѣдой.

6-го числа вечеромъ мы подошли подъ самый Лейпцигъ, и одна дивизія уже заняла форштадтъ. Пришла ночь, и мы всѣ расположились подъ Лейпцигомъ на бивуакахъ; тутъ же вблизи насъ собрались всѣ государи: Австрійскій, Прусскій и Императоръ Александръ Павловичъ. Пришло извѣстіе, что французы покидаютъ Лейпцигъ, и Государь нашъ 7-го числа поѣхалъ туда. Часть нашихъ войскъ вошла въ Лейпцигъ, а мы прошли флангомъ мимо него. Я попросилъ у Ридигера позволенія ѣхать въ Лейпцигъ; онъ мнѣ это разрѣшилъ, и я съ двумя офицерами примкнулъ къ свитѣ Императора Австрійскаго Франца. По дорогѣ мы встрѣтили нашего Императора, возвращавшагося уже изъ Лейпцига въ лагерь.

Императоръ Францъ проѣхалъ мимо Ратуши, гдѣ несчастный король Саксонскій ожидалъ его стоя внизу, на лѣстницѣ, думая, вѣроятно, что онъ остановится. Но Императоръ Францъ не удостоилъ его даже взглядомъ. Тутъ я ужъ отсталъ отъ его свиты и поѣхалъ въ Hôtel de Russie, который былъ мнѣ знакомъ по первому моему посѣщенію Лейпцига.

Пріѣхавъ въ гостинницу, я потребовалъ обѣдъ, но вижу, что кельнеры что-то не думаютъ исполнять моего требованія, а между тѣмъ накрываютъ огромный столъ. Оказалось, что генералъ Блюхеръ остановился тутъ же и въ этотъ день давалъ обѣдъ главнокомандующему графу Витгенштейну. Такимъ образомъ, я со

своими товарищами, неожиданными гостями, отобѣдали на счетъ Блюхера.

Кельнеры, къ которымъ я обратился для уплаты счета, объяснили, что все уже заплочено. Въ ожиданіи обѣда мы услышали ужасный взрывъ и оказалось, что взорванъ былъ мостъ на Эльстерѣ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, произошла смерть Понятовскаго, описанная историками и воспѣтая поэтами.

Послѣ обѣда мы опять поѣхали въ лагерь, но съ большимъ трудомъ могли пробираться узкими улицами Лейпцига, которыя были загромождены русскими войсками: артиллеріею и пѣхотою. Товарищи мои употребили хитрость для того чтобы проѣхать: они назвали меня генераломъ и безпрестанно повторяли: „Дайте дорогу генералу.“ Ночь была темная, и потому никто не замѣтилъ ихъ обмана.

На другой день мы двинулись въ походъ и безъ всякой стычки дошли до Готы. Принцъ Готскій давалъ обѣдъ, на который были приглашены нѣкоторые офицеры, въ томъ числѣ я и мой братъ. Братъ поѣхалъ, а я отказался.

Принцъ Готскій имѣлъ манеры и вообще наружность женоподобныя, онъ даже румянился.

Братъ и я оставались въ Готѣ три дня для того, чтобы снова обмундироваться; братъ отпросился у графа Витгенштейна, а я у—своего генерала. Съ нами вмѣстѣ оставался въ Готѣ князь Борисъ Лобановъ-Ростовскій.

Догоняя полкъ, мы извѣдали, какъ живутъ мародеры

во время походовъ. Это было для насъ ново, потому что гдѣ мы ни проѣзжали, намъ вездѣ давали самыя лучшія квартиры и фуражъ лошадямъ. Насъ вездѣ нѣмцы принимали радушно и давали лошадей, что было очень кстати, такъ какъ собственныхъ лошадей мы отправили съ полкомъ.

Братъ мой уѣхалъ къ графу Витгенштейну, а мы остались на квартирахъ на берегахъ Рейна. Вотъ здѣсь случилось со мной слѣдующее происшествіе: мнѣ была отведена квартира у одного пастора, который говорилъ немного по французски и вообще былъ человѣкъ довольно образованный. Пасторъ этотъ былъ человѣкъ не богатый и угощалъ меня какъ могъ, но весьма радушно. Я съ нимъ подружился, и онъ пригласилъ меня послушать его проповѣдь о союзѣ съ Россіей. У этого пастора была сестра, весьма дурная собой, но добрая дѣвушка. Вдругъ на бѣду останавливается въ этомъ селеніи казачій полкъ на дневку, и казачьему сотнику N отводятъ квартиру въ домѣ пастора.

Сотнику этому, напившимуся пьянымъ, вздумалось подъ хмѣлькомъ ухаживать за сестрой пастора, и онъ началъ, ужъ нѣсколько по казачьи, приставать къ ней. Бѣдная дѣвушка въ слезахъ прибѣжала ко мнѣ жаловаться; я безъ всякой церемоніи выбранилъ казацкаго офицера и велѣлъ ему сейчасъ же съѣхать съ квартиры, и такъ какъ онъ немедленно не исполнилъ моего совѣта, то я ускорилъ уходъ его нѣсколькими ударами нагайки; N ни слова не отвѣтилъ и убрался по—добру по—здорову.

За эту рыцарскую, такъ сказать, выходку мою, я былъ награжденъ изъявленіями живѣйшей благодарности какъ со стороны почтеннаго пастора, такъ и сестры его, которая сравнивала меня съ ангеломъ—избавителемъ.

На другой переходъ мнѣ случилось стоять у католическаго пастора; тотъ подчивалъ меня ужинами, обѣдами и виномъ на славу. Въ приготовленіи этихъ обѣдовъ и ужиновъ онъ принималъ участіе самъ и, садясь вмѣстѣ со мною за столъ, прищелкивалъ языкомъ и выхвалялъ достоинства своей стряпни.

Еще по дорогѣ къ Рейну 25 декабря, по новому стилю, мнѣ случилось остановиться у одного французскаго эмигранта, женатаго на тамошней баронессѣ. У него была домовая церковь, въ которой я былъ разъ во время обѣдни.

За столомъ онъ угощалъ меня хорошимъ, старымъ бургондскимъ виномъ, первымъ хорошимъ французскимъ виномъ, которое мнѣ пришлось пить во время похода.

Нѣсколько дней спустя навели мостъ на Рейнѣ, и мы перешли черезъ него близь Страсбурга, съ цѣлью наблюдать за этой крѣпостью. Затѣмъ полкъ нашъ приблизился къ Жуанвиллю. Разнеслись слухи, что наша армія отступила, и городъ Линьи (Ligny) опять занятъ французами. Мнѣ съ эскадрономъ поручили открыть сообщеніе съ прусской арміей и удостовѣриться въ положеніи непріятеля. Я отправился къ Линьи, и посланная впередъ команда дала мнѣ знать, что французы уже вышли изъ Линьи. Получивъ это извѣстіе, я вошелъ въ

городъ и, выставивъ аванпостъ, расположился тамъ со своимъ эскадрономъ, ожидая въ скоромъ времени прибытія прусскаго авангарда. Въ скоромъ времени ко мнѣ явился мэръ города и объявилъ мнѣ, что онъ задержалъ въ тюрьмѣ двухъ нашихъ казаковъ именно для того, чтобы сохранить ихъ жизнь, такъ какъ озлобленные жители хотѣли ихъ убить.

Я сейчасъ-же послалъ въ тюрьму освѣдомиться объ этихъ казакахъ, намѣреваясь, уходя изъ города, взять ихъ съ собою.

На разсвѣтѣ другаго дня мы увидѣли прусскій авангардъ, прибывшій подъ начальствомъ принца Вильгельма.

Прежде чѣмъ я успѣлъ явиться къ принцу, нѣкоторые роялисты ужъ успѣли предупредить прусскихъ офицеровъ, что будто ихъ мэръ-бонапартистъ засадилъ въ тюрьму казаковъ.

Встрѣтивъ по дорогѣ пруссаковъ, которые шли къ мэру съ угрозами его убить, я поспѣшилъ къ Его Королевскому Высочеству и разсказалъ ему, что мэръ совсѣмъ не виноватъ.

Такимъ образомъ, мнѣ удалось избавить этого почтеннаго человѣка, если не отъ смерти, то по крайней мѣрѣ отъ обиды.

Извѣстивъ принца о положеніи нашихъ войскъ, я поспѣшилъ возвратиться къ своему полку.

Во время зимняго нашего похода во Францію съ однимъ изъ нашихъ бригадныхъ генераловъ, Деляновымъ, произошелъ курьезный случай. Я зналъ его, когда

онъ былъ еще маіоромъ (онъ и тогда былъ ужъ старикомъ), я былъ еще ребенкомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ домъ графа Безбородко: онъ былъ тогда женихомъ Лазаревой, на которой и женился. Съ нимъ была однажды во время похода преуморительная исторія: холодъ былъ ужаснѣйшій, дровъ нельзя было нигдѣ достать, а мы въ этихъ случаяхъ обыкновенно разбирали избы и брали стропила вмѣсто дровъ. Такъ точно и тутъ я распорядился и приказалъ людямъ разобрать какой нибудь домъ. Но было въ виду только три дома; въ одномъ стоялъ корпусный командиръ, въ другомъ — нашъ генералъ Ридигеръ, а въ третьемъ генералъ Деляновъ. Я предпочелъ разобрать тотъ домъ, въ которомъ помѣщался Деляновъ, который спалъ въ то время, когда солдаты совершали эту операцію; когда же по утру онъ проснулся, то увидалъ себя кругомъ въ снѣгу. Встрѣтивъ меня, онъ разсказываетъ мнѣ эту исторію: „проклятые, говоритъ, гусары, какую штуку со мной сыграли“.

„Да это я, говорю ему, устроилъ, благодарите меня“. Надо сказать, что онъ былъ очень привязанъ ко мнѣ; бывало, какъ только увидитъ свѣтъ у меня, тотчасъ же присылаетъ за мной. Самъ онъ вообще не пользовался хорошей репутаціей, а въ особенности былъ далеко не храбръ.

Французы начали отступать, потому что союзныя арміи съ разныхъ направленій вошли во Францію. Русская армія, подъ командою Барклая-де-Толли, и Австрій-

ская, подъ командою Шварценберга, ужъ заняли Дижонъ, а генералъ Сакенъ одержалъ побѣду подъ Бріэномъ, гдѣ командовалъ самъ Наполеонъ. Авангардомъ нашимъ командовалъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ.

Мы, слѣдомъ за отступающими французами, потянулись къ Шампаньи, перешли Сену въ городѣ Мери и по дорогѣ къ Pont sur Seine, проходя мимо дачи, принадлежащей матери Наполеона, Летиціи Бонапартъ, полюбопытствовали ее осмотрѣть. Мы нашли тамъ множество бронзы и прекрасныхъ гравюръ, изображающихъ всѣ подвиги Наполеона. Домъ еще не былъ тронутъ— австрійцы поставили своихъ часовыхъ и строго наблюдали, чтобы никто ничего не утащилъ.

Не доходя Ножана (Nogent), занятаго австрійцами, мы остановились у одного замка, гдѣ нашли большіе запасы вина, сигаръ и табаку, и намъ разрѣшено было прислать туда людей для пріема нашей части табаку и вина. На дворъ дома, гдѣ стоялъ нашъ генералъ, привезли бочку вина, и я проходя мимо увидѣлъ, что полковой нашъ писарь Егоровъ, горькій пьяница, стоитъ подъ бочкой и цѣдитъ вино въ кострюльку. Я спрашиваю у него; „Что ты тутъ дѣлаешь?“

„Ахъ, Ваше Высокоблагородіе, какое славное рейнское“, проговорилъ онъ вмѣсто отвѣта на мой вопросъ. Онъ называлъ рейнскимъ отличное бургондское вино, которое генералъ тутъ-же велѣлъ раздѣлить между офицерами.

Пройдя Ножанъ, мы заняли Провенъ (Provinse) и

дошли до маленькаго городка Норманъ (Normand), лежащаго всего въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа. Мы ужъ думали, что дойдемъ безпрепятственно до столицы Франціи, какъ вдругъ встрѣтили сильный отрядъ французовъ, состоявшій изъ драгунскихъ и кирасирскихъ полковъ, вызванныхъ Наполеономъ изъ Испаніи. Рѣдко можно встрѣтить такъ хорошо организованное войско: они нашу атаку выдержали съ большимъ хладнокровіемъ и ретировались въ порядкѣ.

Когда мы сдѣлали весь этотъ переходъ, немедленно же было дано приказаніе послать мой эскадронъ дальше для развѣдокъ. Ридигеръ разсердился на это, сказался больнымъ, а полкъ повелъ Набель.

Наскоро подкрѣпившись пищею и накормивъ людей и лошадей, я явился къ полковнику Набелю за приказаніями и за полученіемъ маршрута. Набель засмѣялся и говоритъ: „Куда вы такъ спѣшите? Успѣете еще: дайте лошадямъ немножко отдохнуть“.

Но не прошло получаса, какъ пріѣзжаетъ къ намъ адъютантъ Ридигера и въ торопяхъ говоритъ: „Спасайтесь, весь авангардъ подъ командою Палена разбитъ“.

Мы сдѣлали тревогу, сѣли на лошадей, рысью пробрались мимо Провена и послали одного офицера провѣдать, кто занимаетъ городъ Провенъ. Офицеръ вошелъ въ первый попавшійся домъ въ городѣ, гдѣ хозяева приняли его нѣсколько грубо, онъ испугался и подумалъ, что городъ занятъ французами. Возвратившись онъ объявилъ это Набелю. Вслѣдствіе этого из-

вѣстія нашъ полкъ обошелъ этотъ городъ на рысяхъ и подошелъ къ Ножану, гдѣ неожиданно наткнулся на главную квартиру графа Витгенштейна. Тутъ мы узнали, что такъ какъ наши войска подвигались все отдѣльными корпусами, то Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ и быстрымъ движеніемъ напалъ на первую дивизію подъ командою генерала Ушакова, котораго взялъ въ плѣнъ, а дивизію эту совершенно разбилъ и разсѣялъ.

Потомъ Наполеонъ напалъ на Сакена и хотя не окончательно разбилъ его, но заставилъ ретироваться отъ Тьерри; отсюда онъ перенесъ свои силы на авангардъ графа Палена (къ которому принадлежали и мы) и быстро атаковалъ его, причемъ изъ 12-ти орудій конной артиллеріи храбраго полковника Маркова, взято было девять, такъ какъ конная артиллерія не успѣла отступить довольно быстро, а Ольвіопольскій полкъ, который служилъ прикрытіемъ батареи Маркова, былъ опрокинутъ вмѣстѣ съ остальной кавалеріей. Ольвіопольскимъ полкомъ командовалъ генералъ Дегтяревъ.

Послѣ этой побѣды надъ нами, Наполеонъ еще на лѣвомъ флангѣ атаковалъ наслѣднаго Принца Виртембергскаго и тоже заставилъ его отступить. Тогда только почувствовали мы, что не съумѣли дѣйствовать противъ великаго полководца и сообразили, что полезнѣе было бы соединиться всѣмъ войскамъ и дѣйствовать за одно.

Мы опять перешли Сену и пустились въ обратный путь съ тѣмъ, чтобы соединиться у города Труа. Мы

расположились въ Ножанѣ, чтобы дать нѣсколько отдохнуть войскамъ; въ это время опять начали поговаривать о перемиріи и о конгрессѣ въ Шатильонѣ и полагали, что, до заключенія мира, всѣ военныя дѣйствія будутъ прекращены.

Вдругъ я получаю приказаніе отъ генерала Ридигера—ѣхать парламентеромъ въ городъ Мери, чтобы объявить о заключеніи перемирія; въ сопровожденіи трубача, унтеръ-офицера и друхъ казаковъ, я поѣхалъ въ Мери. Я получилъ при этомъ инструкцію, что въ случаѣ найду возлѣ Мери армію Блюхера, то долженъ вручить данную мнѣ депешу Блюхеру, для передачи на французскіе аванпосты, а самъ ѣхалъ бы обратно; буде же я не застану Блюхера, то чтобы отдалъ депешу аванпостному офицеру и безъ всякой остановки ѣхалъ назадъ.

Пріѣхавъ къ Мери, я не нашелъ арміи Блюхера, а увидѣлъ только бродящіе по полю синіе мундиры. Желая удостовѣриться: пруссаки это или французы *), я хотѣлъ подойти, но они, какъ увидѣли казаковъ, тотчасъ же ушли.

Слѣдомъ за ними я подъѣхалъ къ Сенѣ и заставилъ трубача трубить для того, чтобъ вызвать французскій караулъ.

Но при въѣздѣ въ городъ меня со всѣхъ сторонъ окружили солдаты и жители, которые бросились съ

*) Послѣ оказалось, что это были французы.

остервененіемъ на казаковъ, сломали имъ пики, а меня хотѣли стащить съ лошади. По счастію я увидѣлъ французскаго офицера, которому и заявилъ, что я парламентеръ и спросилъ его, какимъ образомъ обыватели осмѣливаются нарушать военные законы и останавливать парламентера, оказывая при этомъ ему не уваженіе.

Офицеръ по счастію понялъ свою обязанность, началъ передъ мною извиняться и остановилъ раздраженныхъ гражданъ. Когда я хотѣлъ ему вручить депешу, то онъ отвѣчалъ, что не можетъ меня отпустить, такъ какъ самъ маршалъ Викторъ находится въ городѣ и что я долженъ лично къ нему явиться. Я ему сказалъ, что я этого и самъ желаю; тогда въ сопровожденіи караула мы пошли далѣе и у переправы черезъ Сену встрѣтили маршала, занимавшагося устройствомъ моста.

Маршалъ Викторъ принялъ меня довольно ласково, взялъ депешу, распечаталъ и сказалъ, что до сихъ поръ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о перемиріи.

Я выразилъ желаніе отправиться обратно, но онъ на это мнѣ отвѣчалъ, что сейчасъ отпустить меня не можетъ, а что я долженъ подождать, покуда онъ получитъ увѣдомленіе о перемиріи отъ главной квартиры.

Не смотря на это онъ продолжалъ быть со мною очень вѣжливымъ: оставилъ меня у себя на квартирѣ и пригласилъ къ обѣду, который былъ сервированъ на серебрѣ и очень роскошенъ. Послѣ обѣда я пошелъ съ его адъютантомъ въ особую комнату.

Всѣ офицеры были очень разговорчивы и любезны со мною и выражали надежду, что перемиріе будетъ заключено, при чемъ просили меня, во время перемирія пріѣхать къ нимъ. „Если же мира не будетъ, говорили они, то вся ваша армія будетъ истреблена“.

„Вы думаете взять Парижъ, но вѣдь тамъ народъ поголовно возстанетъ, и ваша армія погибнетъ“.

Спалъ я у нихъ комнатѣ—мнѣ положили тюфякъ, и я долго старался прислушиваться, о чемъ они говорили, но отъ усталости сонъ одолѣлъ меня.

На другой день маршалъ Викторъ (Duc de Bellun) сказалъ, что онъ получилъ приказаніе меня отпустить, но ни слова не сказалъ мнѣ на счетъ перемирія. Я долженъ былъ замѣтить ему, что наша армія отошла уже далеко, что я долженъ проѣзжать мѣстности, не занятыя нашими войсками, что во многихъ мѣстахъ жители возмутились, и я рискую тѣмъ, что на меня гдѣ нибудь нападутъ—и просилъ его, вслѣдствіе этого, дать мнѣ эскорту. Но Викторъ мнѣ отказалъ въ этомъ, говоря, что у него и безъ того мало войска *). Вмѣсто эскорты онъ далъ мнѣ открытый листъ за своею печатью для свободнаго пропуска и былъ такъ любезенъ, что далъ моимъ казакамъ новыя французскія пики вза-

*) Онъ былъ тогда въ немилости у Наполеона, потому что сдѣлалъ какую-то ошибку. Императоръ былъ имъ недоволенъ и поручилъ корпусъ его генералу Жерарду, а ему далъ маленькую команду, съ которой онъ занималъ Мери на лѣвомъ флангѣ.

мѣнъ тѣхъ, которыя были сломаны при въѣздѣ въ городъ. Получивъ пропускъ, я откланялся и позавтракавъ отправился въ дорогу.

Возвращеніе мое было сопряжено съ разными затрудненіями: на пути въ первой же встрѣтившейся деревнѣ я замѣтилъ, что жители какъ-то сурово на меня глядятъ, а подъѣзжая къ дорогѣ, ведущей въ Труа, я увидалъ собравшуюся толпу людей, въ числѣ которыхъ нѣкоторые изъ жителей были съ ружьями. Я приказалъ трубачу трубить, но жители, не понимая этого военнаго сигнала, дали по мнѣ залпъ. Чтобы избѣгнуть ихъ преслѣдованій, я рѣшилъ ѣхать полемъ по направленію къ Діанвиллю (Dienville); для этого мнѣ пришлось перепрыгнуть черезъ ровъ, но тутъ я увидѣлъ, что вслѣдъ за нами несутся нѣсколько солдатъ съ офицеромъ. Я остановился и велѣлъ снова трубить, тогда офицеръ далъ мнѣ знакъ къ нему подъѣхать.

Я объяснилъ, что я парламентеръ, возвращаюсь къ своему мѣсту и имѣю открытый листъ отъ маршала Виктора. Офицеръ сказалъ мнѣ, что онъ здѣсь находится на аванпостахъ и просилъ зайти къ нему ожидать прибытія его дивизіи, долженствующей въ скоромъ времени сюда прійти. Я принялъ его предложеніе, и въ самомъ дѣлѣ, не прошло часу, какъ показалась кирасирская дивизія, идущая въ большомъ порядкѣ: впереди ѣхалъ бригадный генералъ; за нимъ два полка, офицеры всѣ при своихъ мѣстахъ; потомъ дивизіонный командиръ, а за нимъ остальные два полка.

Я подъѣхалъ прежде къ бригадному генералу, который мнѣ сказалъ, что я долженъ явиться къ дивизіонному начальнику.

Этотъ генералъ, котораго имени я не упомню, принялъ меня очень вѣжливо, разсмотрѣлъ видъ, данный мнѣ маршаломъ Викторомъ, и удостовѣрившись въ справедливости моего показанія, позволилъ продолжать путь. Между прочимъ я разсказалъ ему обо всемъ случившемся со мною при въѣздѣ въ деревню и просилъ его дать мнѣ конвой. Онъ уважилъ мою просьбу и далъ десять или двѣнадцать кирасиръ (ихъ называли carabiniers à cheval) съ офицеромъ, въ сопровожденіи которыхъ я доѣхалъ до Діанвилля, гдѣ надѣялся застать нашъ авангардъ; но къ удивленію моему не нашелъ тутъ ни дивизіи, ни даже аванпоста. Жители, которыхъ мы разспрашивали, сказали, что наши войска наканунѣ отступили.

Жители были сильно возмущены и озлоблены противъ союзниковъ, потому что, въ такой сумятицѣ, очень можетъ быть, что нѣкоторые наши солдаты вели себя несовсѣмъ хорошо: они смотрѣли на насъ, какъ на враговъ. Я просилъ сопровождавшаго меня офицера провести меня далѣе до мѣста расположенія нашихъ войскъ, но онъ рѣшительно отказался говоря, что его отрядъ принадлежитъ другому совсѣмъ корпусу и, что онъ получилъ приказаніе отъ своего генерала идти со мною только до Діанвиля.

Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, я по-

звалъ къ себѣ мэра и объяснилъ ему, что ѣду съ важными порученіями, отъ исполненія которыхъ зависитъ скорое заключеніе мира. Заявленіе мое было встрѣчено мэромъ съ большимъ восторгомъ, и онъ мнѣ сказалъ: „O, mon Dieu, que ce serait heureux!“

— Такъ вотъ вы видите, сказалъ я ему, нужно, чтобъ я доѣхалъ благополучно. Вотъ офицеръ, который удостовѣритъ васъ, что я дѣйствительно парламентеръ, но самъ онъ, по данной ему начальствомъ инструкціи, далѣе меня сопровождать не можетъ, а между тѣмъ я опасаюсь, что жители озлобленные и немножко къ тому подгулявшіе, могутъ меня остановить, а можетъ быть и убить.

Послѣ этого заявленія я просилъ его дать мнѣ нѣсколько надежныхъ, хорошо вооруженныхъ людей, чтобъ провести меня до нашихъ аванпостовъ.

Мэръ согласился исполнить мою просьбу, и я, распростившись съ провожавшимъ меня офицеромъ, и окруженный новымъ конвоемъ человѣкъ въ двадцать вооруженныхъ мѣстныхъ жителей, пустился въ дальнѣйшій путь.

Я радъ былъ, что мнѣ пришла эта счастливая мисль, тѣмъ болѣе, что выѣхавъ изъ этого мѣстечка, я на каждомъ шагу встрѣчалъ недовольныхъ жителей, ругающихъ русскихъ и пруссаковъ, называя ихъ les infames cosaques.

Я прибылъ въ одно селеніе, гдѣ была расположена національная гвардія и гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ караулъ. Подъѣхавъ къ новому караулу, мы вызвали

унтеръ-офицера. Выходитъ мужикъ въ колпакѣ, съ трубкой во рту; ему кричатъ: „parlementaire, qui rentre.“ Такимъ путемъ отъ поста до поста, довели наконецъ меня до квартиры генерала Пактольда (Pactold). Тутъ офицеръ меня остановилъ и приказалъ часовымъ взять ружья на перевѣсъ. *) Генералъ Пактольдъ спалъ, его разбудили, онъ приказалъ меня ввести къ нему. Отъ того ли, что потревожили его сонъ, или по другой причинѣ, онъ меня сначала принялъ очень грубо, и когда я показалъ свой видъ, то онъ разсматривая печать вскричалъ: „Это что такое! Можетъ-ли это быть печать маршала Виктора!... Какой вы парламентеръ!“ На это я ему отвѣтилъ: „За кого же вы меня принимаете? Что вы не знаете печати маршала Виктора, это доказываетъ только, что вы не находились съ нимъ въ сношеніяхъ. Но меня удивляетъ то обстоятельство, что вы, нося сами военный мундиръ, приняли меня, облеченнаго въ такой же мундиръ, за шпіона.“ — „Я не могу рѣшиться отпустить васъ, проговорилъ генералъ, потому что я все таки не считаю васъ за парламентера.“

А такъ какъ я продолжалъ настаивать, чтобы онъ поручилъ кому нибудь другому разрѣшить этотъ вопросъ, то онъ сказалъ: „Хорошо, я васъ отправлю къ маршалу Удино (Oudinot).“

Однакожъ послѣ того онъ нѣсколько образумился и говоритъ: „Вы вѣрно проголодались, не угодно ли вамъ

---

*) Они напротивъ того повернули ружья прикладами.

закусить?“ Мнѣ подали сыръ, масло, хлѣбъ и бутылку вина. Я его поблагодарилъ сказавъ, что я дѣйствительно цѣлый день ничего не ѣлъ. Приглашая меня закусить, онъ извинялся, что не можетъ мнѣ предложить ничего другаго, потому что все здѣсь заграблено нашими войсками. Я ему на это сказалъ:

— Вы были, генералъ, въ кампаніи 1812 года въ Россіи?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я служилъ тогда въ Испаніи.

— Жалѣю, что вы не были тогда въ Россіи и не знаете того, что послѣ нашествія вашихъ войскъ, намъ нигдѣ не удавалось найти даже куска хлѣба, такъ ловко распорядились у насъ ваши соотечественники.

Однакожъ послѣ этихъ переговоровъ мы съ нимъ довольно дружно бесѣдовали.

Черезъ нѣсколько времени онъ велѣлъ собрать команду и меня окружили человѣкъ двѣнадцать національныхъ гвардейцевъ подъ командой офицера и съ такимъ церемоніаломъ повели меня въ замокъ, верстахъ въ двадцати оттуда, гдѣ находился маршалъ Удино.

Начиналась заря, и слышны были выстрѣлы на французскихъ аванпостахъ, когда я подъѣхалъ къ замку.

Явившись къ маршалу Удино, я увидѣлъ человѣка небольшаго роста, довольно пожилаго, но еще бодраго. Я объяснилъ ему мое положеніе, показалъ ему видъ, который онъ призналъ совершенно законнымъ и, попросивъ меня сѣсть возлѣ него, началъ со мною разговаривать о нашемъ Государѣ, котораго онъ видѣлъ въ

Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ. Онъ зналъ Государя лично и говорилъ мнѣ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Que j'admire et j'aime votre Empereur.“

Онъ говорилъ мнѣ о томъ, какъ ему надоѣла война, и какъ бы онъ желалъ, чтобъ миръ былъ заключенъ. Я ему на это отвѣчалъ: „Вы говорите, что вы такъ привязаны къ нашему Государю и что чувствуете необходимость прекращенія войны—отчего же вы не требуете отъ своего государя, чтобъ онъ заключилъ миръ, который мы ему давно предлагаемъ?

— О, вы не знаете Наполеона! сказалъ Удино. Когда разнесся слухъ о томъ, что будетъ война съ Россіей и когда я осмѣлился спросить у него, зачѣмъ онъ начинаетъ эту войну, то онъ мнѣ отвѣтилъ на это: „Ne vous mêlez pas des choses, qui ne vous regardent pas“, и при этомъ чуть не далъ мнѣ толчка.

Удино нюхалъ табакъ и потчивалъ меня, причемъ на табакеркѣ я увидѣлъ портретъ молодой, прекрасной женщины.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть портретъ, а онъ мнѣ сказалъ: „Это портретъ моей жены; можете судить, какъ мнѣ пріятно было съ нею разстаться“.

Онъ объяснилъ мнѣ, что у него есть помѣстье въ Баръ-ле-дюкъ (Bar-le-duc) и спросилъ, не проходилъ ли я мимо, или черезъ этотъ городъ.—„Я опасаюсь, что мой красивый замокъ совершенно истребленъ. И такъ вы видите—продолжалъ онъ—что у меня достаточно причинъ, чтобы не желать продолженія войны.“

Въ это время вошелъ въ комнату генералъ Жераръ, веселый, добрый мужчина. Тутъ сейчасъ стали накрывать столъ, и само собою разумѣется, что маршалъ пригласилъ меня съ нимъ завтракать. При этомъ Удино сказалъ генералу Жерару: „У васъ, генералъ, вѣрно есть шампанское; не будете ли вы такъ добры дать бутылку, чтобы выпить за здоровье Императора Александра.“

Шампанское подали, и онъ, обращаясь ко мнѣ, пилъ за здоровье нашего Императора. Я со своей стороны, обратно пилъ за здоровье храбраго маршала Удино, котораго въ нашей арміи уважаютъ за его мужество.

По окончаніи завтрака начали приходить къ Удино разные генералы и офицеры, а я просилъ маршала меня отпустить, но онъ сказалъ, что теперь отпустить меня не можетъ, потому что началось сраженіе, *) а что онъ даетъ мнѣ слово отпустить тотчасъ же по окончаніи дѣла. Во время этого разговора я сказалъ маршалу, что французы не даютъ намъ покою, все насъ тревожатъ.

— Какое, отвѣчалъ онъ, напротивъ того: меня все атакуетъ генералъ Вреде, бывшій прежде подъ Полоцкомъ, подъ моимъ начальствомъ“.

Затѣмъ начались между генералами разные переговоры, и меня отвели въ другую комнату; маршалъ поручилъ меня своему адъютанту Деламару (Delamare).

Деламаръ былъ видный и красивый мужчина; мы

*) При Баръ-сюръ-Объ (Bar-sur-Aube) 15 января.

разговорились, и я между прочимъ сказалъ, что мнѣ бы очень хотѣлосъ, чтобъ меня скорѣй отпустили, не смотря на то, началось ли сраженіе или нѣтъ, потому что мнѣ бы не хотѣлось быть въ сраженіи противъ своихъ. Онъ говоритъ, что маршала теперь нѣтъ — онъ уѣхалъ командовать войскомъ.

Въ скоромъ времени на дворъ замка начали прилетать ядра, и Деламаръ замѣтилъ, что неприлично мнѣ быть подъ выстрѣлами союзниковъ. Онъ предложилъ мнѣ отъѣхать нѣсколько подалѣе, и тутъ, когда мы проѣзжали мимо дивизіи carabiniers á cheval, — Деламаръ пожелалъ, чтобы я полюбовался этими карабинерами, потому что это было еще свѣжее войско, только что пришедшее изъ Испаніи. Осмотрѣвъ его по желанію Деламара, мы отправились къ одной мызѣ, гдѣ слѣзли съ лошадей и расположились отдыхать.

Въ это время приводятъ плѣннаго нашего полковника пѣхотнаго Калужскаго полка фонъ-Визина *). Полковникъ этотъ только недавно принялъ полкъ и, желая себя показать, бросился впередъ, а между тѣмъ французы, лежавшіе въ кустахъ схватили его и взяли въ плѣнъ, при чемъ разумѣется сняли съ него шинель.

Въ ту-же мызу принесли тоже раненаго адъютанта маршало Удино, полковника Жакмино **) (Jacquemi-

---

*) Въ послѣдствіи сосланнаго въ Сибирь, за участіе въ заговорѣ 14 Декабря.

**) Въ послѣдствіи командовавшаго Парижской Національной гвардіей при королѣ Луи Филиппѣ.

not), съ которымъ я увидѣлся потомъ въ Висбаденѣ и въ 1845 году въ Парижѣ. Онъ былъ раненъ въ ногу пулей на вылетъ.

Я воспользовался случаемъ, чтобъ познакомить плѣннаго фонъ-Визина съ полковникомъ Жакмино и просилъ послѣдняго взять фонъ-Визина съ собою въ Парижъ, куда онъ ѣхалъ. Жакмино готовъ былъ исполнить мою просьбу, но маршалъ не согласился, и фонъ-Визина отвели въ какой то провинціальный городъ за Парижемъ. Проѣздомъ около одного мѣста я слышалъ, какъ наши солдаты кричали: ура! впередъ! Это значило, что они бросились въ штыки. Мы отъѣхали далѣе, и ничего не стало слышно; наконецъ наступила ночь, сраженіе прекратилось. Маршалъ, его адъютанты, свита и я провели ночь въ одной мызѣ, гдѣ вмѣсто ужина намъ подали какой то супъ.

На другой день рано утромъ мнѣ сказали, что Удино проситъ меня явиться. Я засталъ его лежащимъ на диванѣ, а на креслѣ предъ нимъ висѣлъ маршальскій мундиръ. Увидѣвъ меня онъ сказалъ: — „Ну, милостивый государь, исполняю свое обѣщаніе: отпускаю васъ, но надѣюсь, что вы, какъ честный человѣкъ не будете разсказывать, что вы случайно здѣсь могли видѣть“. Я сказалъ, что ему нечего опасаться, потому что хотя бы я и вздумалъ что нибудь говорить, то я слишкомъ молодъ и неопытенъ для того, чтобъ дать какое нибудь полезное свѣдѣніе, и, служа въ аванградѣ, я въ стратегическихъ распоряженіяхъ ничего не понимаю. По-

томъ я спросилъ его, не имѣетъ ли онъ какихъ нибудь порученій къ моему начальнику графу Витгенштейну.

На это онъ сказалъ, что поручаетъ мнѣ сказать графу, что французамъ и русскимъ пора давно помириться, а Витгенштейну съ Удино—еще болѣе. Онъ говорилъ это, намекая на большое число сраженій, бывшихъ между нимъ и нашимъ главнокомандующимъ Витгенштейномъ.

Прощаясь со мною, Удино сказалъ мнѣ:

— Извините, что васъ проведутъ не прямой дорогой, а окольной.

Наконецъ, я уѣхалъ въ сопровожденіи французскаго кавалерійскаго офицера, который довелъ меня до австрійскихъ аванпостовъ. На пути встрѣтился намъ австрійскій парламентеръ, но его не пропустили, остановивъ на аванпостахъ.

Возвратившись къ аванпостамъ, я явился къ графу Витгенштейну, раненому въ сраженіи при Баръ-сюръ-Обѣ. Онъ былъ раненъ легко но всетаки вскорѣ этого сдалъ командованіе Раевскому, а самъ поѣхалъ для излеченія заграницу.

Братъ мой Демьянъ Васильевичъ и всѣ офицеры, находившіеся адъютантами при Витгенштейнѣ, поступили къ Раевскому.

Я передалъ Витгенштейну свѣдѣнія, полученныя мною, и отправился къ своему полку. Черезъ нѣсколько дней французы насъ опять атаковали. Сраженіе было не слишкомъ кровопролитное, — мы устояли на своей

позиціи, и непріятель послѣ неудачной атаки отретировался.

Послѣ этого мы отошли, чтобъ соединиться съ большой арміей и остановились подъ Труа. Между тѣмъ мы узнали, что Наполеонъ желаетъ обойти нашъ флангъ мы двинулись противъ него и, имѣя нѣсколько стычекъ съ французскимъ авангардомъ, подошли къ Баръ-сюръ-Объ, гдѣ встрѣтили Наполеона со всей арміей.

Сраженіе это было не важное; онъ увидѣлъ, что вся наша армія собрана вмѣстѣ и двинулся на нашъ тылъ, надѣясь этимъ заставить насъ слѣдить за нимъ и такимъ образомъ отвлечь отъ главной цѣли дѣйствій, т. е. отъ Парижа.

Понятно, что всѣ движенія Наполеона были чисто стратегическія. Въ это время нашъ Императоръ, по совѣту, какъ говорятъ, главнаго начальника штаба, князя Петра Михайловича Волконскаго, отдалъ приказъ арміи воспользоваться отступленіемъ Наполеона и идти къ Парижу. Вслѣдствіе этого генералу Винценгероде съ гусарской дивизіей приказано было идти за Наполеономъ, дѣлая видъ, что корпусъ этотъ составляетъ авангардъ нашей арміи и заставляя Наполеона предполагать, что его преслѣдуютъ. А между тѣмъ вся наша армія двинулась къ С-тъ Дизье (St. Dizier).

Такъ какъ я узналъ, что главная квартира генерала Раевскаго находится въ С. Дизье и что на другой день назначена дневка, то я просилъ позволенія у генерала Ридигера, ѣхать въ главную квартиру для свиданія съ братомъ, гдѣ братъ подтвердилъ извѣстіе о дневкѣ.

Мы вполнѣ успокоились, напились чаю, поужинали и улеглись спать. По утру однакожъ камердинеръ брата будитъ его и говоритъ, что генералъ Раевскій, со всей свитой, уже уѣхалъ. Мы тогда вскочили, быстро одѣлись, сѣли на лошадей и догнали свой полкъ въ то время, когда онъ шелъ въ атаку. Такъ какъ я и другіе мои товарищи были эскадронные командиры, то мы и поспѣшили найти свои эскадроны чтобъ участвовать въ сраженіи.

Въ этомъ дѣлѣ, происшедшемъ при Ферщампенуазѣ (La Fere-champenoise), собралась большая часть нашей кавалеріи: кирасиры, гусары и уланы. Натискъ нашъ увѣнчался успѣхомъ: армія двинулась впередъ, преслѣдуя непріятеля. Ему вздумалось еще разъ остановиться, мы опять бросились въ атаку, опрокинули непріятеля, отбили нѣсколько пушекъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи и въ томъ числѣ командующаго этой гвардіей генерала Пактольда. Непріятельской арміей командовали Мармонъ и Мортье.

Послѣ этого удачнаго для насъ дѣла, происходившаго 13-го марта, французы начали ретироваться, ужъ не думая сопротивляться, а только желая какъ нибудь достигнуть Парижа для того, чтобы имѣть возможность его оборонять *).

Мы слѣдили за ними. Проходя черезъ одно мѣстечко, (котораго названія не помню) на берегу рѣки Марны

---

*) Тогда еще знаменитыхъ крѣпостей Тьера не существовало.

я получилъ повелѣніе оставаться въ этомъ мѣстечкѣ для охраненія его, потому что въ находящемся тамъ замкѣ назначенъ былъ ночлегъ Государя Императора Александра Павловича и короля Прусскаго.

Я получилъ приказаніе (нѣчто въ родѣ инструкціи) остаться въ этомъ мѣстечкѣ до прибытія 1-го пѣхотнаго корпуса съ тѣмъ, чтобы послѣднему сдать обязанность охраненія, а самому съ эскадрономъ догонять полкъ.

Расположивъ свой эскадронъ у воротъ замка, я послалъ по всѣмъ улицамъ патрули для охраненія замка отъ мародеровъ отставшихъ отъ войскъ.

До моего свѣдѣнія довели, что австрійскій офицеръ, съ нѣсколькими солдатами, вошли въ домъ и начали грабить. Я велѣлъ сейчасъ же къ себѣ привести этого офицера и, сколько понималъ на нѣмецкомъ языкѣ, сталъ его упрекать за произведенное имъ безчинство.

Въ это время подъѣхалъ король Прусскій, остановился невдалекѣ отъ меня и былъ свидѣтелемъ моего крупнаго разговора на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ съ австрійскомъ подданнымъ. Король прислалъ ко мнѣ своего адъютанта—узнать въ чемъ дѣло, и когда я объяснилъ предосудительный поступокъ автрійскаго офицера, то Его Величество приказалъ мнѣ оставить это дѣло безъ послѣдствій.

Между тѣмъ я увидалъ, что въ мѣстечко входитъ первый отрядъ, принадлежащій пѣхотному корпусу. Я тотчасъ же отправился къ командующему корпусомъ

князю Горчакову и передалъ ему данныя мнѣ инструкціи, прося немедленной смѣны поста мною занимаемаго; но къ удивленію моему князь Горчаковъ отказался исполнить мое справедливое требованіе, объясняя, что у него лишнихъ войскъ нѣтъ, что онъ на это не имѣетъ никакого повелѣнія, что такъ какъ мнѣ поручено, то я и долженъ тутъ оставаться.

Вслѣдствіе этого отказа я находился въ большомъ затрудненіи и въ недоумѣніи—что мнѣ дѣлать. Въ это время главнокомандующій Барклай-де-Толли также пріѣхалъ къ рѣкѣ Марнѣ, гдѣ тогда наводился другой мостъ. Я рѣшился къ нему явиться, и объяснить мое положеніе. Барклай-де-Толли, выслушавъ мое донесеніе, обратился къ тутъ же находившемуся князю Горчакову и, въ моемъ присутствіи, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, приказалъ немедленно смѣнить меня, а мнѣ приказалъ поскорѣй догонять полкъ.

Собравъ свою команду 15-го марта, я прибылъ въ полкъ благополучно. Безъ всякаго сраженія мы шли до лѣса Bondi. 16-го числа пронесся слухъ о томъ, что пріѣхалъ депутатъ изъ Парижа отъ Талейрана, вѣроятно, съ предложеніемъ, относящимся до возвращенія Бурбоновъ во Францію.

Пройдя лѣсъ Bondi, мы остановились въ маленькой деревнѣ, и у насъ поговаривали, что въ Парижъ мы войдемъ безъ выстрѣла. На основаніи этого слуха 17-го числа по утру мы одѣлись въ парадные мундиры и надѣли свои ордена.

Но къ удивленію нашему, какъ только мы поровнялись съ Венсеномъ, начали пролетать черезъ наши головы ядра, и завязалось сраженіе, но такъ какъ кавалеріи нечего было дѣлать, при атакѣ временныхъ укрѣпленій, то нашъ полкъ въ этомъ бою не участвовалъ.

Между тѣмъ сраженіе кончилось, и заключены были условія о сдачѣ Парижа.

18-го марта авангардъ, состоящій изъ нашего полка и казачьяго полка Иловайскаго 4-го, первыми вступили въ Парижъ. Насъ повели предмѣстьями прямо къ Аустерлицкому мосту, гдѣ мы перешли Сену, такъ что мы города не видали и не встрѣтили никого изъ жителей, исключая одной старой женщины, которая попалась намъ на Аустерлицкомъ мосту и намъ оттуда апплодировала. Жители всѣ разошлись по бульварамъ (главнымъ артеріямъ города), потому что вездѣ ужъ разнеслась молва, что Императоръ Александръ Павловичъ со свитой и король Прусскій прибудутъ въ Парижъ.

Отъ Аустерлицкаго моста насъ прямо провели на Фонтенебло, и мы остановились на бивуакахъ въ одной деревнѣ, верстъ за пять отъ Парижа.

Тутъ мнѣ пришла мысль, что завтрашній день можетъ быть будетъ сраженіе,—мы взяли Парижъ, а я его всетаки не видалъ. Исходя изъ этой мысли, я возымѣлъ сильное желаніе побывать въ Парижѣ; я подумалъ, что вмѣсто того, чтобы стоять на бивуакахъ, было бы гораздо пріятнѣе осмотрѣть городъ, о которомъ я такъ много наслышался.

Я отправился къ графу Палену и отпросился у него съ двумя моими товарищами ѣхать въ Парижъ. Паленъ сказалъ, что соглашается насъ отпустить, но съ тѣмъ условіемъ, что къ 8 часамъ утра мы будемъ опять на бивуакахъ.

Мы взяли съ собою двухъ гусаръ и отправились въ столицу Франціи. При въѣздѣ нашемъ въ Парижъ, явился къ намъ какой-то мальчишка (gamin de Paris) чтобъ быть нашимъ проводникомъ. Мы сказали ему, чтобы онъ насъ провелъ прямо въ Palais Royal; гусары ѣхали за нами. Однакожъ прежде чѣмъ отправиться въ Palais Royal, мы заѣхали въ гостинницу въ улицѣ Richelieu, гдѣ просили помѣстить нашихъ солдатъ и лошадей, надѣясь сами всю ночь провести въ Palais Royal. Устроивши такимъ образомъ свою команду, мы втроемъ пошли въ Palais Royal и нашли тамъ знаменитый ресторанъ Veri. Войдя въ него, мы увидѣли толпу офицеровъ: прусскихъ и русскихъ гвардейцевъ, адъютантовъ, генераловъ и даже нѣсколько австрійцевъ, потому что одинъ Австрійскій полкъ вошелъ въ Парижъ вмѣстѣ съ нами.

Въ четырехъ или даже пяти комнатахъ мы не могли найти себѣ мѣста; наконецъ, кое-какъ примостившись, сѣли на окна и добились того, что намъ дали чего то поѣсть—кажется это былъ бифштексъ.

Мы выпили бутылку вина и отправились гулять по галлереѣ.

Прогулявъ цѣлую ночь въ Palais Royal, мы всетаки,

къ назначенному генераломъ Паленомъ времени, т. е. къ 8 часамъ утра, явились на бивуакъ. Генералы же наши, въ томъ числѣ нашъ полковой командиръ Ридигеръ, и всѣ полковники остались въ Парижѣ.

На слѣдующій день насъ подвинули ближе къ Фонтенебло.

Полкъ остановился на бивуакахъ, но такъ какъ разнеслись слухи, что скоро будетъ заключенъ миръ, то офицеры размѣстились по квартирамъ. Графъ Паленъ помѣстился въ замкѣ.

Въ Страстную Пятницу, желая непремѣнно провести этотъ день какъ слѣдуетъ по христіански, я просилъ хозяйку мнѣ приготовить постное блюдо, состоящее изъ фасолей, разваренныхъ въ водѣ, что крайне ее удивило.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я спросилъ ихъ, будутъ ли они праздновать этотъ праздникъ, т. е. будетъ ли у нихъ служба въ церкви. На это они мнѣ сказали, что охотно бы служили, но у нихъ нѣтъ священника, впрочемъ хозяинъ мой вспомнилъ, что въ сосѣдней деревнѣ есть священникъ, и его можно пригласить.

У насъ въ отрядѣ тоже приготовлялись къ празднику: разбили походную церковь и отслужили по положенію въ 12 часовъ заутреню и потомъ — обѣдню. Заутреня сопровождалась обычными выстрѣлами изъ орудій.

На слѣдующій день, именно въ Свѣтлое Воскресенье, и французы устроили обѣдню въ своей церкви; пріѣхалъ изъ сосѣдняго села священникъ. Я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей присутствовали на этой службѣ, по

окончаніи которой жители благодарили меня за поданную мною мысль.

Безъ сомнѣнія случай этотъ помогъ измѣненію ихъ взгляда на религію русскихъ, потому что тамошнее населеніе до такой степени мало было знакомо съ нашими обрядами, что, вѣроятно, считало насъ идолопоклонниками.

Въ первый же день Пасхи я былъ дежурнымъ по полку; полковникъ Набель былъ въ это время боленъ, а генералъ Ридигеръ, шефъ полка, находился въ Парижѣ. Вдругъ, около часу, сдѣлалась тревога. Я обѣдалъ у Набеля, когда послышались выстрѣлы.

Надо сказать, что мы были предупреждены, чтобъ не тревожились, если мимо мѣста расположенія нашего полка пройдетъ французскій корпусъ Мармона, по направленію къ Версалю, такъ какъ Наполеонъ изъ Фонтенебло послалъ маршаловъ Макдональда, Мармона и Нея, просить Императора Александра о заключеніи мира.

Вслѣдъ за нѣсколькими послѣдовательными выстрѣлами завязалось что то вполнѣ, напоминающее перестрѣлку на аванпостахъ. Удивленный и озабоченный я обратился къ Набелю, спрашивая, не нужно ли послать разъѣздъ и разослать приказъ о томъ, чтобы сѣдлали лошадей и готовились къ дѣлу. Набель это одобрилъ, и я пошелъ сдѣлать распоряженіе. Разъѣздъ былъ посланъ. Между тѣмъ я видѣлъ, какъ графъ Паленъ проѣхалъ на аванпосты, тоже встревоженный этой перестрѣлкой, и что же оказалось:

Генералъ Иловайскій, командиръ казачьяго полка,

съ двумя нашими эскадронными командирами, стоя на аванпостахъ, отъ радости вслѣдствіе полученнаго извѣстія о мирѣ, сильно подгуляли и, желая отпраздновать такое торжество, стали стрѣлять изъ пистолетовъ.

Графъ Паленъ, пріѣхавъ туда, сдѣлалъ строгій выговоръ командиру Иловайскому, а офицеровъ приказалъ взять подъ арестъ и увезъ съ собою.

Перестрѣлка эта встревожила однакожъ невдалекѣ расположенный корпусъ Ланжерона, который поэтому случаю стоялъ весь въ сборѣ и подъ ружьемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Безъ сомнѣнія, за такую продѣлку офицеры были бы строго наказаны, еслибъ это не случилось въ день Пасхи. По случаю такого торжественнаго праздника графъ Паленъ имъ простилъ.

Вскорѣ послѣ этого случая Наполеонъ простился со своими маршалами въ Фонтенебло и былъ отправленъ на островъ Эльбу.

Гродненскій полкъ былъ направленъ черезъ Версаль въ Нормандію, гдѣ онъ былъ расположенъ въ городѣ Жизорѣ, для отдыха на нѣсколько недѣль.

Пробывъ въ Парижѣ дней десять и вдоволь насладившись удовольствіями этого города, я, наконецъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Набелемъ догналъ полкъ ужъ на походѣ къ востоку, къ границѣ Бельгіи. Здѣсь случилось обстоятельство, которое могло имѣть для меня самыя пагубныя послѣдствія, или же стоить жизни.

Братъ мой Демьянъ Васильевичъ отпросился ѣхать

въ Малороссію и прислалъ мнѣ своихъ лошадей; одна изъ нихъ была славная донская лошадь, случайно имъ пріобрѣтенная у казацкаго полковника. Лошадь эта чрезвычайно понравилась всѣмъ моимъ товарищамъ. Я предложилъ устроить бѣгъ и, не осмотрѣвъ, хорошо ли подкована лошадь, сѣлъ на нее и пустился маршъ-маршъ. Дорога была вымощена плитами весьма скользкими, и лошадь на всемъ скаку упала, а я очутился на плитѣ подъ лошадью, которая разбила себѣ морду.

Меня совсѣмъ обдало пылью, и я нѣсколько времени былъ безъ памяти. Когда я очнулся, то услышалъ отдаленные звуки музыки и передвиженіе полка. На дорогѣ близь меня стоялъ нищій и выражалъ свое сожалѣніе, считая меня убитымъ на мѣстѣ. Тутъ подошли люди, подняли меня, посадили на другую лошадь, и я при полкѣ перешелъ черезъ городъ церемоніальнымъ маршемъ, не смотря на страшныя страданія отъ боли. По счастію моему эскадрону была назначена дневка въ Шофонтень (Chaud-Fontaine), маленькомъ мѣстечкѣ вблизи Литтиха.

Подъѣхавъ къ отведенной мнѣ квартирѣ, я насилу могъ слѣзть съ сѣдла. Хозяинъ, увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, сказалъ, что въ Шофонтенѣ есть теплыя минеральныя ванны, которыя могутъ мнѣ помочь. Закусивъ немного, я велѣлъ себя отвезти въ повозкѣ къ источнику, гдѣ сѣлъ въ ванну и просидѣлъ въ ней довольно долго.

Послѣ ванны первые два перехода я еще сдѣлалъ

въ телѣгѣ, а потомъ ужъ чувствовалъ себя въ состояніи сѣсть на лошадь и идти вмѣстѣ съ полкомъ.

Насъ вели обратно въ Россію, проселочными дорогами, и шествіе это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; во все это время ничего особеннаго съ нами не случилось, такъ что я излишнимъ считаю описывать этотъ переходъ.

Добравшись наконецъ до границы родины и узнавъ, что генералъ Ридигеръ разрѣшилъ многимъ офицерамъ отпускъ, я, хоть и былъ съ нимъ въ холодныхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе рѣшился къ нему пойти и просить дать и мнѣ отпускъ.

Но Ридигеръ отвѣтилъ, что очень жалѣетъ, что я такъ поздно къ нему обратился, что онъ очень много и безъ того отпустилъ офицеровъ и болѣе ужъ никакъ не можетъ. Между тѣмъ онъ пригласилъ меня на обѣдъ, послѣ котораго я получилъ отказъ и ушелъ отъ него раздосадованный.

Мы пришли въ Тельшу, гдѣ находилась главная квартира наша. Тутъ спустя нѣсколько дней я попросилъ у Ридигера позволенія ѣхать въ Митаву для того, чтобы тамъ обмундироваться. Въ Митавѣ была корпусная квартира графа Витгенштейна и я, явившись къ графу, объяснилъ ему, что генералъ Ридигеръ затрудняется дать мнѣ отпускъ по той причинѣ, что многіе изъ товарищей моихъ ужъ уволены въ отпускъ раньше меня, и просилъ его, не можетъ ли онъ удовлетворить мою просьбу. Графъ Витгенштейнъ, ни слова не говоря, приказалъ дать мнѣ безсрочный отпускъ и

я, не возвращаясь даже въ полкъ, отправился черезъ Ригу въ Малороссію.

На пути близь одной станціи мнѣ стало очень холодно и я, чтобъ согрѣться слѣзъ съ телѣги и пошелъ пѣшкомъ. На встрѣчу мнѣ попался содержатель почты и отрекомендовался мнѣ. Я отвѣтилъ ему, что я очень радъ съ нимъ познакомиться и прибавилъ: „надѣюсь, что вы дадите мнѣ добрую тройку лошадей".

Онъ обѣщалъ, и мы пошли съ нимъ къ станціонному дому, гдѣ онъ велѣлъ тотчасъ принести водки, ветчины, масла и подчивалъ меня весьма любезно. Съ дороги меня сильно клонило ко сну, но такъ какъ онъ пришелъ сказать, что перекладная телѣжка готова, то я разумѣется предпочелъ сѣсть и ѣхать. Но только что мы отъѣхали верстъ пять, какъ лошади остановились—не идутъ и только; безпрестанно погоняя ихъ, мы съ трудомъ могли подвинуться еще немножко, но не доѣзжая Дремайловки, лошади опять остановились, а я пѣшкомъ, по грязи, съ трудомъ добрался до Дремайловки. Оказалось, что станціонный смотритель такъ дурно содержалъ почту, что на него было по этому поводу нѣсколько жалобъ. Около того времени, когда я проѣзжалъ, долженъ былъ пріѣхать къ нему на станцію для осмотра лошадей чиновникъ особыхъ порученій почтоваго вѣдомства; желая на время осмотра избавить свою станцію отъ самыхъ скверныхъ лошадей, онъ нарочно выпроводилъ ихъ со мною.

На слѣдующей станціи я снялъ съ себя платье и бѣлье, чтобы немного обчиститься и обсушиться, позав-

тракалъ и не смотря на усталость поспѣшилъ уѣхать дальше.

Пріѣхавъ въ городъ Борзну, я узналъ, что матушка моя и всѣ братья находятся въ ближайшемъ селеніи въ Куношевкѣ.

Не могу описать той радости и счастія, съ которыми я спѣшилъ не перемѣняя лошадей въ Куношевку, чтобы скорѣе увидѣться съ родными.

Никто меня тамъ не ожидалъ, и потому нельзя себѣ представить, съ какой радостью моя мать встрѣтила меня послѣ такой долговременной разлуки и послѣ тѣхъ опасностей, которымъ я подвергался.

Въ Куношевкѣ мы еще оставались дня три или четыре и затѣмъ поѣхали въ Ярославецъ. Послѣ сдѣланныхъ мною болѣе тысячи верстъ въ телѣгѣ, я почувствовалъ особенное удовольствіе, когда пересѣлъ въ покойный экипажъ. Не могу описать, какъ сильно билось мое сердце, когда послѣ столькихъ бурь и опасностей, пережитыхъ мною за послѣднее время въ бивуачной жизни, я приближался къ нашему главному семейному гнѣзду, гдѣ провелъ я всѣ дни моей юности! Съ какимъ восторгомъ я встрѣтился съ моей престарѣлой бабушкой Мареой Демьяновной, которая при встрѣчѣ со мною и съ братьями Демьяномъ Васильевичемъ и Василіемъ Васильевичемъ, лаская насъ, называла своими героями.

Такъ какъ я пробылъ въ Ярославцѣ нѣсколько мѣсяцевъ, то я теперь же воспользуюсь случаемъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе о нашемъ семействѣ и о зна-

комыхъ, сосѣдяхъ и друзьяхъ нашихъ, которые чаще другихъ посѣщали насъ.

Бабушка моя уже приближалась къ 90-му году своей жизни; она была очень слаба, но сохранила совершенно память и, не смотря на свою болѣзнь, очень любила общество, любила, чтобъ возлѣ нея сидѣли, разговаривали, любила смотрѣть, когда танцуютъ. Она имѣла очень слабое зрѣніе, потому что выдержанная ею операція катаракты, мало помогла ей.

Матушка моя была, благодаря Бога, еще въ совершенномъ здоровьѣ. Горести, которыя ей пришлось испытать въ жизни, тогда значительно уже облегчились счастіемъ видѣть своихъ дѣтей совершенно взрослыми, бодрыми и здоровыми.

Послѣ смерти своего мужа, нашего отца, она неусыпно пеклась о нашемъ имѣніи. Всѣ части его она улучшила и покупкой пріобрѣла еще много земель, строила новые дома, винокуренные заводы, занималась воспитаніемъ своей дочери, берегла старушку свекровь, которая не могла бы безъ нея обойтись: бабушка страдала безсонницей, и матушка часто цѣлыя ночи проводила съ нею, а наступалъ день, и она снова принималась за свои дѣла, иногда безъ малѣйшаго отдыха,

Старшій братъ мой Василій Васильевичъ имѣлъ счастливѣйшій характеръ: веселый, добрый, онъ любилъ гостей, былъ душою общества, всѣ сосѣди его любили, потому что какъ бывало только соберутся, онъ тотчасъ и музыку, и танцы устроитъ. Добрый былъ товарищъ,

хотя вина не пилъ; одна его слабость была — женщины.

Василій Васильевичъ вернулся на родину еще съ береговъ Рейна, полагая, что война скоро окончится. Онъ спѣшилъ воротиться въ Россію, потому что имѣлъ намѣреніе жениться на Авдотьѣ Васильевнѣ Лизогубъ.

Милорадовичъ, котораго онъ былъ адъютантомъ во время его генералъ-губернаторства въ Кіевѣ *), далъ ему порученіе въ Кіевъ; вотъ почему онъ весь 1814 годъ провелъ частію въ Кіевѣ, частію въ имѣніи нашемъ Въ 1813 году онъ былъ произведенъ въ полковники и причисленъ къ арміи, такъ что считался на службѣ, но былъ свободенъ.

Братъ Демьянъ Васильевичъ всегда имѣлъ характеръ серьезный, много занимался и помогалъ матушкѣ по управленію имѣніемъ. Во время нашей молодости, онъ былъ мнѣ какъ дядька, держалъ меня въ рукахъ и я, кромѣ моей дружбы и привязанности, питалъ къ нему особое уваженіе.

Александръ Васильевичъ находился тогда на службѣ въ Государственномъ контролѣ и состоялъ при государственномъ контролерѣ Кампенгаузенѣ. Онъ имѣлъ самое нѣжное, чувствительное сердце, но былъ ужасно вспыльчивъ и сохранилъ это свойство до старости; съ нимъ было очень трудно ладить. Онъ вспыхивалъ какъ по-

---

*) Милорадовичъ и во время войны продолжалъ носить званіе генералъ-губернатора кіевскаго.

рохъ, но такъ же скоро мирился, какъ ссорился. Онъ насъ всѣхъ очень любилъ, но больше всѣхъ былъ привязанъ къ сестрѣ, въ дружбѣ которой онъ ревновалъ всѣхъ насъ.

Сестра моя, Елена Васильевна, была въ то время уже невѣстой.

Матушка имѣла надъ нами большую власть, именно вслѣдствіе ея необыкновенной доброты: мы постоянно боялись ее огорчить, иначе, по всей вѣроятности, мы поставили бы не только усадьбу, но и всю деревню вверхъ дномъ.

Кромѣ нашего семейства, въ деревнѣ жило еще много бѣдныхъ родственниковъ; бабушка и матушка содержали нѣсколько сиротъ, въ числѣ которыхъ была Варвара Михайловна Оболонская (матушка г-жи Лоренцъ) которую сестра моя болѣе всѣхъ любила. Она въ 1814 году вышла замужъ за доктора кирасирской дивизіи Борзенко. Оболонская была хорошая дѣвушка и очень преданная моей сестрѣ; она была дальняя родственница моей бабушки.

Изъ сосѣдей самыхъ близкихъ почти домашнимъ человѣкомъ былъ Степанъ Антоновичъ Миклашевскій. Онъ былъ ровесникъ моего отца, они даже въ одинъ день родились. Миклашевскій жилъ близко отъ Ярославца въ селеніи Варголъ. Я помню его съ самаго ранняго моего дѣтства, потому что онъ почти жилъ у насъ.

Степанъ Антоновичъ отличался необыкновенной силой, отличительной же чертой его характера было

то, что онъ любилъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, тогда какъ собственнымъ своимъ имѣніемъ не умѣлъ вовсе управлять.

Помню, были у насъ еще сосѣди: уѣздный предводитель Маіоровскій и братъ его, оба большіе оригиналы, находившіеся между собою въ ссорѣ по случаю раздѣла имѣнія, и былъ тоже сосѣдъ Николай Васильевичъ Романовскій, который на старости лѣтъ вздумалъ влюбиться въ мою сестру. Вообще не станетъ у меня терпѣнія описать всѣхъ оригиналовъ, наполнявшихъ домъ нашъ.

Съ нашимъ пріѣздомъ все расшевелилось: начались учащенныя посѣщенія сосѣдей, между тѣмъ какъ братъ мой Василій Васильевичъ занимался своимъ сватовствомъ. Невѣста его, Авдотья Васильевна Лизогубъ, была внучка Настасьи Петровны Маркевичъ, дальней нашей родственницы, проживавшей въ Сварковѣ.

Братъ мой рѣшился, наконецъ, сдѣлать предложеніе, которое было принято, и рѣшено было, что свадьба состоится въ январѣ мѣсяцѣ.

Въ это время пришло для меня радостное извѣстіе, что я, по ходатайству дяди Виктора Павловича Кочубея, переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ ротмистра, который я получилъ за Дрезденское дѣло.

Въ виду нашего отъѣзда, бабушка невѣсты брата, Маркевичъ согласилась, чтобы помолвка произошла въ Филипповомъ посту; свадьбу же предполагалось отложить до января мѣсяца.

Въ началѣ ноября мы поѣхали въ Сварковъ; по совершеніи церковнаго обряда мы вмѣстѣ съ братомъ воротились домой, подтрунивши надъ нимъ на счетъ того, что онъ свою жену долженъ былъ оставить въ Сварковѣ, такъ что онъ вскорѣ поѣхалъ туда и увезъ жену свою.

Когда судьба нашего старшаго брата устроилась, мы уѣхали: я и братъ Александръ Ваисильевичъ въ Петербургъ, а Демьянъ Васильевичъ въ полкъ.

Гродненскій полкъ стоялъ тогда въ мѣстечкѣ Креславкѣ, близъ Полоцка, и командиромъ его былъ назначенъ баронъ Розенъ, вмѣсто Ридигера. Генералъ Ридигеръ оставилъ командованіе полкомъ, потому что въ то время вышло новое постановленіе, на основаніи котораго генералъ-маіоры уже не командовали полками, а командовавшіе должны были называться уже не шефами, а командирами полковъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, обмундировавшись и купивъ лошадь, я поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ расположенъ былъ Лейбъ-гусарскій полкъ. Государь въ то время былъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, и я явился къ Великимъ Князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу, которые, разговаривая со мною, много разспрашивали о войнѣ. При нихъ былъ тогда ихъ воспитатель генералъ Ламсдорфъ.

Въ Царскомъ Селѣ я въ тотъ же день занялъ временную квартиру и узнавши, что офицеры нашего полка собрались всѣ у корнета Попова, я захотѣлъ въ тотъ

же день познакомиться со всѣми товарищами и незванный поѣхалъ къ Попову. Меня приняли очень радушно, и я тамъ же со многими изъ офицеровъ подружился.

Нѣсколько дней спустя командиръ полка генералъ Левашовъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ полкъ, и первое свиданіе съ нимъ было для меня непріятно. Когда я явился къ нему, онъ меня пригласилъ обѣдать, но высказалъ при этомъ довольно непріятное для меня мнѣніе, что будто это необыкновенное счастіе, что меня тѣмъ же чиномъ перевели въ гвардію. На это я ему сказалъ: „Да, ваше превосходительство, я самъ конечно чувствую, что я награжденъ сверхъ моихъ заслугъ, но я переведенъ по крайней мѣрѣ за отличіе на войнѣ, а бывали примѣры въ прежнія времена, что переводили офицеровъ въ гвардію тѣми же чинами и въ мирное время, даже изъ полицейскихъ офицеровъ *). Впрочемъ, прибавилъ я, это, ваше превосходительство, неудивительно, вѣдь это было при Матушкѣ Царицѣ“. Онъ сейчасъ же принялъ это на свой счетъ и сказалъ мнѣ: „Да что же это значитъ, развѣ вы меня за такого старика принимаете?“

Это было началомъ моей службы въ гвардіи, и первый дебютъ не предвѣщалъ мнѣ ничего пріятнаго въ будущемъ.

---

*) Считая выходку его на первыхъ же порахъ его знакомства со мною неприличной, я нарочно намекнулъ на то, что Левашовъ самъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію изъ плацъ-адъютантовъ С.-Петербургской крѣпости, а тогда служба при крѣпостяхъ считалась полицейской.

Я подружился съ нѣкоторыми офицерами и очень хорошо сошелся съ полковникомъ Альбрехтомъ, моимъ эскадроннымъ командиромъ, и съ начальникомъ дворцоваго управленія графомъ Ожаровскимъ.

Мы условились, чтобы каждый день по очереди собираться у одного изъ товарищей, въ числѣ которыхъ были: Василій Александровичъ Шереметьевъ, Березинъ, Лачиновъ, Поповъ, Пашковъ (Александръ Васильевичъ) и я. Такимъ образомъ мы довольно пріятно проводили время внѣ занятій по службѣ.

Занятія у насъ были почти ежедневныя; эскадроны учились по очередно на дворѣ у полковаго командира, и онъ всегда послѣ ученья имѣлъ обыкновеніе приглашать офицеровъ къ себѣ на обѣдъ. Обѣды эти бывали весьма скучны и оффиціальны, потому что Левашовъ не приглашалъ насъ даже снимать сабли и за обѣдомъ постоянно читалъ офицерамъ различныя нравоученія. Это намъ не нравилось, и мы всѣми силами старались избѣгать его приглашеній и потому къ концу ученья старались улизнуть, прежде чѣмъ онъ успѣетъ насъ пригласить. Левашову это казалось весьма страннымъ, и онъ черезъ своихъ адъютантовъ: Олсуфьева и Бориса Александровича Лобанова—Ростовскаго (стараго моего товарища по Гродненскому полку) старался узнать, почему офицеры избѣгаютъ его приглашеній. Узнавши причину, онъ на другой же день во время ученья подъѣхалъ къ намъ и лично пригласилъ на обѣдъ для того, чтобы предупредить нашъ уходъ и лишить возможности кого

либо изъ насъ отказаться и въ этотъ день предложилъ намъ снять сабли. Но за обѣдомъ высказалъ удивленіе, что офицеры такъ мало дорожатъ саблями и что въ его время не такъ было; что, по его мнѣнію, сабля составляетъ честь офицера и потому, когда онъ былъ еще молодымъ офицеромъ и какъ то разъ опоздалъ къ чисткѣ лошадей, за что эскадронный командиръ его арестовалъ, то онъ плакалъ какъ дитя, потому что у него отняли саблю. На это я позволилъ себѣ ему замѣтить, что честь и сабля совсѣмъ двѣ вещи разныя; что онъ можетъ меня арестовать, когда ему заблагоразсудится, а что чести своей я ему никогда не отдамъ. Что же касается до того, чтобъ еслибъ я былъ арестованъ за пустяки, то заплакалъ бы тоже, но только не о саблѣ, а о глупости своего начальника. По этимъ даннымъ можно заключить, на сколько Левашовъ могъ быть ко мнѣ благосклоненъ.

Надо правду сказать, что Левашевъ, кромѣ того, что былъ весьма непріятный начальникъ, былъ пренесносный человѣкъ; онъ сохранилъ старыя замашки фанфаронства, которыми отличался при Александрѣ Павловичѣ весь Кавалергардскій полкъ, гдѣ онъ прежде служилъ.

Левашевъ былъ своекорыстенъ и вытягивалъ изъ полка всевозможные доходы; въ особенности онъ обращалъ вниманіе на извлеченіе прибыли отъ обмундированія и фуража. Такъ какъ онъ любилъ пользоваться всякимъ случаемъ для наживы, то, во время похода 1815 года, узнавши, что за ремонтомъ уже посланъ офицеръ и

везетъ его въ Петербургъ, онъ, не ожидая прибытія ремонта, записалъ лошадей на приходъ по полку и, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ получать на нихъ и фуражъ, а между тѣмъ ремонтеру Мосюкову послалъ дать приказаніе, дать ремонту такое направленіе, чтобы онъ присоединился къ полку на походѣ.

Но на бѣду генерала Левашева ремонтъ оказался весьма плохимъ. Генералъ, записавъ заранѣе на приходъ лошадей, не могъ уже ихъ забраковать, потому что изъ этого могла бы выйти непріятная для него исторія. Но всетаки онъ разными угрозами добился отъ Мосюкова приплаты 5-ти тысячъ рублей, которые Мосюковъ принужденъ былъ выписать отъ своего престарѣлаго, скупаго провинціала-отца, который на собственномъ заводѣ взрощенныхъ лошадей только что спустилъ своему сыну-ремонтеру. Посылая эти пять тысячъ приплаты, онъ написалъ сыну:—„Отдай эти деньги генералу, нехай сей бастрюкъ *) ими подавится!“ Письмо это Масюковъ самъ намъ читалъ.

Подобнымъ же точно образомъ Левашевъ взялъ три тысячи рублей съ моего товарища Василія Александровича Шереметьева, бывшаго одно время ремонтеромъ: Левашевъ принялъ отъ него 30 лошадей, заставивъ его приплатить по 100 рублей за каждую голову.

Левашевъ былъ очень жестокъ съ нижними чинами:

---

*) На малороссійскомъ нарѣчіи бастрюкомъ называютъ незаконнорожденныхъ,—намекъ на происхожденія Левашева.

многихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ вогналъ въ чахотку, безпощадно наказывая ихъ фухтелями. Самъ онъ весьма плохо зналъ военную службу, а занимался больше мелкими эскадронными ученіями; но, надо правду сказать, онъ былъ ловкій кавалеристъ. Человѣкъ онъ былъ вообще не глупый, но пустой и имѣлъ слабость считать себя большимъ стратегикомъ. Офицеры вообще не любили за его пороки и въ особенности за чванство: когда дежурные приходили съ рапортомъ, то онъ всегда заставлялъ ихъ ждать очень долго въ гостиной, а когда входили къ нему, то всегда почти заставали его за чтеніемъ сочиненія Жомини, причемъ, чуть ли не всегда книга была развернута на одной и той-же страницѣ. Иногда онъ бывалъ даже до того невѣжливъ, что самъ не принималъ дежурнаго, а заставлялъ подавать рапортъ черезъ своего камердинера.

Изъ всего этого можно понять, на сколько непріятна была наша служба въ Лейбъ-гусарскомъ полку; но въ молодости все легче переносилось. Мы имѣли часто случай ѣздить въ Петербургъ, гдѣ я останавливался всегда у своего друга, графа Сергѣя Павловича Потемкина, вышедшаго уже въ отставку и жившаго на Фонтанкѣ, у Аничкова моста.

Разумѣется, молодость, городскія развлеченія и пріязнь товарищей облегчали скуку и тягость службы въ Царскомъ Селѣ. . . . .

Весною разнеслись слухи, что Бонапартъ бѣжалъ съ острова Эльбы во Францію, и что вскорѣ опять

начнется война. Гвардія получила повелѣніе выступить въ походъ. Полковникъ Альбрехтъ, поручикъ Лазаревъ и я—мы условились имѣть въ походѣ общую артель, и такъ какъ Альбрехтъ былъ человѣкъ аккуратный и хорошій хозяинъ, то мы просили его принять на себя завѣдываніе артелью. Мы сложились, купили бричку, тройку лошадей, запаслись разной провизіей, наняли повара и условились такъ, чтобы бричка ѣхала всегда впередъ, и мы на квартирѣ заставали бы всегда готовый обѣдъ. Мы согласились между собою не играть въ азартныя игры, допуская это на дневкахъ, когда приглашали офицеровъ изъ нашего и другихъ полковъ.

Такимъ образомъ мы довольно пріятно совершили походъ въ Вильну. Это было лѣтомъ, кажется, въ маѣ мѣсяцѣ.

Пришедши въ Вильну, мы узнали о побѣдѣ, одержанной англичанами и пруссаками надъ Наполеономъ подъ Ватерлоо.

Къ моему горю война окончилась; полкъ нашъ расположился на квартирѣ близь города Троки, невдалекѣ отъ Вильно, гдѣ назначено было ему нѣсколько времени отдохнуть, а затѣмъ приказано возвращаться въ Петербургъ.

Нашъ корпусный командиръ, графъ Милорадовичъ, давалъ балъ въ Вильнѣ, на который и мы были приглашены. Я воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы отпроситься у него въ отпускъ въ Малороссію, и получилъ на то позволеніе съ условіемъ, воротиться въ полкъ до вступленія его въ Царское Село.

Въ деревнѣ я не нашелъ въ живыхъ ни бабушку Марѳу Демьяновну, ни невѣстку, жену брата Василія Васильевича, которая скончалась вскорѣ послѣ свадьбы, отъ бугорчатки. По этому случаю я засталъ матушку и всѣхъ домашнихъ въ трaурѣ. Матушку мое прибытіе въ Ярославецъ нѣсколько утѣшило.

Я вернулся во-время, такъ что полкъ не успѣлъ еще прибыть въ Царское Село: я встрѣтилъ его въ Гатчинѣ.

По возвращеніи въ Царское Село, я нанялъ небольшой домъ особнякъ и по прежнему началась моя скучная, однообразная, гарнизонная служба, по прежнему часто я ѣздилъ въ Петербургъ и по прежнему былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ командиру полка.

Дурнымъ отношеніямъ къ Левашеву содѣйствовалъ значительно слѣдующій случай: нужно знать, что Левашевъ прежде командовалъ Псковскимъ кирасирскимъ полкомъ; ему вздумалось перевести изъ этого полка въ Лейбъ-гусарскій одного офицера, нѣмца изъ мѣщанъ, по фамиліи Кнабенау, человѣка совсѣмъ необразованнаго. Не смотря на то, что Кнабенау былъ только штабъ-ротмистръ, Левашевъ назначилъ его командиромъ запаснаго эскадрона, вѣроятно, съ цѣлію доставить ему денежныя выгоды. До пріѣзда же Кнабенау передъ Свѣтлымъ Праздникомъ, ему вздумалось на время поручить этотъ эскадронъ мнѣ; я полагаю, что это было сдѣлано мнѣ въ пику, потому что къ этому празднику мы только что перемѣнили форму одежды: сняли съ мундировъ барсовую кожу, доломаны и ментики. Киверъ

совершенно былъ измѣненъ, а вмѣсто собольихъ воротниковъ намъ дали бараньи.

Только что я вновь обмундировался, какъ вдругъ Левашевъ отдалъ приказъ, чтобъ я, до прибытія Кнабенау, принялъ запасный эскадронъ отъ полковника Свѣчина.

Я получилъ этотъ приказъ въ то самое время, когда готовился пріобщиться Св. Тайнъ. Меня это извѣстіе очень раздосадовало; оставаться въ запасномъ эскадронѣ мнѣ было тѣмъ болѣе непріятно, что полкъ нашъ шелъ въ Петербургъ для празднованія годовщины счастливаго дѣла подъ Фершампенуазомъ.

Въ первый день праздника я поѣхалъ поздравить Левашова и воспользовался случаемъ, чтобъ съ нимъ объясниться: я просилъ его перевести меня обратно въ дѣйствующіе эскадроны, на томъ основаніи, что не прилично мнѣ быть временнымъ командиромъ того эскадрона, командиромъ котораго онъ назначилъ штабъ-ротмистра. На это Левашовъ мнѣ отвѣтилъ, что по службѣ отговорокъ не должно быть.

До этого времени, еще зимою по поводу Кнабенау у меня съ Левашовымъ опять было маленькое столкновеніе. Одинъ разъ, когда мы послѣ ученья обѣдали у Левашова, онъ, желая вѣроятно насъ приготовить къ переводу Кнабенау, съ подобающей важностью сообщилъ намъ, что когда онъ служилъ еще въ Конной гвардіи, то Великому Князю Константину Павловичу вздумалось произвести вахмистра ихъ эскадрона въ

офицеры того же Конно-гвардейскаго полка. Но такъ какъ въ Конно-гвардіи тогда служили люди все болѣе или менѣе образованные, то корпусъ офицеровъ обидѣлся этимъ назначеніемъ, и всѣ они подали въ отставку. Великій Князь разсердился и поручилъ будто бы ему, Левашову, уговорить офицеровъ взять свои просьбы назадъ, въ чемъ онъ, Левашовъ и успѣлъ. Я ему на это замѣтилъ, что совершенно одобряю намѣреніе офицеровъ выйти въ отставку, потому что непріятно принять въ свое товарищество человѣка безъ всякаго образованія и въ добавокъ такого, который былъ неоднократно подверженъ тѣлесному наказанію.

— Почему же это, м. г.!. развѣ заслуженный и раненый унтеръ-офицеръ не можетъ быть принятъ офицеромъ въ гвардейскій полкъ?—Я отвѣтилъ, что еслибъ этотъ вахмистръ былъ произведенъ въ офицеры за какой нибудь подвигъ на войнѣ, то я бы гордился имѣть его своимъ товарищемъ. Но на сколько я слышалъ, вахмистръ хотя и былъ нѣсколько разъ раненъ, а произведенъ былъ за вахтъ—парады, а это совсѣмъ другое.

— Вы думаете, сказалъ Левашовъ, что если васъ и меня благородная утроба носила, то...

— Нѣтъ, не отъ того, что насъ благородная утроба носила, а отъ того, что въ гвардіи требуется, чтобы всѣ офицеры были образованные и насколько возможно принадлежали одному и тому же обществу, сказалъ я.

Генералъ Левашовъ остался весьма недоволенъ моими разсужденіями, и именно этому неудовольствію я

приписываю отчасти ту штуку, которую онъ со мной сыгралъ, назначивъ меня временно въ должность командира запаснаго эскадрона, съ тѣмъ, чтобы заставить меня потомъ передать этотъ эскадронъ въ командованіе Кнабенау, переведеннаго изъ арміи и по воспитанію весьма мало отличавшагося отъ вахмистра.

Получивъ отъ Левашова отвѣтъ, что по службѣ не отговариваются, я рѣшился ѣхать къ Илларіону Васильевичу Васильчикову, командовавшему корпусомъ гвардейской кавалеріи *) и просилъ его ходатайствовать за меня у Левашова, чтобы онъ перевелъ меня въ дѣйствующіе эскадроны. Тогда Левашовъ, опять таки въ пику мнѣ, перевелъ меня въ 5-й эскадронъ, квартирующій въ Павловскѣ. Не зная, чѣмъ раздосадовать меня, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы заставить меня снова нанимать квартиру. При этомъ онъ началъ придираться за всякую бездѣлицу: однажды во время эскадроннаго ученья онъ заставилъ офицеровъ проѣзжать по одиночкѣ мимо его. Моя лошадь начала горячиться и подпрыгивать, онъ скомандовалъ шагомъ и, обращаясь ко мнѣ сказалъ: „Господинъ ротмистръ Кочубей, держите лошадь свою, господинъ ротмистръ Кочубей...

Я сейчасъ послѣ ученья поѣхалъ къ Васильчикову, разсказалъ ему все и просилъ его ужъ прямо развести меня съ Левашовымъ, такъ какъ я, не смотря на свое терпѣніе, не могу за себя отвѣчать. Я просилъ пере-

---

*) Гвардія состояла изъ двухъ корпусовъ: пѣхоты и кавалеріи.

вести меня въ корпусъ графа Воронцова въ надеждѣ, что, можетъ быть, корпусъ этотъ будетъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; кромѣ того я не желалъ доставить Левашову торжества.

Васильчиковъ уважилъ мою просьбу по дружбѣ своей къ Виктору Павловичу Кочубею и въ скоромъ времени послалъ мой переводъ въ Тверской драгунскій полкъ, который состоялъ въ корпусѣ графа Воронцова и которымъ командовалъ полковникъ Набель, мой старый товарищъ и пріятель по Гродненскому полку.

Я чрезвычайно обрадовался моему переводу изъ фронтовой службы въ дѣйствующій полкъ, при томъ и воображеніе мое мнѣ рисовало, что я пройду всю Европу; я думалъ, что во Франціи будетъ возмущеніе, что снова начнется война, и я, быть можетъ, буду имѣть случай отличиться.

Я тотчасъ же занялся новой обмундировкой, продалъ своихъ лошадей и даже свой новый гусарскій мундиръ. Правда, мнѣ очень стало тяжело, когда я снялъ прежній гусарскій мундиръ и облекся въ драгунскій, весьма не красивый, на которомъ было два ряда мелкихъ пуговицъ и длинныя фалды. Когда я надѣлъ этотъ мундиръ, палашъ, лосиныя панталоны и ботфорты и посмотрѣлъ въ зеркало, то я ужаснулся, сравнивъ мою одежду съ прежней гусарской; но воображеніе опять взяло верхъ.

Я купилъ дорожную коляску, получилъ на дорогу отъ казны сто червонныхъ и поѣхалъ. Но вмѣсто того,

чтобъ ѣхать прямо кратчайшимъ путемъ, я заѣхалъ въ Малороссію, чтобъ получить благословеніе матушки.

Братъ Демьянъ Васильевичъ все еще находился въ Гродненскомъ полку и стоялъ въ мѣстечкѣ Креславкѣ. Желая съ нимъ повидаться, я вмѣсто того, чтобъ ѣхать на Москву, поѣхалъ на Бѣлоруссію.

Въ Креславкѣ я увидѣлся со старыми своими товарищами и сослуживцами и познакомился съ новымъ командиромъ полка, полковникомъ Розеномъ.

Братъ мой, желая ѣхать вмѣстѣ со мною, отпросился въ отпускъ. и мы, погулявъ немного въ полку, пустились въ дорогу.

На одной станціи намъ не давали лошадей; я выпрыгнулъ изъ коляски и послалъ деньщика въ конюшню. Тотъ приходитъ и говоритъ, что лошади на станціи есть, а что смотритель, неизвѣстно почему, не даетъ лошадей. Я вспылилъ и началъ самъ записывать подорожную; въ это время вбѣгаетъ въ комнату жена смотрителя и кричитъ: „вы мою собственную лошадь взяли!“ Я ее взялъ за руку и пихнулъ въ дверь говоря: „что ты, матушка, кричишь; ступай вонъ, не твое дѣло!“. Она принялась кричать и увѣрять, что я ей руку повредилъ. Кончилось тѣмъ, что я далъ ей пять рублей, и она успокоилась.

Вообще на станціяхъ безпорядки тогда были страшнѣйшіе. Такъ напримѣръ, вспоминаю анекдотъ, который разсказывали товарищи мои о генералѣ Ридигерѣ. Пріѣхавъ однажды на станцію, онъ не нашелъ ни одного

ямщика, лошади же были; онъ велѣлъ запрячь лошадей, посадилъ смотрителя кучеромъ, а его жену—форейторомъ и проскакалъ такимъ образомъ цѣлую станцію.

Мы безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній прибыли въ Ярославецъ, къ большой радости моей матушки; братъ Василій Васильевичъ все еще горевалъ о потерѣ жены. Мы пробыли въ деревнѣ очень недолго и всѣ разъѣхались въ одинъ день: матушка поѣхала на Роменскую ярмарку *) (это было въ Ильинъ день, 20 Іюля), а я поѣхалъ черезъ Кіевъ на Радзиловъ и Броды.

Уѣзжая изъ Петербурга я, по незнанію, не исполнилъ необходимаго обряда, то есть не далъ визировать свой паспортъ у Австрійскаго посланника, и потому меня въ Бродахъ остановили, и я вынужденъ былъ съ курьеромъ послать свой паспортъ въ Лембергъ для того, чтобы генералъ-губернаторъ Галиційскій исполнилъ требуемый обрядъ. Въ это время мнѣ пришлось дня два пробыть въ Бродахъ, въ грязномъ, скучномъ жидовскомъ мѣстечкѣ, гдѣ разумѣется нечего было и думать о какомъ нибудь развлеченіи.

Тамъ жиды, увидя у меня два мѣшка турецкаго табаку, подступили ко мнѣ:—„Боже мой, что вы дѣлаете! Васъ не пропустятъ, вы штрафъ заплатите, а позвольте мы вамъ перевеземъ табакъ за границу—вы намъ за это что нибудь заплатите“. Я имъ отдалъ табакъ, кото-

*) Ярмарка эта существуетъ до сихъ поръ, только теперь она переведена въ Полтаву.

рый такъ и пропалъ, осталось у меня только немножко въ кисетѣ, и за тотъ заплатилъ пошлину; съ меня впрочемъ взяли пошлину даже за нѣсколько бывшихъ со мною серебряныхъ ложекъ и за чай.

Раздѣлавшись съ таможней, я ужъ думалъ покойно продолжать путь, но не тутъ-то было: подъѣзжаю къ Лембергу—опять таможня! Таможенный чиновникъ спрашиваетъ у меня: нѣтъ ли контрабанды? Я ему говорю, что я уже проѣзжалъ черезъ одну заставу и все заплатилъ.

— Вотъ мое серебро и чай, серебро уже клейменое, а табаку у меня нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! можетъ ли быть, чтобъ не было табаку?

Онъ сталъ развертывать и увидѣлъ мой кисетъ съ небольшимъ количествомъ табаку, который онъ призналъ за турецкій. Не взирая на то, что я далъ ему 10 гульденовъ, чтобы онъ не трогалъ моихъ вещей, онъ взялъ мой табакъ, конфисковалъ его и взвѣсивъ объявилъ, что мнѣ приходится заплатить три гульдена штрафа. Я разсердился и сказалъ, чтобъ онъ взялъ три гульдена изъ числа тѣхъ десяти, которые я далъ ему раньше, а затѣмъ остальные семь гульденовъ я отобралъ у него назадъ, обѣщая пожаловатся на него генералъ-губернатору, но не исполнилъ своей угрозы, потому что боялся, чтобъ эти дрязги не задержали меня еще на нѣсколько дней.

Отдохнувъ немного въ Лембергѣ, я продолжалъ свой

путь. Погода очень мнѣ не благопріятствовала: всякій день шелъ проливной дождь. Мы ѣхали двое или трое сутокъ безъ ночлега.

Въ Вѣнѣ я остановился въ весьма дурной гостинницѣ, подъ названіемъ „Zum weissen Schwam“, хоть и имѣлъ у себя „Le guide des voyageurs“, гдѣ были записаны хорошія гостинницы: 1-я „Kaiser„ и 2-я „Kaiserien“, но въ этихъ гостинницахъ не было мѣста.

Я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Натальи Кирилловны Загряжской къ князю Андрею Кирилловичу Разумовскому, владѣльцу Батурина. Онъ жилъ очень роскошно въ остаткахъ собственнаго великолѣпнаго дворца, сгорѣвшаго во время Вѣнскаго конгресса въ 1815 году. Государь далъ ему заимообразно 200 тысячъ рублей подъ залогъ Батурина.

Князь принялъ меня очень радушно, познакомилъ со своей женой и невѣсткой. Жена его, урожденная Турнгеймъ, была еще молодая и премилая женщина. Невѣстка его была діаконисса или канонисса, нехороша собой, но очень умная дѣвушка.

На другой день князь Разумовскій пригласилъ меня на обѣдъ, а утромъ того же дня я представлялся нашему послу графу Штакельбергу, который былъ женатъ на графинѣ Людольфъ.

Я пробылъ въ Вѣнѣ цѣлую недѣлю и, несмотря на дурную погоду, которая какъ будто преслѣдовала меня, осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Вѣны: посѣтилъ великолѣпный музей Бельведеръ, соборъ св. Сте-

фана; побывалъ во всѣхъ театрахъ: въ большомъ театрѣ въ оперѣ, во всѣхъ театрахъ на форштадтахъ и въ „Volkstheater", гдѣ смотрѣлъ простонародныя комедіи.

На другой день послѣ обѣда у князя Разумовскаго я былъ удивленъ, когда ко мнѣ явились: швейцаръ и его maître d'hotel, за полученіемъ отъ меня тринкгельдовъ. Я далъ имъ 50 гульденовъ, но за то послѣ, когда мнѣ случалось еще бывать у него, то требованіе тринкгельдовъ уже не повторялось. Признаюсь, я очень удивился этому обычаю, но убѣдился, что тамъ это такъ принято, потому что послѣ обѣда у графа Штакельберга эта исторія опять повторилась.

Какъ только я пріѣхалъ въ Вѣну, содержатель гостинницы объявилъ, что мнѣ надо явиться въ полицію и непремѣнно самому представить свой паспортъ. Дѣлать было нечего, я поѣхалъ. Увидавъ меня въ военномъ мундирѣ, передъ мной, съ величайшей вѣжливостію, начали извиняться, что потревожили и поспѣшили прописать мой паспортъ. Меня поразило то обстоятельство, что какъ въ полиціи, такъ точно и вездѣ по дорогѣ, гдѣ мнѣ случалось встрѣчать гарнизонныхъ офицеровъ, они вездѣ при встрѣчѣ съ русскими очень вѣжливо и учтиво уступали лучшія мѣста и постоянно жаловались намъ на пруссаковъ.

Пробывъ съ недѣлю въ Вѣнѣ и остотрѣвъ все, что въ то время было тамъ замѣчательнаго, я попрощался съ княземъ Разумовскимъ и графомъ Штакельбергомъ и поѣхалъ въ Мюнхенъ.

Въ Мюнхенѣ я съ удовольствіемъ осмотрѣлъ прекрасныя картинныя галлереи, но самый городъ мнѣ не очень понравился.

Оттуда я поѣхалъ въ Штутгардтъ и тотчасъ же явился къ нашему почтенному посланннику графу Головкину *). Головкинъ былъ очень друженъ съ дядей моимъ Викторомъ Павловичемъ и потому принялъ меня очень любезно. Я отнесся къ нему съ просьбой представить меня наслѣдному Принцу Виртембергскому и кронъ-принцессѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Онъ тотчасъ же передалъ мою просьбу Великой Княгинѣ, и она пригласила меня на обѣдъ на свою дачу.

Въ самый день пріѣзда моего, вечеромъ отъ нечего дѣлать, я пошелъ въ театръ; тамъ была и Великая Княгиня. Она сейчасъ меня узнала и очень ласково мнѣ поклонилась.

Когда я имѣлъ счастіе быть принятымъ Великой Княгиней, она приняла меня съ большимъ радушіемъ, представила меня своему мужу, привела своихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ я видѣлъ тогда и Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Во время обѣда она говорила со мною по русски, посадила съ собою рядомъ, много разспрашивала обо всѣхъ, которые служили при ней въ Твери и между прочимъ задала мнѣ вопросъ:—„А куда дѣвался этотъ

---

*) Впослѣдствіи онъ жилъ въ Харьковской губерніи, гдѣ былъ попечителемъ университета—и тамъ умеръ.

негодный, какъ бишь его звали"... Я изумился и сразу не понялъ, о комъ она спрашиваетъ.—„Да самый дурной изъ людей, неужели не помните?"... Я всетаки недоумѣвалъ, потому что собственно говоря дурныхъ людей было въ Твери не мало, а она въ это время прибавила:—„Да, этотъ Гинцъ, я надѣюсь, что онъ теперь ужъ въ холодномъ климатѣ".

Тогда я ничего не могъ отвѣтить на ея вопросъ, такъ какъ о Гинцѣ ничего не зналъ, но впослѣдствіи узналъ, что Великая Княгиня ошибалась, потому что Гинцъ опять вошелъ въ милость къ Великому Князю Константину Павловичу, управлялъ имѣніемъ Ловичъ и вовсе не находился на пути въ Сибирь, хотя, конечно, этого заслуживалъ.

Великая Княгиня разспрашивала, нравится ли мнѣ Штутгардтъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ городъ этотъ понравился, потому что немножко напоминаетъ Петербургъ.—„Peut on dire un blasphême pareil! вскричала она. А видѣли ли вы, какой мнѣ здѣсь строятъ дворецъ,—можно ли его сравнить съ Аничковымъ?"

Дѣйствительно, дворецъ былъ построенъ на нѣмецкій ладъ фахверкомъ, т. е. изъ смѣси дерева съ кирпичемъ *). Притомъ окна дворца были снабжены рѣшетками и потому отчасти напоминали темницу.

Проведя у Великой Княгини нѣсколько часовъ послѣ обѣда, я откланялся и выѣхалъ изъ Штутгардта,

---

*) Деревянная клѣтка, наполненная кирпичемъ.

никакъ не ожидая, что мнѣ не случится имѣть счастіе видѣть Ея Высочество *).

Мужъ Екатерины Павловны наслѣдный принцъ Виртембергскій былъ женатъ прежде на принцессѣ Баварской.

Онъ былъ повидимому очень любезный человѣкъ, и Екатерина Павловна, какъ видно, была имъ довольна и казалась счастливой.

Изъ Штутгардта я проѣхалъ въ Карлсруэ, гдѣ также осматривалъ всѣ достопримѣчательности. Проѣздомъ черезъ Страсбургъ я осмотрѣлъ соборъ и лютеранскую церковь. Оттуда я отправился въ Нанси и на Мобежъ, гдѣ находилась главная квартира Воронцова.

До тѣхъ поръ я не имѣлъ чести лично знать графа Воронцова, но всѣ въ нашей арміи отзывались о немъ очень лестно: онъ слылъ за весьма умнаго и храбраго генерала, въ чемъ и я не разъ впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться. Онъ меня принялъ очень ласково и привѣтливо, когда я представилъ ему рекомендательное письмо отъ дяди Виктора Павловича.

Когда я въ первый разъ явился къ графу Воронцову, у него въ гостяхъ былъ старикъ отецъ его, (бывшій посолъ въ Лондонѣ), зять его Лордъ Пемброкъ и сестра Леди Пемброкъ: графъ Воронцовъ познакомилъ меня со всѣми, и я по вечерамъ удостоивался въ ихъ обществѣ играть въ вистъ.

---

*) Она скончалась въ 1818 году 29 декабря.

Корпусъ нашъ готовился къ маневрамъ подъ городомъ Рокруа, и я сбирался уже ѣхать въ свой полкъ, но графъ Воронцовъ мнѣ сказалъ, чтобъ я немного подождалъ, а между тѣмъ предложилъ остаться при немъ. Натурально, я принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ, потому что фронтовая служба мнѣ успѣла довольно надоѣсть.

Графъ Воронцовъ на слѣдующій же день обѣщалъ извѣстить меня, какую онъ намѣренъ мнѣ назначить должность.

На другой же день я получилъ отъ начальника штаба, генерала Понсетта, приглашеніе явиться къ нему, и нашелъ его нѣсколько смущеннымъ,—вскорѣ объяснилось почему. Онъ объявилъ мнѣ, что графъ затрудняется пріискать мнѣ мѣсто, а что теперь существуетъ только двѣ вакансіи: оберъ-вагенмейстера и оберъ-гевальдигера.

Услышавъ это предложеніе, я пожалъ плечами и не могъ скрыть удивленія, что графу пришла мысль мнѣ предложить подобную должность, такъ какъ я въ полиціи никогда не служилъ, да и служить не намѣренъ. Что же касается до другой должности—оберъ-вагенмейстера, то мнѣ она была непріятна потому, что я привыкъ командовать солдатами, а не фурлейтами и деньщиками, и, въ виду того, что графъ не могъ мнѣ дать другаго мѣста, я просилъ позволенія ѣхать въ полкъ, но не ранѣе однакожъ какъ послѣ смотра, потому что я не имѣлъ еще ни верховой лошади, ни полной аммуниціи. Получивъ дозволеніе на нѣкоторое

время остатся при главной квартирѣ, въ свитѣ графа Воронцова, я отправился въ Рокруа.

Пріобрѣтя лошадь и все необходимое и прибывъ въ полкъ, я явился къ своему командиру полковнику Набелю, который очень обрадовался, увидѣвъ меня; потомъ поѣхалъ представляться нашему дивизіонному начальнику, генералъ-маіору Ильѣ Ивановичу Алексѣеву, съ которымъ я до того времени не былъ знакомъ. На первыхъ порахъ онъ принялъ меня весьма страннымъ образомъ и нашелъ, что я не по формѣ одѣтъ. Впрочемъ, онъ отчасти былъ правъ, потому что я явился къ нему въ шляпѣ, а не въ каскѣ, которой у меня еще не было. Тѣмъ не менѣе замѣчаніе генерала Алексѣева меня сконфузило и я подумалъ:—„ну, попалъ же я изъ огня да въ полымя“. Я попросилъ у него извиненія на этотъ разъ, объяснивъ, что не имѣю еще полной формы, почему и получилъ позволеніе графа Воронцова не быть на маневрахъ.

Послѣ маневровъ, продолжавшихся дня три, полкъ возвратился на свои квартиры, а я, уже не заѣзжая въ Мобежъ, поѣхалъ черезъ Мезье въ городъ Ретель, въ главную квартиру нашего полка.

Вслѣдъ за мною прибылъ туда-же графъ Воронцовъ. Онъ пріѣхалъ для того, чтобъ быть воспріемникомъ сына командира Курлянскаго драгунскаго полка, графа Гудовича. Я познакомился тамъ съ графиней Гудовичъ, урожденной Энгельгардтъ, очень веселой и красивой женщиной; графа я зналъ еще съ дѣтства. Съ женою моего

командира полка г-жею Набель, родомъ полькой и тоже очень миловидной особой и съ женой генерала Алексѣева, урожденною Вигель, я тоже познакомился; объ этихъ дамахъ я буду говорить впослѣдствіи болѣе подробно.

Товарищами моими по полку оказались: подполковникъ Мордвиновъ, тоже старый мой знакомый по Кавалергардскому полку, съ которымъ я часто встрѣчался на балахъ у графа Безбородко, подполковникъ графъ Витгенштейнъ, дальный родственникъ корпуснаго командира, главный квартирмейстеръ, полковникъ Липранди и состоящій при дивизіи графъ Ностицъ.

Дивизія наша состояла изъ четырехъ полковъ: Тверскаго, командиромъ котораго былъ Набель, Смоленскаго, подъ командою старика Дьяконскаго, Курлянскаго —графа Гудовича и Кинбургскаго — полковника Лесовскаго. Бригадными генералами были у насъ: генералъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Балабинъ, старый мой знакомый по Петербургу, и генералъ-маіоръ Платонъ Ивановичъ Каблуковъ.

Скоро я со всѣми моими товарищами познакомился, а съ нѣкоторыми даже и подружился.

Такъ какъ я былъ старшимъ штабъ-офицеромъ, то мнѣ слѣдовало командовать 6-мъ эскадрономъ, но я уступилъ Мордвинову, не желая его обидѣть, такъ какъ онъ, если не чиномъ, то лѣтами былъ гораздо старше меня; самъ же я принялъ 2-й эскадронъ.

Дивизіонный мой генералъ Алексѣевъ не такъ былъ

страшенъ, какъ сначала мнѣ показалось. Онъ былъ добрякъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайный простакъ и ограниченный человѣкъ. Оказалось, что онъ большой хлѣбосолъ и любилъ иногда подгулять. Въ интимномъ кружкѣ офоцеровъ его называли: Ильюшка-богатырь.

Не желая сразу лишить нѣкоторыхъ выгодъ капитана, командующаго вторымъ эскадрономъ, я на первыхъ порахъ не принялъ эскадрона, а остался въ дивизіонной квартирѣ, гдѣ у насъ шла обыкновенная гарнизонная жизнь. По вечерамъ мы собирались то у генерала Алексѣева, то у нашего полковника, то у Липранди, то у меня и играли въ карты. Службой мы мало занимались, жизнь вели самую праздную; генералъ Балабинъ давалъ иногда балы, но вообще это время было прескучное. Въ видахъ развлеченія я иногда уѣзжалъ въ Парижъ.

Въ скоромъ времени генералъ Алексѣевъ меня даже очень полюбилъ и питалъ ко мнѣ такую довѣренность, что просилъ быть его переводчикомъ въ переговорахъ съ французами. Самъ онъ французскаго языка вовсе не зналъ, и его постоянно дурачили, когда у него переводчикомъ былъ Липранди.

Изъ французовъ въ нашемъ кругу находились: супрѐфектъ Фроманъ, очень любезный человѣкъ, и Ватилье, который во время послѣдняго стодневнаго царствованія Наполеона былъ депутатомъ и потому считался приверженцемъ Наполеона. Вообще мы очень мало знались съ французами и держались отъ нихъ совершенно особнякомъ.

Полковникъ Набель лѣтомъ 1817 г. отправился въ Висбаденъ для пользованія водами послѣ контузіи, которую онъ получилъ, и я за него оставался командовать полкомъ.

Во время отсутствія Набеля нашъ ремонтеръ маіоръ Юсуповъ переведенъ былъ въ другой полкъ. Придя однажды къ генералу Алексѣеву, я завелъ объ этомъ разговоръ.—Вотъ несчастіе,—сказалъ я—какъ будетъ недоволенъ полковникъ Набель, когда узнаетъ, что Юсуповъ переведенъ отъ насъ.—„Не безпокойтесь, я его переведу обратно“, сказалъ мнѣ на это Алексѣевъ.

На другой день я пишу Набелю въ Висбаденъ и упоминаю о томъ, что пришло извѣстіе о переводѣ Юсупова,—„но не тревожтесь, прибавляю я, нашъ „Ильюшка-богатырь“ беретъ на себя заботу перевести его обратно“.

Письмо это, къ несчастію, попалось къ женѣ Алексѣева, и вотъ какъ это случилось: однажды графъ Воронцовъ давалъ балъ въ Мобежѣ и пригласилъ нашихъ дамъ.

Генеральша Алексѣева съ женою Набеля и женою адьютанта генерала Алексѣева, Соловьевою, поѣхали въ одной каретѣ, а вещи свои и брилліанты положили въ общій ящикъ. Случилось такъ, что госпожа Набель завернула въ мое письмо свои брилліанты. Когда воротились съ бала, то ящикъ съ вещами остался у Алексѣевой: она ихъ развернула и увидала это злополучное письмо. Подумавъ, что я пишу любовное письмо къ полковницѣ Набель, она полюбопытствала его прочитат

и увидала то самое письмо, въ которомъ я пишу Набелю объ „Ильюшкѣ".

Алексѣева призываетъ мужа и заставляетъ его прочитать. Тотъ ничего не можетъ понять.

— Какъ же ты не понимаешь, что надъ тобой смѣются, и кто же?—человѣкъ, котораго ты считалъ своимъ другомъ. Читай, что онъ о тебѣ пишетъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я, ничего не зная, прихожу къ Алексѣевымъ и сразу замѣчаю перемѣну тона въ обращеніи со мною: хозяева сдѣлались что-то слишкомъ ужъ вѣжливы, нерѣдко стали повторяться съ ихъ стороны возгласы: не угодно ли вамъ сѣсть, составьте партію Аркадію Васильевичу и т. п. и я замѣтилъ, что у старика Алексѣева просто изъ рукъ карты падаютъ. Замѣтивъ его разстройство, я подумалъ, что онъ нездоровъ, или что нибудь съ нимъ случилось: „не получилъ ли онъ, думаю, нахлобучку отъ графа Воронцова?" Но на другой день все объяснилось. Утромъ рано, пока я еще былъ въ постелѣ, приходитъ ко мнѣ адъютантъ Алексѣева баронъ Соловьевъ и разсказываетъ приключеніе съ моимъ письмомъ.

— Охота же ей, говорю, читать чужія письма. Теперь я ужъ ничего не могу сдѣлать, чтобы исправить это дѣло. Между тѣмъ Алексѣевъ сталъ ко мнѣ придираться и вообще сталъ со мною въ непріязненныя отношенія, что впрочемъ ему же послужило во вредъ, потому что какъ только мы съ нимъ разошлись, такъ его опять стали дурачить, пользуясь незнаніемъ французскаго языка.

Впослѣдствіи однако насъ помирили, и я въ свое извиненіе сказалъ ему: „Пожалуйста, не сердитесь на меня за эту выходку, я же остался въ дуракахъ, такъ какъ Юсуповъ перешелъ вѣдь къ намъ въ полкъ, благодаря вашему содѣйствію“.

Послѣ этого случая съ письмомъ, я всетаки не вполнѣ сошелся съ Алексѣевымъ и чтобы не имѣть непріятныхъ встрѣчъ съ нимъ, рѣшился уѣхать въ свой эскадронъ, расположенный на квартирахъ близь хорошаго замка, около котораго былъ отличный паркъ. Въ паркѣ этомъ по субботамъ обыкновенно собирались сосѣдніе крестьяне со своими женами и дочерьми, которыя плясали тамъ съ нашими солдатами; я въ этихъ случаяхъ всегда приглашалъ полковую музыку.

Здѣсь мнѣ кстати будетъ замѣтить, что наши войска во все время похода вели себя отлично, и солдаты очень дружно и согласно уживались съ обывателями, и тѣ даже очень любили нашихъ солдатъ. Конечно, отчасти это положеніе вещей можно приписать той строгой дисциплинѣ, которая существовала въ нашихъ войскахъ вообще, а въ войскахъ графа Воронцова въ особенности; онъ почти безчеловѣчно наказывалъ солдатъ за малѣйшую, оказанную жителямъ съ ихъ стороны, грубость, не говоря ужъ о преступленіяхъ. И такъ я говорю, что солдаты наши, такъ или иначе, заслужили пріязнь жителей: одному солдату моего эскадрона, хозяинъ его поручалъ, въ свое отсутствіе, смотрѣть за домомъ. Случилось однажды, что солдатъ этотъ остался

караулить, а въ это время пришли воры красть въ садъ фрукты. Солдатъ, какъ только могъ, защищалъ садъ, причемъ его даже поколотили. Воры, оказавшіеся мѣстными жителями, были судимы и приговорены къ наказанію.

Разумѣется нельзя сказать, чтобы ужъ вовсе не случалось непріятныхъ исторій, но онѣ были весьма рѣдки и проистекали изъ чисто личныхъ отношеній; такъ напримѣръ однимъ изъ жителей былъ убитъ капитанъ эскадрона Курляндскаго полка. Мнѣ было поручено разслѣдовать это дѣло вмѣстѣ съ гражданскимъ судомъ, т. е. я былъ посланъ на слѣдствіе депутатомъ и тотчасъ же узналъ виновнаго. Я постарался прежде всего узнать возможную причину убійства и узналъ слѣдующее: капитанъ имѣлъ связь съ женою своего хозяина. Тотъ это замѣтилъ и зная, что капитанъ вечера проводитъ у своего эскадроннаго командира, подкараулилъ его темной ночью, вмѣстѣ со своимъ работникомъ. Убитъ онъ былъ топоромъ, и тѣло нашли во рву.

Пріѣхавъ на мѣсто происшествія, я сейчасъ пошелъ осматривать мертвое тѣло. Какъ только я вошелъ въ домъ, хозяинъ бросился ко мнѣ съ плачемъ и рыданіями объ убитомъ. Началось слѣдствіе, допросы, въ которыхъ я самъ участвовалъ. Судя по ранамъ можно было сразу заключить, что убійство совершено топоромъ. Убѣдившись въ этомъ главномъ пунктѣ, я спросилъ у хозяина, гдѣ его топоръ,—топора не оказалось. Я объявилъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, что дамъ 100 фр. въ награду тому, кто отыщетъ мнѣ топоръ. Его нашли въ грязи не да-

леко отъ рва, приложили топоръ къ головѣ, и онъ какъ разъ пришелся къ ранамъ; топоръ этотъ дѣйствителъно принадлежалъ хозяину. Другая улика закаючалась въ томъ, что блуза работника была замарана въ крови. Я спросилъ о причинѣ этого и получилъ въ отвѣтъ, что онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ ходилъ въ это утро принимать мясо. Однакожъ, когда разсмотрѣли тщательно пятна, то убѣдились, что кровь эта была человѣческая. Хозяйка, изъ за которой произошло дѣло, была не особенно хороша собой; она все время производства дознанія ничего почти не говорила, а только все плакала. Убійцъ судили въ ассизномъ судѣ въ Реймсѣ. Нѣкоторымъ изъ нашихъ офицеровъ было приказано ѣхать въ судъ, когда будутъ судить этихъ убійцъ. Я не поѣхалъ, но нѣкоторые, въ томъ числѣ Липранди, были тамъ. Во время суда офицеры получили анонимное письмо, въ которомъ имъ дѣлалось предостереженіе по поводу посягательства на ихъ жизнь. Они сейчасъ предъявили эту записку суду, который отдалъ жандармамъ приказаніе сопровождать офицеровъ до суда, но они отклонили это предложеніе, сказавъ, что принимаютъ это за пустую угрозу. Судъ оправдалъ обоихъ убійцъ, будто бы за неимѣніемъ уликъ, но весь народъ былъ противъ ихъ, и мѣстные жители стали ихъ такъ притѣснять, что вынудили продать домъ и переселиться въ другое мѣсто. Это отношеніе жителей послужило новымъ доказательствомъ ихъ пріязни къ намъ, выразившейся даже на перекоръ судебному рѣшенію.

Была еще одна непріятная исторія въ подобномъ же родѣ: одинъ солдатъ Кинбургскаго полка, по фамиліи Харламовъ, бѣжалъ въ Лотарингію, гдѣ прежде, во время войны, полкъ этотъ проходилъ. Желая отмстить хозяину за то, что будто тотъ его дурно принялъ, когда онъ съ полкомъ стоялъ въ этомъ мѣстѣ, Харламовъ ушелъ съ тѣмъ, чтобъ его убить. Не заставъ хозяина дома, онъ убилъ хозяйку. Найдя женщину эту убитою, бросились разыскивать, напали наслѣдъ, погнались за Харламовымъ и нашли его въ лѣсу вскарабкавшимся на дерево. Когда ему закричали, чтобъ онъ бросилъ саблю,—онъ послушался, но какъ только слѣзъ съ дерева, то вытащилъ изъ-за пазухи ножъ и ударилъ имъ сначала одного, потомъ другаго изъ сыщиковъ, остальные разбѣжались, и онъ скрылся. Потомъ его опять поймали и привели къ намъ, здѣсь посадили его на гауптвахту. Посидѣвъ нѣсколько часовъ, онъ попросилъ позволенія выйти, и когда его повели двое солдатъ, то онъ вдругъ неожиданно обернулся, накинулъ на обоихъ плащъ, а самъ перескочилъ черезъ ровъ и ушелъ въ Голландію. Въ Голландію было дано извѣстіе о побѣгѣ убійцы, за нимъ погнались, но онъ и тамъ убилъ посланную за нимъ погоню. Всего Харламовымъ было убито семь человѣкъ.

Не смотря на то, его всетаки схватили и судили голландскимъ судомъ, который не приговорилъ его къ смерти на томъ основаніи, что онъ совершалъ убійства, защищая свою собственную жизнь.

Правительство наше однако не удовлетворилось этимъ судомъ: оно вытребовало Харламова къ себѣ, судило военнымъ судомъ и приговорило къ разстрѣлянію. „Не знаю, за что меня приговорили къ лишенію жизни, —вѣдь своихъ не билъ“, сказалъ онъ, когда ему прочитали приговоръ. Но не смотря на это объясненіе, онъ всетаки былъ разстрѣлянъ.

Были еще два случая въ моемъ эскадронѣ, но уже совершенно въ другомъ родѣ: нѣсколько человѣкъ солдатъ набрали грибовъ въ паркѣ и, наѣвшись ихъ, вдругъ заболѣли. Узнавъ объ этомъ, я испугался, нашелъ какого то врача, живущаго неподалеку въ деревнѣ, который какъ-то имъ помогъ, и они выздоровѣли.

Другой подобный случай былъ въ то время, когда сдѣланъ былъ сборъ полка, по случаю пріѣзда короля Прусскаго, проѣзжавшаго изъ Парижа черезъ Ретель. Это было въ Августѣ 1818 года, въ день тезоименитства Его Величества короля. Я отправилъ эскадронъ въ сборное мѣсто наканунѣ, а самъ остался на праздникъ въ Ретелѣ.

На другой день по утру я только что успѣлъ пріѣхать въ эскадронъ, какъ ко мнѣ прибѣгаетъ вахмистръ весь блѣдный и объявляетъ, что нельзя вывести эскадронъ на встрѣчу королю, потому что солдаты 4-го взвода всѣ перебѣсились. Что же оказалось: такъ какъ въ предыдущемъ году былъ неурожай, то крестьянѣ поторопились сжать вновь уродившійся хлѣбъ и накормили имъ нашихъ солдатъ. По всему вѣроятію, во

ржи оказались рожки, которые очень вредно вліяютъ на здоровье и производятъ родъ помѣшательстпа.

Я тотчасъ же послалъ за докторомъ, а самъ съ 3-мя взводами пошелъ на смотръ. Возвратившись оттуда я, къ моему большому удовольствію, узналъ, что мои солдаты выздоровѣли.

Въ 1817 году убавилось у насъ войска: полки Курляндскій драгунскій, одинъ гусарскій и два пѣхотныхъ ушли въ Россію.

Въ это-то время графъ Воронцовъ прислалъ за мною и предложилъ мнѣ мѣсто коменданта крѣпости Авенъ (Avesnes): крѣпость эта находилась въ нашемъ распоряженіи, и мѣсто коменданта, по случаю ухода пѣхотнаго полка, оставалось вакантнымъ. Тогда я былъ въ дружбѣ съ генераломъ Алексѣевымъ и со всѣми офицерами, которые ко мнѣ пристали, чтобы я отказался. Я поѣхалъ въ Мобежъ и, поблагодаривъ Воронцова за его память обо мнѣ, отказался отъ этого мѣста и можетъ быть худо сдѣлалъ, потому что тогда меня навѣрно произвели бы въ полковники и я получилъ бы орденъ почетнаго легіона.

Въ томъ же 1818 году былъ опять сборъ корпуса возлѣ Нанси. На этомъ смотру я въ первый разъ увидѣлъ нашего главнокомандующаго графа Велингтона.

Я забылъ сказать, что въ началѣ 1818 года я узналъ, что мой дядя Викторъ Павловичъ пріѣхалъ въ Парижъ, и я поѣхалъ туда для свиданія съ нимъ. Проживъ недѣли двѣ къ ряду въ Парижѣ, я возвратился

въ полкъ уже тогда, когда дядя уѣхалъ въ Россію. Я воспользуюсь воспоминаніемъ объ этой поѣздкѣ моей въ Парижъ и разскажу, что я тамъ видѣлъ и какъ проводилъ время. Жизнь, которую я велъ въ Парижѣ, можно назвать шальною. По утрамъ я осматривалъ замѣчательные предметы, какъ-то: музеи, галлереи, библіотеку и катался съ горъ, которыя были тогда въ большой модѣ. Какой то французъ, побывавшій въ Петербургѣ, затѣялъ завести и въ Парижѣ русскія горы и построилъ таковыя въ faubourg. Эти горы привлекли много народа; всѣ доктора въ то время совѣтывали ѣздить кататься съ горъ для поправленія здоровья.

Нѣкоторые шарлатаны въ подражаніе этому выдумали другаго рода горы съ разными машинами, такъ называемыя Швейцарскія горы. Однѣ изъ нихъ находились въ Foliebeaujone, другія въ помѣщеніи извѣстнаго Rudgieri. Но вскорѣ правительство запретило это развлеченіе, потому что чрезвычайно много было случаевъ изувѣченія. Одинъ разъ, когда я былъ на горахъ въ Foliebeaujone,—на моихъ глазахъ былъ убитъ французскій генералъ со свомъ сыномъ; маленькая дочь его, катавшаяся съ ними, была спасена какимъ то чудомъ.

Послѣ утреннихъ прогулокъ я обѣдалъ у знаменитыхъ Beau-Villier, Verri, Frères Provenceaux, въ Palais Royal, а вечера проводилъ въ театрѣ.

Тогда были въ Парижѣ знаменитые актеры. Въ thêatre Français я видѣлъ Fleuri, m-lle Mars Talma, Duchenoy; въ Varieté, — Brune и Potie; въ Vaudeville

было много очень хорошихъ актеровъ и премилыя актрисы; въ Opéra Comique,—прекрасный актеръ Vartin.

Послѣ театра я посѣщалъ „Salon etranger“, гдѣ до 4-хъ часовъ утра игралъ въ разныя азартныя игры, но никогда впрочемъ много не проигрывалъ, хотя и не могъ похвастаться большимъ счастіемъ. Вообще я велъ жизнь разгульную, такъ какъ тогда у меня было много денегъ: кромѣ получаемыхъ отъ матушки, я получалъ большое содержаніе, и все это проживалъ въ Парижѣ. Случалось мнѣ иногда обѣдать въ „Salon etranger“ и вотъ одинъ разъ я встрѣтился тамъ съ французскимъ генераломъ Пактольдомъ, который такъ грубо меня принялъ, когда я былъ посланъ парламентеромъ. Онъ долго въ меня всматривался, наконецъ узналъ и вспомнилъ, что принялъ меня тогда за шпіона.

Погулявши такимъ образомъ двѣ недѣли въ Парижѣ, куда какъ было скучно мнѣ возвращаться опять къ той же однообразной жизни въ полку. По вечерамъ собирались и играли въ карты, и вотъ тутъ то мнѣ фортуна не поблагопріятствовала: я проигралъ своему товарищу Мордвинову довольно значительную сумму (до 15-ти тысячъ руб.). Онъ согласился взять съ меня векселя съ условіемъ, что не будетъ взыскивать денегъ, пока я войду во владѣніе имѣніемъ, а что я буду платить ему ежегодно по 10%. Но послѣ вышло иначе. Когда Мордвиновъ воротился въ Россію, счастье ему измѣнило и онъ проигралъ мои векселя какимъ то игрокамъ, которыхъ я совсѣмъ даже не зналъ. Это мнѣ было весьма

непріятно и я, чтобы раздѣлаться съ ними, упросилъ матушку заложить имѣніе Гуты Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда.

Мордвиновъ кончилъ весьма дурно. Онъ былъ вспыльчивъ и строгъ съ солдатами и часто наказывалъ ихъ безмѣрно. Разсердившись одинъ разъ на закройщика, который испортилъ нѣсколько мундировъ, онъ его наказалъ жесточайшимъ образомъ, и тотъ съ отчаянія повѣсился. Этотъ случай обратилъ на себя вниманіе начальства: сдѣлали строгое слѣдствіе, послѣ котораго выслали Мордвинова въ Россію, гдѣ онъ былъ отданъ подъ судъ и исключенъ изъ службы. Послѣ того онъ поселился въ Москвѣ и пріобрѣлъ тамъ себѣ хорошее состояніе игрой, но подъ конецъ проигралъ все и умеръ въ совершенной бѣдности и былъ похороненъ на счетъ членовъ Московскаго англійскаго клуба.

Мордвиновъ почему то подозрѣвалъ, что причиной произведеннаго надъ нимъ слѣдствія былъ генералъ Каблуковъ и, встрѣтясь съ нимъ у полковника Набеля (это было въ Свѣтлый Праздникъ, мы всѣ тамъ разговлялись) Мордвиновъ сталъ придираться къ нему и вдругъ погнался за нимъ, чтобъ его ударить. Мы его остановили, но тѣмъ не менѣе это послужило поводомъ къ дуэли. Мордвиновъ считался за хорошаго стрѣлка, а Каблуковъ отъ роду никогда не стрѣлялъ, но на повѣрку вышло, что Мордвиновъ погорячился, выстрѣлилъ и промахнулся, а Каблуковъ ранилъ его въ ногу. Послѣ этого вскорѣ началось слѣдствіе и его отпра-

вили въ Россію, гдѣ онъ былъ, какъ я сказалъ выше, отданъ подъ судъ за дуэль и за жестокое обращеніе съ солдатами.

Надо знать, что Мордвиновъ былъ большой трусъ, но не смотря на то имѣлъ неоднократныя исторіи. У насъ былъ одинъ нѣмецъ, капитанъ Мирбахъ, человѣкъ кроткій, смирный, славный ѣздокъ и отлично умѣлъ выѣзжать лошадей; генералъ Алексѣевъ давалъ ему выѣзжать лошадей; мою лошадь онъ тоже выѣздилъ. Разумѣется, все это дѣлалось не изъ-за денегъ, а по дружбѣ. Мордвиновъ самъ считался хорошимъ ѣздокомъ, но будучи труслив, онъ далъ Мирбаху выѣздить свою молодую лошадь. Когда Мирбахъ выѣздилъ ее, то Мордвиновъ остался недоволенъ и сталъ упрекать Мирбаха за то, что будто бы тотъ лошадь испортилъ. — „Я не берейторъ вашъ однако," сказалъ ему на это Мирбахъ. Слово за слово и между ними назначена была дуэль. Я по дружбѣ къ нимъ обоимъ говорю Мордвинову: „Ты долженъ пойти извиниться передъ Мирбахомъ, потому что вѣдь онъ по дружбѣ это дѣлалъ".

— Нѣтъ онъ долженъ просить у меня извиненія за грубость, возразилъ онъ.

— Но вѣдь онъ отвѣтилъ грубостью на твою же грубость, сказалъ я.

Мои увѣщанія мало помогли. Мордвиновъ горячился, но когда пришли на мѣсто дуэли, то онъ самъ первый попросилъ у Мирбаха извиненія.

Я забылъ упомянуть, что въ средѣ нашего общества

былъ докторъ Маркусъ, добрый товарищъ, съ которымъ мы зачастую играли въ карты, обыгрывали его, но онъ не платилъ никогда, не смотря на то, что получалъ большое жалованіе: 12 франковъ столовыхъ, раціона на каждую лошадь по 2 фран. и жалованія въ четверо болѣе обыкновеннаго *).

Въ 1818 году переведенъ былъ въ нашъ Тверской полкъ Александръ Васильевичъ Пашковъ, бывшій мой эскадронный командиръ въ Лейбъ-гусарскомъ полку. Онъ тоже бѣжалъ отъ преслѣдованій Левашова и по моему примѣру перешолъ въ корпусъ Воронцова. Онъ былъ переведенъ чиномъ полковника и въ скоромъ времени, по протекціи Васильчикова, назначенъ былъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Около того времени къ намъ въ полкъ былъ переведенъ и Артамонъ Муравьевъ; онъ назначенъ былъ состоять при начальникѣ казачьяго полка, Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ, офицеромъ генеральнаго штаба.

Муравьевъ, въ то время ротмистръ, былъ ужаснѣйшій фанфаронъ и легкомысленный человѣкъ; вездѣ занималъ деньги, гдѣ было только возможно, и никогда не имѣлъ привычки платить свои долги. Разъ, помню, собрались мы съ нимъ вмѣстѣ въ Парижъ; онъ непремѣнно захотѣлъ ѣхать туда съ полнымъ комфортомъ: послалъ впередъ курьера заготовлять лошадей и никакъ не хотѣлъ иначе ѣхать какъ въ коляскѣ въ четверку почто-

---

*) Все это производилось на счетъ Франціи.

выхъ лошадей и съ бичемъ. Въ Парижѣ мы прожили нѣсколько дней. Сначала еще у Артамона были деньги, и онъ ихъ тратилъ безъ разсчета, но вскорѣ мнѣ пришлось расплачиваться за него повсюду, потому что онъ сталъ играть въ карты и проигралъ всѣ деньги, которыя при немъ были. Въ концѣ концовъ случилось такъ, что всѣ расходы этого блистательнаго путешествія пали на мою долю, и денегъ этихъ я никогда съ Артамона Муравьева не получилъ.

Полковникъ Ностицъ, получившій впослѣдствіи Смоленскій полкъ, былъ прикомандированъ къ нашей дивизіи и состоялъ дипломатическимъ агентомъ при графѣ Воронцовѣ. Этотъ Ностицъ былъ истый нѣмецъ, но любилъ жить роскошно и часто давалъ званые обѣды. Мы всѣ считали Ностица холостякомъ; только на обратномъ пути, въ Саксоніи, и то случайно, узнали, что у него есть жена нѣмка. Ностицъ былъ очень умный, но прехитрый человѣкъ, имѣлъ высокій ростъ и очень красивое лице. Ностицъ прекрасно объяснялся по французски, немного правда съ нѣмецкимъ акцентомъ. Онъ въ обществѣ товарищей очень часто высказывалъ желаніе получить Смоленскій полкъ, въ которомъ въ то время не былъ еще назначенъ командиръ. Но Ностицъ все ожидалъ, чтобы ему предложили полкъ, а потому съ начальниками не говорилъ о назначеніи, избѣгая навязывать свои услуги.

— Что же ты все хитришь? сказалъ я однажды Ностицу: вѣдь мы знаемъ, что тебѣ хочется командовать

полкомъ, поди прямо къ Воронцову и скажи ему объ этомъ.

Онъ, наконецъ, послушался моего совѣта. Правда, что принимая полкъ, онъ съ Дьяконскаго, командовавшаго прежде полкомъ, содралъ порядочную сумму, но мнѣ достовѣрно извѣстно, что все, что Ностицъ получилъ отъ Дьяконскаго, онъ опять истратилъ на этотъ же полкъ, который былъ при немъ всегда въ отличномъ видѣ.

Чтобы дополнить характеристику нашего общества, я скажу нѣсколько словъ о томъ, каковы были наши полковыя дамы.

Жена полковника Набеля была полька; это была женщина добрая, довольно красивая и набожная. Генеральша Алексѣева, женщина уже не первой молодости, отличалась тѣмъ, что была интриганка и порядочная кокетка. Жена барона Соловьева, какъ и жена Набеля, была полька, недурная собою, но очень болѣзненная.

Въ 1819 году, послѣ конгресса въ Ахенѣ, Государь Александръ Павловичъ заѣхалъ отдать визитъ королю Французскому, а потомъ пріѣхалъ осматривать нашъ корпусъ, для чего всѣ мы и были собраны въ Мобежѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Государя пришла къ намъ вѣсть, что осенью мы выйдемъ изъ Франціи и возвратимся въ Россію.

Передъ выступленіемъ изъ Франціи я попросилъ позволенія съѣздить въ Парижъ, чтобы проститься съ этимъ Вавилономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить нѣкоторыя порученія, данныя матушкою моею и теткою

Туманскаго, т. е. купить нѣсколько фарфоровыхъ сервизовъ извѣстнаго фабриканта того времени Даготи (Dagoty) и золоченой бронзы, еще болѣе извѣстныхъ фабрикантовъ Равріо и Томира. Всѣ эти фирмы считались въ Парижѣ самыми лучшими.

Исполнивъ данныя мнѣ порученія, я разстался съ Парижемъ и этотъ разъ на долго. Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ полкъ онъ двинулся въ походъ.

За отсутствіемъ Набеля, который уѣзжалъ на нѣсколько времени въ Дрезденъ къ своей женѣ, мнѣ пришлось вновь командовать полкомъ.

Проходя черезъ городокъ X., я остановилъ полкъ на квартирахъ, и мнѣ отвели помѣщеніе у почтмейстера.

Хозяинъ мой и другіе жители города пригласили меня посѣтить ихъ клубъ и просили передать ихъ приглашеніе всѣмъ нашимъ офицерамъ. Я сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ офицерамъ, и мы отправились въ клубъ. Дамы приступили къ мнѣ съ просьбою позволить нашей полковой музыкѣ играть въ клубѣ. Я выразилъ сожалѣніе, что онѣ немножко поздно объ этомъ заявили, потому что всѣ музыканты разбрелись по квартирамъ, и въ этотъ вечеръ ихъ ужъ трудно будетъ собрать; но прибавилъ, что на завтрашній день назначена дневка, и музыка будетъ къ ихъ услугамъ, если онѣ снова пожелаютъ собраться вечеромъ въ клубѣ. Разумѣется, это предложеніе было принято съ удовольствіемъ.

Пріѣхавши домой, я подумалъ: „что же это я та-

кое сдѣлалъ: я пригласилъ гостей, слѣдовательно, придется ихъ угостить".

Я послалъ немедленно за содержателемъ клуба и уговорился съ нимъ, чтобы онъ приготовилъ угощеніе, какое у нихъ обыкновенно принято дѣлать на балахъ, а музыкантамъ приказалъ собраться вечеромъ въ клубѣ. Явившись туда самъ, я замѣтилъ, что публики собралось вчетверо больше вчерашняго: пріѣхали гости изъ всѣхъ окрестныхъ замковъ. Между прочими, была жена того Домбровскаго, который былъ въ послѣдствіи намѣстникомъ Царства Польскаго.

Нѣмцы и нѣмки были очень довольны моимъ угощеніемъ: наготовлено было множество пирожковъ, пунша, и балъ удался на славу. На другой день слѣдовало расплатиться съ содержателемъ клуба за угощеніе, и я думалъ, что съ меня потребуютъ огромную сумму; но къ моему крайнему удивленію, это обошлось мнѣ всего въ сорокъ талеровъ. Когда полковникъ Набель, возвращаясь изъ Дрездена, проѣзжалъ черезъ городъ X, то остановился у того же самаго почтмейстера, который непреминулъ ему сообщить подробности нашего пребыванія тамъ.

— Вы, кажется, изъ того же полка, который недавно проходилъ здѣсь, сказалъ онъ: какой тутъ балъ давалъ полковникъ Набель!

— Не можетъ быть,—отвѣчалъ Набель,—бьюсь объ закладъ, что полковникъ Набель не давалъ здѣсь бала.

— Да какъ же это, помилуйте... ужъ это навѣрно!

— Повторяю вамъ, что этого не могло быть, потому что я самъ, а никто другой полковникъ Набель.

Почтмейстеръ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, потому что никакъ не предполагалъ, что полковникъ Набель не самъ велъ свой полкъ, а поручилъ это одному изъ офицеровъ.

Когда мы проходили черезъ Варшаву, насъ принимали тамъ очень хорошо. Я познакомился съ комендантомъ Левицкимъ, который былъ женатъ на сестрѣ моего друга, Николая Прокофьевича Пражевскаго.

Корпусъ графа Воронцова, который въ продолженіи 5-ти лѣтъ стоялъ во Франціи и который потому считали проникнутымъ духомъ либерализма, Правительство нашло нужнымъ раскассировать по разнымъ корпусамъ. Такимъ образомъ, нашъ полкъ поступилъ во вторую драгунскую дивизію — корпуса графа Ламберта, стоявшаго въ Воронежской губерніи.

Казалось бы, что зараженныхъ не слѣдовало размѣщать въ нетронутые отряды, такъ какъ обыкновенно стараются избѣгать приводить здоровыхъ людей въ соприкосновеніе съ зараженными прилипчивыми болѣзнями, какъ напр. оспой, чумой и т. п. Но какъ видно Правительство въ то время имѣло совершенно другой взглядъ на этотъ предметъ и распорядилось поступить, какъ я сказалъ выше.

Я могу положительно удостовѣрить, что по крайней мѣрѣ въ томъ полку, гдѣ я служилъ, не было вовсе офицеровъ, зараженныхъ вредными идеями, и никто

изъ насъ, кромѣ Артамона Муравьева, не былъ замѣшанъ въ декабрьскомъ заговорѣ. Сколько мнѣ извѣстно, весьма мало было замѣшанныхъ въ эту исторію офицеровъ изъ другихъ полковъ, стоявшихъ во Франціи.

Когда мы пришли въ Россію и полкъ нашъ расположился на зимнихъ квартирахъ, въ Литвѣ, я отправился въ Малороссію.

Пріѣхавъ въ Кіевъ въ коляскѣ, я узналъ, что черезъ Днѣпръ въ данную минуту опасно переправляться, вслѣдствіе чего я принужденъ былъ остаться ночевать въ Кіевѣ. Это было въ концѣ февраля.

Поутру я взялъ проводниковъ и отправился черезъ Днѣпръ въ коляскѣ, не смотря на то, что меня уговаривали лучше перейти его пѣшкомъ. Передъ тѣмъ я только что простудился и потому боялся идти по льду пѣшкомъ, чтобы не заболѣть.

Когда я переѣзжалъ, то впереди шли человѣка четыре, ощупывая ледъ баграми. Переѣздъ совершился благополучно.

Подъ гор. Козельцемъ оказались чрезвычайно большіе снѣга, и я съ большимъ трудомъ доѣхалъ до Куношевки; тамъ я переночевалъ и на другой день, оставивъ коляску въ Куношевкѣ, въ саняхъ, на перекладныхъ поѣхалъ дальше.

Выѣхавъ въ 4 часа утра изъ Куношевки, я пріѣхалъ въ Ярославецъ къ концу обѣдни.

Братъ мой Демьянъ Васильевичъ, выходя изъ церкви, увидѣлъ, что я ѣду, и подбѣжалъ къ санямъ.

Въ Ярославцѣ во время моего отсутствія произошли слѣдующія событія. Братъ мой Василій Васильевичъ посватался къ Варварѣ Николаевнѣ Рахмановой, которая жила у матери своей въ Бобрикахъ-Харьковской губерніи. Василій Васильевичъ познакомился со своей невѣстой черезъ посредство нашего родственника Смагина, который, бывая у насъ въ Ярославцѣ, часто говаривалъ, что Варвара Николаевна Рахманова прекрасная дѣвушка и что она была бы хорошей партіей для Василія Васильевича. Братъ съѣздилъ въ Бобрики, посватался, и въ 1820 году состоялась въ Бобрикахъ его свадьба. Я присутствовалъ на этой свадьбѣ, потому что всю эту зиму провелъ въ отпуску.

Въ томъ же 1820 году черезъ Ярославецъ проходилъ съ полкомъ полковникъ Алексѣй Ивановичъ Маюровъ, весьма красивый и умный человѣкъ. Маюровъ учился въ Политехнической школѣ въ Парижѣ, а потомъ былъ профессоромъ института Путей Сообщенія.

Въ Политехническую школу онъ поступилъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ, которые послѣ Тильзитскаго мира были посланы въ Парижъ для окончанія своего образованія. Особое попеченіе о немъ имѣлъ Румянцевъ, бывшій до Принца Ольденбургскаго министромъ Коммерціи и начальникомъ Путей Сообщенія. Не знаю по какому случаю Румянцевъ такъ заботился о немъ, по родству или по знакомству, только Маюровъ былъ воспитанъ въ какомъ то заведеніи, находящемся подъ покровительствомъ Румянцева. Маюровъ былъ хорошо

знакомъ съ математикой и химіей и написалъ даже нѣсколько ученыхъ трактатовъ, изъ которыхъ часть была напечатана на французскомъ языкѣ.

Въ то время, когда были выписаны французскіе инженеры для того, чтобы образовать штатъ учителей для вновь открывавшагося Института Путей Сообщенія, устроеннаго Бетанкуромъ, то между прочими опредѣленъ туда былъ преподавателемъ и Маюровъ.

Въ 1813—1814 г. онъ дѣлалъ кампаніи при Бернадотѣ-Шведскомъ наслѣдномъ принцѣ, который впослѣдствіи былъ выбранъ королемъ.

Послѣ того Маюровъ возвратился въ Петербургъ и въ 1815 году женился на богатой дѣвицѣ Кушелевой, отъ которой и имѣлъ дочь; но жена его вскорѣ послѣ родовъ умерла отъ чахотки.

Не знаю почему-то Маюровъ былъ въ немилости у Государя Александра Павловича и доступа къ нему не имѣлъ. Желая вѣроятно расположить Государя въ свою пользу, Маюровъ пожелалъ вступить въ фронтовую службу и получилъ егерскій армейскій полкъ. Когда этотъ полкъ поступилъ во вторую армію и проходилъ черезъ Малороссію, то полку была назначена дневка въ Ярославцѣ. Мы сбирались съ матушкой ѣхать на богомолье въ Ахтырку, какъ вдругъ получаемъ извѣстіе, что въ Ярославецъ идетъ полкъ Маюрова. Матушка отложила поѣздку для того, чтобы остаться хозяйничать, и мы помѣстили полковника у себя въ домѣ; онъ со своей стороны былъ такъ любезенъ, что прика-

залъ полковымъ музыкантамъ играть у насъ. На другой день онъ ушелъ съ полкомъ, а мы отправились на богомолье къ Ахтырской Божіей Матери. Я помню, что тогда разсказывали за достовѣрное такого рода исторію, случившуюся въ прошломъ вѣкѣ. Вдова какого то генерала, будучи на богомольѣ, заболѣла и, имѣя при себѣ двухъ дочерей, очень заботилась о ихъ судьбѣ. Говорили, что будто Богородица ей явилась и сказала:—„Не тужи и не горюй, я принимаю твоихъ дочерей подъ Свое покровительство". Этотъ же самый сонъ приснился и Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая вслѣдствіе этого приняла ко двору обѣихъ дочерей генеральши. Фамилію генеральши я забылъ, но знаю, что одна изъ дочерей вышла замужъ за Чернышева, а другая за Панина.

Сестра моя Елена Васильевна была ужъ взрослая дѣвушка, и матушка наша очень сокрушалась, что она не выходитъ замужъ. Матушка ее очень любила, такъ какъ она была единственная дочь и хотѣла бы устроить ее счастіе при жизни. Жениховъ у моей сестры было много, и даже былъ одинъ, который ей нравился, но матушка о немъ и слышать не хотѣла,—это былъ Николай Гудовичъ.

Между тѣмъ Алексѣй Ивановичъ Маюровъ, пріѣхавъ въ Тульчинъ, написалъ моему брату Василію Васильевичу письмо, благодаря за пріемъ, который ему сдѣлали, и прося передать его благодарность матушкѣ и сестрѣ. Тутъ, между прочимъ, онъ упоминалъ о томъ, что про-

ходя черезъ Малороссію, повсюду слышалъ самые лестные отзывы о добродѣтеляхъ и умѣ моей сестры. Мы немножко посмѣялись надъ сестрой и потомъ забыли объ этомъ. Я уѣхалъ въ полкъ.

Вскорѣ я получилъ письмо отъ сестры, гдѣ она писала мнѣ, что къ нимъ пріѣзжалъ какой-то князь Козловскій, который ищетъ ея руки. Она писала, что нельзя сказать, чтобъ онъ ей нравился, но какъ кажется человѣкъ онъ очень хорошій. Сестра спрашивала моего мнѣнія, и я отвѣтилъ ей, что совѣтую принять предложеніе Козловскаго, если онъ дѣйствительно хорошій человѣкъ.

Но вдругъ я отъ сестры получаю слѣдующе письмо:— „Моя судьба рѣшена, я выхожу замужъ за Алексѣя Ивановича Маюрова“. Это было кажется черезъ два года послѣ перваго знакомства съ Маюровымъ.

Сватовство устроилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ перваго посѣщенія, какъ я сказалъ выше, Маюровъ началъ переписываться съ братомъ Василіемъ Васильевичемъ, и вдругъ въ 1820 году, въ день Рождества Христова, Маюровъ явился самъ въ Ярославецъ просить руки Елены Васильевны, при чемъ сообщилъ матушкѣ, что имѣетъ дочь отъ первой жены.

Предложеніе его было принято; Маюровъ уѣхалъ и послѣ того цѣлый годъ о немъ не было ни слуху ни духу, такъ что матушка начала ужъ подумывать, чтобъ ему отказать. Но дѣло уладилось при новомъ пріѣздѣ Маюрова въ Ярославецъ въ 1822 г.

Братъ мой Демьянъ Васильевичъ оставилъ фронтовую

службу и опредѣлился по особымъ порученіямъ при графѣ Аракчеевѣ. Тогда шло дѣло объ учрежденіи военныхъ поселеній, и графъ Аракчеевъ часто употреблялъ брата по своимъ порученіямъ и, наконецъ, назначилъ его состоять при вновь поселенной уланской дивизіи—при генералѣ Лисеневичѣ. Въ это время взбунтовался Чугуевскій уланскій полкъ. Для усмиренія его присланы были войска, и хотя чугуевцы скоро покорились, но тѣмъ не менѣе, зачинщики были преданы суду и строго наказаны. Это несчастное дѣло произвело столь тягостное впечатлѣніе на моего брата Демьяна Васильевича, что онъ немедленно перешелъ въ гражданскую службу и опредѣлился по министерству Финансовъ въ комиссію погашенія долговъ.

Братъ мой Александръ Васильевичъ пожелалъ быть въ числѣ чиновниковъ, отправлявшихся во Францію для занятія мѣстъ префектовъ въ городахъ, занятыхъ русскими войсками. Но когда онъ прибылъ во Францію, тогда распоряженіе о назначеніи русскихъ префектовъ было отмѣнено, и братъ послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Парижѣ, возвратился въ Петербургъ и перемѣнилъ родъ службы, опредѣлившись въ министерство Юстиціи. Министромъ тогда былъ Трощинскій, который къ брату А. В. очень благоволилъ, и въ скоромъ времени онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената.

Теперь я обращусь къ дальнѣйшимъ событіямъ моей жизни. По возвращеніи изъ Франціи, я, до прибытія

полка изъ Литвы, оставался въ Ярославцѣ. Вторая драгунская дивизія переведена была въ Воронежскую губернію, и полку нашему была назначена квартира въ селѣ Бѣлогорьѣ, на берегу Дона, въ Острогорскомъ уѣздѣ.

Когда мнѣ дали знать, что полкъ уже прибылъ на мѣсто, я тотчасъ же туда поѣхалъ.

Дивизіей командовалъ нашъ дивизіонный начальникъ А. Бенкендорфъ *), но я его ужъ не засталъ, потому что онъ отозванъ былъ въ Петербургъ и назначенъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, а на мѣсто его дивизіоннымъ начальникомъ опредѣленъ былъ мой прежній начальникъ генералъ Ридигеръ.

Когда мы ему представлялись, то онъ, подойдя ко мнѣ, припомнилъ нашу службу вмѣстѣ. Надобно знать, что Ридигеръ былъ тогда не въ милости у Государя. Послѣ окончанія кампаніи Ридигеръ былъ начальникомъ 1-й гусарской дивизіи, и не знаю какъ то случилось, что Государь во время смотра нашелъ эту дивизію въ дурномъ состояніи и остался весьма не доволенъ. За это Ридигеръ былъ отрѣшенъ отъ командованія гусарскою дивизіею, но по прежнимъ его блестящимъ заслугамъ и по ходатайству начальника штаба первой арміи Дибича, онъ былъ въ скоромъ времени, какъ я сказалъ выше, назначенъ дивизіоннымъ начальникомъ 2-й драгунской дивизіи. Желая, по всей вѣроятности,

*) Впослѣдствіи пожалованный Императоромъ Николаемъ графомъ.

исправить свою репутацію и найдя Тверской полкъ въ дурномъ состояніи, онъ съ большимъ усердіемъ принялся за его исправленіе и, не смотря на прежнюю дружбу его съ полковникомъ Набелемъ, онъ столько ему сдѣлалъ непріятностей, что Набель просилъ уволить его отъ командованія полкомъ и дать мѣсто коменданта. Просьбу Набеля уважили, и онъ получилъ назначеніе въ Тирасполь.

Такъ какъ я былъ старшимъ штабъ-офицеромъ, то по всей справедливости, слѣдовало мнѣ быть назначеннымъ командующимъ полкомъ. Но Ридигеръ, хотя и казался въ то время ко мнѣ расположеннымъ, но не понадѣялся на мою строгость и вызвалъ изъ другаго полка подполковника Бурхграфа, котораго считалъ хорошимъ фронтовикомъ и строгимъ начальникомъ. На повѣрку вышло, что Бурхграфъ этотъ былъ горькій пьяница, который испортилъ бы совершенно полкъ, еслибъ остался тамъ подольше.

Я же, находясь въ такомъ фальшивомъ положеніи, отпросился, подъ предлогомъ болѣзни, въ безсрочный отпускъ, для леченія минеральными водами на Кавказѣ. Моя просьба была уважена, отпускъ я получилъ, но на Кавказъ не поѣхалъ, а воротился на свою родину. Это было въ концѣ 1821 года.

Въ 1822 году, спустя почти годъ послѣ сватовства, является въ Ярославецъ Маюровъ, вмѣстѣ со своею дочерью, и вскорѣ послѣ его пріѣзда состоялась его свадьба съ моей сестрой. Они также, какъ и братъ Ва-

силій Васильевичъ со своей женой, оставались въ Ярославцѣ, пока строились ихъ дома, и потому жизнь у насъ текла весело и пріятно. Я пробылъ въ Ярославцѣ всю зиму.

Весной я получилъ изъ Петербурга отъ братьевъ извѣстіе, что Государь назначилъ смотръ нашему корпусу въ Козловѣ и что они мнѣ совѣтуютъ непремѣнно прибыть въ корпусъ, такъ какъ главнокомандующій обѣщалъ, что въ случаѣ Государь будетъ доволенъ смотромъ, то я буду произведенъ въ полковники.

Я тотчасъ-же отправился, но уже не засталъ полка въ Острогорскомъ уѣздѣ; онъ пошелъ въ сборное мѣсто — въ Козловъ Тамбовской губерніи.

Пріѣхавъ въ Козловъ и явившись къ генералу Ридигеру, я въ немъ нашелъ странную перемѣну: вмѣсто того, чтобъ поблагодарить меня за усердіе, онъ сказалъ мнѣ, что затрудняется меня показать Государю, такъ какъ я считаюсь въ безсрочномъ отпуску.

Получивъ такой странный отзывъ Ридигера, я обратился къ генералу Дибичу, находившемуся тоже въ Козловѣ. Дибичъ весьма удивился затрудненію Ридигера и сказалъ мнѣ, что беретъ на себя объяснить о моемъ прибытіи Государю и причисляетъ меня опять на службу.

И вотъ я принялся снова за фронтовую службу. На бѣду погода была ужасная: ежедневные проливные дожди затрудняли маневры, и мы уже начинали думать, что Государь останется не доволенъ. Но къ счастію за нѣсколько дней до пріѣзда Государя погода перемѣнилась;

поля обсохли, и наши смотры и маневры удались отлично. Государь остался очень доволенъ, обласкалъ Ридигера, благодарилъ всѣхъ полковниковъ, такъ что я наконецъ возъимѣлъ надежду, что буду произведенъ.

Послѣ нашего смотра Государь поѣхалъ въ Воронежъ дѣлать смотръ первому кавалерiйскому корпусу, подъ командою Бороздина. Генералъ Ридигеръ тоже поѣхалъ туда. На прощаньѣ онъ мнѣ сказалъ слѣдующiя слова:— „Послушайте, Аркадiй Васильевичъ, вы знаете, какъ мнѣ нужно оправдать себя въ глазахъ Государя, но не смотря на то, прежде чѣмъ думать о себѣ, я о васъ буду хлопотать".

Я его поблагодарилъ и, обнадеженный такими словами, попросилъ у него позволенiя воспользоваться опять отпускомъ. Онъ и на это изъявилъ согласiе.

По пути въ Ярославецъ, я заѣхалъ въ Воронежъ, надѣясь тамъ узнать свою участь. Тамъ я нашелъ моего друга Николая Прокофьевича Пражевскаго, который управлялъ канцелярiею главнокомадующаго графа Сакена. Пражевскiй разсказалъ мнѣ, что графъ Ламбертъ, зная нашу дружбу, сказалъ ему, пронося мимо него представленiя къ главнокомандующему: „Вотъ, Николай Прокофьевичъ, и нашъ Кочубей тоже здѣсь". Но къ удивленiю Пражевскаго, онъ, разбирая представленiя, имени моего не нашелъ, но не смотря на то все-таки надѣялся, что Сакенъ это исправитъ. Сакенъ прiѣхалъ прежде Государя и, когда меня ему представили, то онъ меня обласкалъ сказавъ, что онъ знаетъ, зачѣмъ я прi-

ѣхалъ и что онъ постарается какъ нибудь исправить ошибку. Между тѣмъ Государь всѣ представленія утвердилъ, а я остался опять не причемъ.

Бурхграфъ былъ произведенъ въ полковники, но не получилъ Тверскаго полка, полковымъ командиромъ котораго назначенъ былъ Христофоръ Александровичъ Бринкенъ, нашъ сосѣдъ по Згуровкѣ. Бринкенъ служилъ прежде въ Семеновскомъ полку, но любя очень лошадей и верховую ѣзду, онъ просился въ кавалерію и его назначили сперва въ конно-егерскій Переяславскій полкъ.

Меня, какъ я достовѣрно узналъ потомъ, въ первый разъ въ спискѣ представленій совсѣмъ не было, а во второй разъ Сакенъ хотя просилъ Государя лично,—Государь ему отказалъ. Государь былъ недоволенъ тогда смотромъ кирасирской дивизіи, произведеннымъ въ Орлѣ, при чемъ даже уволилъ корпуснаго командира Корфа. По этому случаю, когда Сакенъ представилъ ему рапортъ о драгунской дивизіи, то Государь не хотѣлъ принять ни какихъ представленій говоря:—„Меня увѣрили, что кирасирская дивизія находится въ самомъ блестящемъ положеніи, а что же оказалось?—въ такомъ состояніи могутъ быть и другія дивизіи“. Такимъ образомъ послѣ перваго смотра произвели весьма многихъ офицеровъ, между прочимъ Бурхграфа, о которомъ я говорилъ выше, и Зыбина, извѣстнаго картежника, а послѣ втораго смотра не произвели рѣшительно никого.

Въ досадѣ я рѣшился снова воспользоваться без-

срочнымъ отпускомъ и уѣхалъ въ Ярославецъ, гдѣ въ семейномъ кругу забылъ и свою досаду, и свои неудачи.

Въ то время, осенью, невѣстка моя Варвара Николаевна родила дочь Елизавету Васильевну. — Прошла зима.

Весною въ 1824 году я получилъ извѣстіе отъ моего друга Николая Прокофьевича Пражевскаго о томъ, что генералъ Дибичъ убѣждаетъ меня опять возвратиться въ полкъ, такъ какъ въ теченіе лѣта будетъ опять смотръ нашей дивизіи, и что главнокомандующій Сакенъ обѣщаетъ непремѣнно ходатайствовать о моемъ производствѣ. Нечего дѣлать, я рѣшился еще разъ попытать счастье и поѣхалъ въ полкъ, который стоялъ тогда въ Старомъ Осколѣ Курской губерніи. Оттуда я отправился въ дивизіонную квартиру въ городъ Острогорскъ. Генералъ Ридигеръ принялъ меня весьма радушно, началъ объяснять мнѣ отъ чего послѣдовала моя неудача, говоря, что онъ теперь употребитъ ужъ всѣ свои старанія, чтобы устранить всѣ препятствія къ моему производству. Въ заключеніе онъ предложилъ мнѣ составить учебную команду, которой начальникомъ обѣщалъ назначить меня. Ридигеръ думалъ дать мнѣ этимъ средствомъ оказать особое отличіе.

Я отвѣчалъ Ридигеру, что я не фронтовикъ и потому не могу взять на себя этой команды. Притомъ же я далъ замѣтить ему, что средство это довольно изношеное, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, при послѣднемъ смотрѣ, два офицера уже произведены за отличіе

въ учебной командѣ и что тутъ навѣрно произойдетъ точно такая же неудача, какъ и въ прошломъ году.

Наконецъ, дивизія опять была собрана въ Острогорскѣ, и сюда прибылъ графъ Сакенъ.

Сдѣлавъ осмотръ, онъ остался очень доволенъ и, подозвавъ меня объявилъ, что будетъ непремѣнно стараться о моемъ производствѣ.

По окончаніи смотра я уѣхалъ въ Ярославецъ, но узнавъ, что Государь пріѣхалъ въ Орелъ осматриватъ кирасирскій корпусъ, я поѣхалъ туда напомнить о себѣ и узналъ, что Государь не уважилъ представленія Сакена и снова отказалъ въ моемъ производствѣ.

Тогда я уже окончательно рѣшился выйти въ отставку и получилъ ее 20-го Марта 1824 года.

Около того же времени и братъ мой Демьянъ Васильевичъ вышелъ въ оставку изъ Министерства Финансовъ, гдѣ служилъ въ послѣднее время, и пріѣхалъ въ Ярославецъ помогать матушкѣ въ управленіи имѣніями; матушка уже была довольно стара и затруднялась управленіемъ.

Почти въ то время, какъ я вышелъ въ отставку, генералъ Ридигеръ былъ назначенъ дивизіоннымъ начальникомъ 3-й гусарской дивизіи, во 2-й арміи графа Витгенштейна. Зиму съ 1824 по 1825 годъ я провелъ въ Ярославцѣ очень пріятно: днемъ занимался чтеніемъ, а по вечерамъ игралъ съ матушкой въ карты. Насъ часто посѣщали сосѣди и, между прочими, были веселые молодые люди: братья Родзянко и Яковъ Петровичъ Скоропад-

скій. Родзянко оба брата влюбились въ мою двоюрдную сестру Ульяну Григорьевну Туманскую, но она обоимъ имъ отказала. Правда, что они оба были весьма не красивы, но зато одарены талантами: одинъ изъ нихъ, Аркадій, былъ поэтъ-стихотворецъ, а другой, Порфирій — очень хорошій музыкантъ.

При наступленіи весны я получилъ отъ братьевъ письмо, которымъ они меня увѣдомляли, что дядя Викторъ Повловичъ, который, по причинѣ болѣзни своей дочери Анны Викторовны, всю зиму провелъ въ Таганрогѣ, намѣренъ весною прибыть въ Диканьку. Въ виду этого извѣстія, *) я съ братомъ Василіемъ Васильевичемъ собрался ѣхать въ Диканьку, чтобы посѣтить нашего почтеннаго дядю Виктора Павловича Кочубея. Вмѣстѣ съ дядей пріѣхала въ Диканьку племянница графини Кочубей, княжна Софья Николаевна Вяземская. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Софья Николаевна имѣла несчастіе лишиться матери; тетка ея, графиня Марья Васильевна Кочубей, по родству приняла къ себѣ ее и старшую ея сестру Анну Николаевну, которая вскорѣ послѣ того времени вышла замужъ за князя Михаила Голицына. Софью Николаевну какъ ни уговаривали родные остаться въ Петербургѣ, когда графъ и графиня Кочубей съ дочерью уѣзжали въ Крымъ, но она, по привязанности къ теткѣ, поѣхала туда вмѣстѣ съ ними. Этотъ поступокъ Софьи Николаевны такъ понравился

*) Въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

ея дѣду, графу Петру Кирилловичу Разумовскому, что при смерти своей онъ вспомнилъ о ней и записалъ ей часть своего имѣнія въ Малороссіи, такъ называемой Быковской волости.

Когда Кочубеи ѣхали въ Крымъ, то больная дочь графини не могла переносить ѣзды въ каретѣ, и они должны были ѣхать водою въ Таганрогъ. Это было любопытное путешествіе. (Софья Николаевна вела журналъ этого путешествія, сохранившійся и до сихъ поръ). Они ѣхали черезъ Ладожскій каналъ и потомъ переѣзжали изъ Сарепты къ тому мѣсту, гдѣ Волга подходитъ къ Дону; на Дону были заготовлены для нихъ особыя барки, по приказанію Императора Александра Павловича, изъ особенной любезности къ графинѣ Кочубей, которую онъ всегда очень уважалъ.

Живя въ Диканькѣ, при ежедневномъ свиданіи, я не могъ не замѣтить прекрасныхъ качествъ княжны Вяземской и не могъ остаться къ ней равнодушнымъ. Она была очень хороша собою и очень добра. Получивъ отъ дѣда Разумовскаго хорошее состояніе, она тотчасъ же стала думать о томъ, какъ бы помочь своимъ бѣднымъ родственникамъ и знакомымъ.

Короче сказать, княжна мнѣ очень нравилась, и у меня родилась мысль искать ея руки. Но меня останавливало одно соображеніе: я опасался, чтобы не подумали, что я увлеченъ корыстью и потому, прежде всего, я обратился къ тетушкѣ, прося ея совѣта. На это тетушка мнѣ отвѣчала, что она очень бы желала сама,

чтобы я женился на ея племянницѣ, но что, по родству со мною, она не можетъ принять на себя сватовства, тѣмъ болѣе, что Софья Николаевна сама въ совершенныхъ лѣтахъ и потому совѣтовала мнѣ лучше самому объясниться съ нею.

На первыхъ порахъ это меня очень озадачило. Я боялся отказа и потому нѣсколько времени не рѣшался приступить къ объясненію, хотя и замѣчалъ, что княжна не была ко мнѣ равнодушна.

Собравшись съ духомѣ, я объяснился съ княжною, и надо сказать, что это было престранное объясненіе. Софья Николаевна была изумлена, но однакожъ дала согласіе. Мы въ радости сейчасъ же побѣжали къ тетушкѣ, объявить ей о нашей взаимной любви. Но тутъ нашему счастію случилась новая преграда: тетушка объявила рѣшительно, что она очень рада этому союзу, но что княжна имѣетъ отца и безъ его согласія она ничего не можетъ сдѣлать. Поэтому она совѣтовала мнѣ сейчасъ же написать письмо къ князю Вяземскому, а между тѣмъ настаивала, чтобы я немедленно уѣхалъ изъ Диканьки. Съ смущеннымъ сердцемъ, я возвратился въ Ярославецъ вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ Васильевичемъ, въ нетерпѣніи ожидая отвѣта отъ князя Вяземскаго.

Чтобы немного развлечь себя, я поѣхалъ на ярмарку въ Ромны; но побывши тамъ одинъ день, отправился дальше въ Полтаву, гдѣ и намѣренъ былъ ожидать рѣшенія своей судьбы. На первой станціи отъ Роменъ,

почтовый смотритель вручилъ мнѣ письмо, которое дядя мой Викторъ Павловичъ, проѣзжая изъ Берестовки, оставилъ на станціи. Это письмо было отъ моей невѣсты, которая увѣдомляла меня, что отецъ ея даетъ согласіе на нашъ бракъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я летѣлъ въ Диканьку. Нѣтъ словъ, чтобъ описать наше первое свиданіе. Затѣмъ дѣло пошло уже о свадьбѣ.

Дядя мой Викторъ Павловичъ съ женой, по случаю болѣзни бѣдной Annette *), должны были ѣхать немедленно въ Одессу, чтобы провести тамъ зиму, а весною ѣхать въ чужіе края. Они находили затрудненіе сыграть свадьбу въ Диканькѣ въ такое короткое время, потому что надо было еще изготовить приданое и достать экипажъ.

Въ это время пріѣхала въ свое имѣніе Карловку графиня Разумовская, которая ѣхала за границу и въ Карловкѣ была проѣздомъ; она предложила свое содѣйствіе, и съ ея помощію все уладилось: она распорядилась послать въ Ромны (гдѣ еще въ то время продолжалась ярмарка), и оттуда привезли все необходимое; карету я купилъ у Семена Михайловича Кочубея,—своего внучатнаго брата. Такимъ образомъ порѣшили, что свадьба будетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но не менѣе того нашли приличнымъ до тѣхъ поръ разлучить жениха съ невѣстою, и графиня Разумовская увезла мою невѣсту въ Карловку.

---

*) Анна Викторовна умерла на слѣдующій годъ.

15-го августа въ Карловкѣ былъ храмовой праздникъ, и я подъ этимъ предлогомъ поѣхалъ туда.

Къ этому празднику тамъ обыкновенно приготовлялись свадьбы. Въ этотъ день происходило вѣнчаніе двадцати крестьянскихъ паръ. Графиня всѣмъ имъ сдѣлала приданое: давала пару воловъ, телегу, денегъ и все хозяйство. Послѣ вѣнчанія происходилъ пиръ: играла музыка, и всѣ новобрачные, въ нарядахъ, проѣзжали мимо графини на новыхъ возахъ, запряженныхъ волами.

Послѣ праздника я возвратился въ Диканьку, гдѣ къ свадьбѣ уже собралось большое общество: пріѣхалъ братъ Василій Васильевичъ съ женой, сестра Елена Васильевна Маюрова съ мужемъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ съ женою Натальей Викторовной, Елизавета Михайловна Фролова-Багрѣева (дочь Сперанскаго) со своимъ супругомъ и многіе другіе родственники и знакомые. Тѣмъ не менѣе я оставилъ это общество и поѣхалъ на нѣсколько времени въ Ярославецъ, чтобъ сдѣлать тамъ нужныя приготовленія для принятія моей жены и воротился въ Диканьку только въ первыхъ числахъ сентября.

Вѣнчаніе наше состоялось 15-го сентября 1824 года, въ домовой церкви.

Послѣ свадьбы Викторъ Павловичъ непремѣнно требовалъ, чтобы я опять поступилъ на службу. Самъ онъ былъ тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, но находился въ отпуску, а Ланской временно управлялъ министерствомъ.

Мы уговорились, что я уѣду на короткое время въ Ярославецъ, чтобы дать время женѣ моей познакомиться съ матушкой, а графъ Кочубей съ женою поѣдутъ въ Одессу. Но такъ какъ графиня Кочубей хотѣла видѣться со своей теткой Натальей Кирилловной Загряжской, которая ей заступила мѣсто матери, то она изъ Одессы должна была непремѣнно ѣхать въ Петербургъ проститься съ теткой. Мы условились, что я съ женою пріѣду въ Черниговъ къ ней на встрѣчу, и мы вмѣстѣ отправимся въ Петербургъ.

Я не стану описывать радость, съ какою моя добрая мать приняла меня и мою жену, и хотя мы провели въ деревнѣ очень короткое время, тѣмъ не менѣе моя жена тамъ совершенно освоилась: привязалась къ моей матери и подружилась съ сестрой и невѣсткой.

Согласно условію, въ первыхъ числахъ октября я отправился съ женой въ Черниговъ, гдѣ мы уже застали графиню Кочубей, которая начинала отчаяваться, что мы не пріѣдемъ.

Въ это время тамъ была ужъ глубокая осень: дороги вездѣ были испорчены, шоссейныхъ дорогъ тогда еще не существовало.

Въ это время губернаторомъ въ Черниговѣ былъ мой родственникъ Александръ Алексѣевичъ Фроловъ-Багрѣевъ. Этотъ Багрѣевъ, будучи въ отпуску въ Петербургѣ, женился тамъ на дочери извѣстнаго Сперанскаго—Елизаветѣ Михайловнѣ. Послѣ свадьбы онъ пріѣхалъ къ намъ въ имѣніе, чтобы познакомить жену свою

съ матушкой. Елизавета Михайловна была умная и милая женщина и, хотя не хороша собой, но была въ то время еще весьма свѣжа; казалось, супруги очень любили другъ друга, но впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Петербургъ, жили въ разладѣ.

Что касается до Багрѣева, то это былъ большой простакъ: какъ въ пансіонѣ аббата Николь, такъ равно и въ то время, когда онъ былъ губернаторомъ, надъ нимъ всѣ смѣялись. Впрочемъ, онъ былъ добродушенъ и не злопамятенъ. Мнѣ извѣстенъ слѣдующій о немъ анекдотъ.

Объѣзжая свою губернію, Багрѣевъ проѣздомъ былъ въ городѣ Конотопѣ, гдѣ на улицѣ загрузили его экипажъ. Онъ ужасно взбѣсился, подозвалъ старика городничаго, который лѣтъ ужъ двадцать исполнялъ эту должность, и сталъ его бранить, но городничій преспокойно отвѣтилъ Багрѣеву:

— Ваше Превосходительство, да вы знаете въ какомъ городѣ находитесь?

— Ну что жъ,—въ Конотопѣ, кажется.

— Да это и значитъ, что тутъ коней топятъ, оттого городъ и называется Конотопомъ, — отвѣчалъ ему городничій.

Багрѣевъ, не смотря на свой гнѣвъ, не могъ не улыбнуться на эту выходку городничаго, и тѣмъ дѣло кончилось. Возвращаюсь къ своему разсказу.

Тетушка Марья Васильевна и я съ моей женой ѣхали въ ея каретѣ, а въ моей каретѣ ѣхали наши горничныя.

Каждую ночь мы проводили на станціяхъ; впереди насъ ѣхали курьеры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и вездѣ заготовляли намъ квартиры и лошадей. Поваръ графини ѣхалъ также впереди насъ, и мы каждый вечеръ находили на станціи готовый обѣдъ.

Не смотря на то, что мы ѣхали довольно долго, мы совершенно нечувствительно доѣхали до Петербурга.

Проѣзжая черезъ Царское Село, мы тамъ остановились на одинъ день въ домѣ графа Кочубея *).

Императоръ Александръ Павловичъ былъ тогда въ Царскомъ Селѣ и, узнавши о пріѣздѣ графини, тотчасъ же пріѣхалъ къ ней.

Когда тетушка объявила ему, что выдала замужъ свою племянницу и на вопросъ его: „за кого?“ — отвѣтила: „за Кочубея“, то онъ на нее такъ странно посмотрѣлъ, что ей вдругъ стало ясно, какъ сильно Императоръ былъ предубѣжденъ противъ меня.

Въ Петербургѣ братья приготовили мнѣ квартиру на Большой Морской, въ домѣ Свистунова, купленномъ потомъ Рибопьеромъ, а затѣмъ Кумбергомъ. Домъ этотъ прежде занималъ Бетанкуръ; но когда онъ умеръ, то вдова его оставила за собою нижній этажъ и отдала бель-этажъ въ наемъ. Мы пріѣхали въ Петербургъ за нѣсколько дней до наводненія.

---

*) Противъ Тріумфальныхъ воротъ. Домъ этотъ впослѣдствіи купленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ; нынѣ образуетъ принадлежность дворца, занимаемаго В. К. Владиміромъ Александровичемъ.

Настало 7 Ноября 1824 года, день столь памятный для Петербурга. Мы въ этотъ день были приглашены къ моей тетушкѣ графинѣ Кочубей. Но вставши по утру съ постели и подошедъ къ окну, я увидалъ, что по срединѣ улицы начала показываться вода. Въ это время возвратился изъ Гостиннаго двора мой дворецкій, ходившій за разными покупками, и объявилъ намъ, что дуетъ сильный западный вѣтеръ и вода въ каналахъ уже значительно поднялась.

Жена моя еще почивала, я ее разбудилъ и сказалъ, что намъ придется обѣдать дома; потомъ позвалъ повара и приказалъ ему заготовить провизіи. Но оказалось, что всѣ лавки были ужь заперты; поваръ не могъ ничего достать, и мы рисковали остаться безъ обѣда. Къ счастію, хозяйка наша, вдова Бетанкуръ, узнавъ, что мы находимся въ такомъ непріятномъ положеніи, прислала приглашеніе къ себѣ на обѣдъ.

Между тѣмъ наводненіе увеличивалось, и въ скоромъ времени на Большой Морской показалась шлюпка, на которой ѣхалъ военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ.

По поводу появленія этой шлюпки случился интересный анекдотъ съ графомъ Варѳоломеемъ Васильевичемъ Толстымъ, жившимъ въ Большой Морской. Графъ Толстой имѣлъ привычку вставать очень поздно. Въ это достопамятное утро, поднявшись съ постели и накинувъ на себя халатъ, онъ еще полузаспанный подошелъ къ окну, и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза —

была шлюпка, съ сидящимъ въ ней графомъ Милорадовичемъ. Увидѣвъ шлюпку, онъ изумился и испугался; протирая себѣ глаза, онъ началъ звать своего камердинера. Тотъ прибѣжалъ къ нему, и графъ, указывая на окно, спросилъ его:

— Что ты видишь?—Генералъ-губернаторъ ѣдетъ на шлюпкѣ,—отвѣчалъ тотъ.—Толстой перекрестился и сказалъ: — Ну, слава Богу, а я думалъ, что я сошелъ съ ума.

Другой случай въ день наводненія былъ съ какимъ-то Яковлевымъ: онъ прогуливался по городу, и когда вода начала уже прибывать, спѣшилъ домой; но, подойдя къ дому князя Лобанова (теперешнему Военному Министерству), онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что вода препятствуетъ ему идти далѣе. Для спасенія жизни, Яковлевъ рѣшился взлѣсть на одного изъ львовъ, стоявшихъ у этого дома, и тамъ просидѣлъ все время наводненія.

Вѣтеръ и буря продолжались до восьми или девяти часовъ вечера.

Какъ только вода начала спадать, мы тотчасъ же послали узнать о здоровьѣ братьевъ моихъ и тетушки Натальи Кирилловны Загряжской.

Оказалось, что братья, для того, чтобы спасти своихъ лошадей, принуждены были ввести ихъ во второй этажъ, положивъ въ окно доску; сами же они въ этотъ достопамятный день остались совершенно безъ обѣда.

Въ домѣ князя Кочубея былъ тоже большой наплывъ воды и всѣхъ перетревожилъ; у Натальи Кирил-

ловны Загряжской жила ея дальняя родственница, старая дѣвушка Загряжская, которая такъ испугалась, что легла на полъ и въ такомъ положеніи оставалась цѣлый день.

На другой день мы съ женой поѣхали осматривать разрушенія, причиненныя наводненіемъ: зрѣлище было плачевное. На Царицыномъ лугу мы увидѣли нѣсколько барокъ, занесенныхъ на эту площадь водою. Въ Милліонной встрѣтили мы Государя Александра Павловича, который казался очень встревоженнымъ. Это былъ послѣдній разъ, что я имѣлъ счастіе видѣть Его Величество.

Въ Петербургѣ все очень скоро забывается, и черезъ нѣсколько дней послѣ наводненія жизнь опять приняла обыкновенное свое теченіе. По вечерамъ мы посѣщали общество и театръ.

Графиня Кочубей въ скоромъ времени уѣхала на югъ. Наталья Кирилловна Загряжская осталась въ Петербургѣ одна, и потому мы съ женой часто къ ней ѣздили, обѣдали у нея и проводили вечера. Такъ кончился 1824 годъ.

На новый годъ, чтобы позабавить старушку Наталью Кирилловну, мы накупили рѣдкихъ винъ, поѣхали къ ней и съ ней вмѣстѣ встрѣтили новый 1825 годъ.

Въ началѣ января, не смотря на то, что моя жена была беременна, я рѣшился воротиться въ Ярославецъ, потому что дѣла наши требовали непремѣннаго присутствія моего въ деревнѣ; я еще совсѣмъ не былъ въ

имѣніи своей жены, къ тому же нашъ раздѣлъ еще не состоялся.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, не смотря на увѣщанія родныхъ, мы отправились изъ Петербурга черезъ Москву въ Ярославецъ, гдѣ домашнимъ врачемъ матушки былъ очень хорошій акушеръ-докторъ Тернбергъ.

И такъ въ началѣ января мы отправились въ дорогу. Въ Москвѣ мы остановились на первыхъ порахъ у моей невѣстки (сестры моей жены), княгини Анны Николаевны Голицыной. Домъ этотъ (не далеко отъ Кузнецкаго моста, у Златоустенскаго монастыря) нынѣ Столыпина, прежде принадлежалъ Нелединскому-Мелецкому.

Въ Москвѣ въ это время проживало много родственниковъ моей жены, съ которыми мнѣ надо было познакомиться: Генералъ-губернаторъ Москвы, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, женатый на Васильчиковой (Татьянѣ Васильевнѣ); старуха тетка Болтина и тесть мой, князь Вяземскій. Другая тетка моей жены Охотникова, выдавала въ то время замужъ своихъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла за Комарова, который кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Всѣ эти знакомства и визиты, дѣлаемыя нами, очень утомили насъ, а въ особенности мою жену.

Наконецъ, я объявилъ всѣмъ роднымъ, что мы уѣзжаемъ въ деревню. Всѣ они на меня напустились, говоря, что я буду отвѣчать Богу за то, что везу жену

въ такомъ положенiи въ деревню. Всѣ они такъ меня убѣждали, что я счелъ за лучшее, чтобы не прослыть тираномъ, остаться въ Москвѣ.

Добрая наша тетушка Болтина, на время своего отсутствiя въ деревню, отдала намъ свой домъ.

Лѣтомъ Москва совершенно опустѣла, и я съ женой жилъ въ совершенномъ уединенiи. Жена моя переносила беременность свою довольно хорошо; мы познакомились съ акушеромъ и съ повивальной бабкой.

17-го iюня въ полдень жена почувствовала приближенiе родовъ; послали за повивальной бабкой, и на всякiй случай я позаботился пригласить акушера.

Разрѣшенiе шло медленно, и повивальная бабка даже объявила, что у моей жены не будетъ достаточно силъ, чтобы разрѣшиться отъ бремени. Я позвалъ акушера, не помню теперь его фамилiю, только помню, что онъ имѣлъ дурную привычку пить по вечерамъ слишкомъ много пунша и потому, бывъ позванъ вечеромъ, онъ оказался немножко на веселѣ. Тѣмъ не менѣе онъ выписалъ лекарство для возбужденiя силъ моей жены, но дѣло все не подвигалось. Наконецъ, акушеръ объявилъ мнѣ, что считаетъ нужнымъ употребить инструментъ. Я очень испугался, но такъ какъ онъ настаивалъ на этомъ и продолжалъ увѣрять, что у жены не хватитъ силъ, то я рѣшился дозволить употребить это средство. Не могу описать затѣмъ чувство радости, охватившее меня, когда я услышалъ первый крикъ новорожденнаго ребенка. У меня родился сынъ Петръ.

Тесть мой прислалъ изъ деревни четырехъ кормилицъ, изъ числа которыхъ мы выбрали весьма плохую:—когда пришлось кормить, то у нея не оказалось молока. Наконецъ, ужъ изъ деревни жены графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго привезли женщину вполнѣ хорошую,—добрую, здоровую и красивую.

Всѣ эти тревоги были причиной тому, что три дня спустя послѣ разрѣшенія жены, я самъ занемогъ лихорадкой.

Воспріемнымъ отцемъ моего новорожденнаго сына былъ тесть мой, князь Вяземскій, а воспріемной матерью графиня Марія Григорьевна Разумовская. Ихъ на лицо не было, и за Разумовскую была княгиня Анна Николаевна Голицына, а за Вяземскаго—NN.

Не смотря на трудные роды, жена моя скоро начала поправляться; моя болѣзнь тоже прошла, и мы черезъ шесть недѣль отправились въ Малороссію. Пріѣхавъ въ Ярославецъ, мы застали матушку совершенно здоровою и зажили съ ней вмѣстѣ спокойно и счастливо. Маюровъ съ сестрой моей жили тоже въ Ярославцѣ, а братъ Василій Васильевичъ въ то время устроилъ уже свой домъ въ Дубовичахъ и жилъ тамъ, хотя очень часто пріѣзжалъ къ намъ въ Ярославецъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Малороссію я поѣхалъ принимать Згуровку, имѣніе моей жены, которое до тѣхъ поръ было въ управленіи дяди нашего Васильчикова, а завѣдывалъ имъ управитель Васильчикова Фанкукъ.

Въ Козельцѣ жилъ тогда помѣщикъ Стноевскій, ко-

торый зналъ межевую часть, и въ Ярославцѣ снималъ планъ съ земли. Это дало мнѣ случай познакомиться съ г. Стноевскимъ. Я просилъ Стноевскаго поѣхать со мною въ Згуровку. Я нашелъ имѣніе отличнымъ: почва чисто черноземная, но хозяйство находилось въ большомъ безпорядкѣ: изъ построекъ была всего одна изба, которую занимали приказчикъ и писарь. Проживъ дня два или три въ Згуровкѣ, въ этой избѣ, я уѣхалъ, не сдѣлавъ пока никакихъ измѣненій и оставивъ имѣніе въ управленіи г. Фанкука.

Зимою того же года я ѣздилъ снова въ Згуровку вмѣстѣ съ женою, и мы останавливались въ Быковѣ, такъ какъ въ Згуровкѣ намъ нельзя было жить съ женою по недостатку помѣщенія. Пріѣхавъ въ Згуровку, я представилъ крестьянамъ ихъ владѣтельницу и сдѣлалъ имъ обѣдъ.

Поѣздка опять ограничилась однимъ осмотромъ, и мы воротились въ Ярославецъ. Но тутъ ужъ я увидалъ, что такимъ образомъ имѣніе не можетъ быть управляемо и уговорилъ Стноевскаго принять на себя должность управляющаго.

Лѣтомъ 1825 года мы узнали, что Императрица очень больна, и что для поддержанія здоровья она рѣшилась ѣхать въ Таганрогъ. Государь тоже ѣхалъ въ Таганрогъ, но отправился туда не по большой дорогѣ, а чрезъ Срединную Буду на Сѣвскъ. Императрица поѣхала черезъ Глуховъ, въ сопровожденіи бывшаго начальника главнаго штаба, князя Волконскаго.

Братъ мой Демьянъ Васильевичъ и я поѣхали въ Глуховъ провѣдать о здоровьѣ Императрицы и видѣлись съ княгиней Волконской, которая сказала намъ, что Государынѣ лучше, но что она никого не принимаетъ.

Когда Государь проѣзжалъ черезъ Срединную Буду, тамъ была ярмарка, и его, какъ разсказываютъ нѣкоторые, видѣли здоровымъ и веселымъ, такъ что онъ даже обратилъ особенное вниманіе на пляску бабъ.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ выѣхалъ на встрѣчу Государю, такъ какъ Срединная Буда—пограничное мѣстечко съ Великороссіей. Государь проѣздомъ заѣзжалъ съ визитомъ къ княгинѣ Барятинской, въ ея село Ивановское.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ къ намъ родственникъ, двоюродный братъ Туманскихъ, Иваненко, и объявилъ, что носится слухъ, будто Государь Александръ Павловичъ скончался. Мы не хотѣли вѣрить этому, думая, что онъ, вѣроятно, ошибается, и что должно быть скончалась Императрица, которая была больна. Мы даже совѣтывали ему не распространять этихъ слуховъ, но вскорѣ намъ пришлось убѣдиться въ ихъ дѣйствительности, получивъ извѣстіе о кончинѣ Государя изъ Петербурга отъ брата Александра Васильевича. Вслѣдъ за тѣмъ отъ брата же мы узнали о несчастномъ происшествіи, случившемся въ Петербургѣ 14 Декабря и о томъ, что въ число замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ попалъ нашъ пріятель и родственникъ Краснокутскій,—оберъ-прокуроръ Сената.

Смерть Государя насъ очень огорчила и потревожила; не смотря на то, что я не пользовался его особымъ благорасположеніемъ, тѣмъ не менѣе, находясь столько времени на службѣ, какъ я, такъ и братья мои были ему душевно преданы.

Къ несчастію, Государь Александръ Павловичъ, не смотря на свои великія качества, въ послѣдніе годы своего царствованія, по милости Меттерниха, Аракчеева и г-жи Крюднеръ, совершенно перемѣнилъ свой характеръ и сдѣлался чрезвычайно подозрителенъ, сталъ бояться возмущеній, революцій, пересталъ вовсе заниматься дѣлами, поручивъ все графу Аракчееву. Онъ даже физически значительно ослабѣлъ; на него сильно подѣйствовала исторія военныхъ поселеній, тѣмъ болѣе, что народъ былъ изумленъ всѣми этими происшествіями, и въ средѣ его уже начинало выражаться негодованіе; по арміи тоже не было никакихъ производствъ—однимъ словомъ повсюду слышалось неудовольствіе.

По внѣшнимъ дѣламъ Государь попалъ подъ вліяніе Меттерниха, а по внутреннему управленію — въ руки Аракчеева, и такимъ образомъ, по милости этихъ двухъ людей и ихъ клевретовъ, великій и любимый народомъ Государь Александръ Павловичъ подъ конецъ своей жизни совершенно преобразился . . . .

. . . .

Въ началѣ 1826 года мы, наконецъ, рѣшились раздѣлить родовое наше имѣніе, такъ какъ матушка не могла уже управлять, и я женился. Поэтому весною

мы всѣ съѣхались въ Ярославецъ, и въ то же время пріѣхалъ къ намъ изъ Одессы нашъ двоюродный братъ Василій Ивановичъ Туманскій; у насъ часто происходили политическіе споры за обѣдомъ и большею частію на французскомъ языкѣ, вслѣдствіе этого пріѣзжающіе къ намъ сосѣди думали, что мы споримъ о наслѣдствѣ, а напротивъ того, раздѣлъ нашъ конченъ былъ въ нѣсколько часовъ. Братъ Александръ Васильевичъ пожелалъ имѣть Куношевку и Бѣлыя Вѣжи; Демьянъ Васильевичъ согласился принять Ярославецъ съ Ретикомъ; а я, имѣя въ виду, что у моей жены было хорошее имѣніе, принялъ Гуты, имѣніе, которое давало весьма плохой доходъ до тѣхъ поръ, пока я не устроилъ тамъ стеклянный и не увеличилъ существующій винокуренный заводы. Такъ какъ моя часть противъ другихъ очевидно была весьма невыгодная, то братья согласились принять на себя долгъ мой за Гуты въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 35.000 руб., исключая тѣ 15.000, которыя я считалъ моимъ собственнымъ долгомъ и, разумѣется, принялъ на себя.

Послѣ раздѣла мы, всѣ вмѣстѣ съ братьями, поѣхали въ Згуровку и остановились опять въ Быковѣ, куда всѣ мы приглашены были на обѣдъ; рано утромъ братья поѣхали къ князю Рѣпнину, а я отправился прямо въ Згуровку, чтобы передать управленіе имѣніемъ новому управляющему г-ну Стноевскому. Изъ Згуровки я поѣхалъ въ Яготинъ (имѣніе князя Рѣпнина) на мужичьихъ лошадяхъ; но какъ только я выѣхалъ изъ

дома и поровнялся съ левадой, лошади понесли и опрокинули меня въ ровъ вмѣстѣ съ коляской. Прибѣжавшіе люди вытащили экипажъ, который оказался цѣлъ и невредимъ, такъ что я въ этомъ самомъ экипажѣ могъ доѣхать до Яготина.

Другой случай былъ со мною, когда князь Рѣпнинъ предложилъ намъ ѣхать въ рощу за Супоемъ на лодкахъ. Въ одну лодку сѣли Рѣпнинъ и Васильчиковъ, а въ другую я съ чиновниками князя Рѣпнина. Въ рощу мы переѣхали благополучно, но когда ѣхали назадъ, то шлюпка, въ которой я находился, начала наполняться водою и тонуть. Къ счастію, сидѣвшіе на первой шлюпкѣ услыхали нашъ крикъ и воротились. Одинъ изъ насъ пересѣлъ на другую шлюпку, наша-же, нѣсколько облегченная, дошла благополучно до назначенія.

Мы остались ночевать у князя Рѣпнина, который по утру другаго дня показывалъ намъ свои хозяйственныя заведенія: Яготинъ въ то время казался, по крайней мѣрѣ по наружности, въ совершенномъ порядкѣ и полномъ блескѣ, хотя тогда уже, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, были замѣтны упущенія въ хозяйствѣ.

Господскій домъ былъ деревянный на высокомъ каменномъ фундаментѣ; графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, подобно отцу своему фельдмаршалу Разумовскому, не любилъ жить въ каменныхъ домахъ. Исторія Яготинскаго дома весьма замѣчательна: фельдмаршалъ графъ К. Г. Разумовскій имѣлъ въ Кіевѣ деревянный домъ огромнаго размѣра, который никѣмъ не былъ за-

нятъ. Однажды былъ назначенъ въ этотъ домъ постой. Старый графъ, когда ему было это объявлено, сначала сильно противился, но видя, что сопротивленіе его будетъ безполезно, рѣшился снять этотъ огромный домъ съ фундамента и перевезти его въ свое имѣніе Яготино, гдѣ онъ и былъ заново выстроенъ.

Желая сдѣлать удовольствіе князю Рѣпнину, братъ мой Демьянъ Васильевичъ, я и Васильчиковъ передъ отъѣздомъ купили у него для своего хозяйства нѣсколько бычковъ, которыми онъ очень гордился.

Братъ Александръ Васильевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, а я занялся приведеніемъ въ порядокъ, какъ моего, такъ и женинаго имѣнія. Чтобы имѣть хоть какой нибудь пріютъ въ Згуровкѣ, я перевезъ туда небольшой домъ, который былъ у меня въ Гутахъ.

Стноевскій понималъ кое-что въ архитектурѣ и принялся строить, такъ что черезъ годъ въ Згуровкѣ были построены уютный господскій домъ, конюшни и сараи.

Жена моя была беременна и жила въ Ярославцѣ. Помню, что 10 іюня, въ прекрасную погоду, она поѣхала послѣ обѣда съ матушкой прокатиться. Воротившись домой, она почувствовала усталость, и я посовѣтовалъ ей лечь немножно отдохнуть. Немного спустя меня позвали въ большой домъ ѣсть клубнику, и на пути туда я встрѣтилъ доктора нашего, которому человѣкъ что-то говорилъ на-ухо. Докторъ вышелъ изъ комнаты и отправился, какъ я узналъ послѣ, къ моей женѣ, которая почувствовала себя дурно; вскорѣ мнѣ пришли

сказать, что она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Василіемъ, воспріемнымъ отцомъ котораго былъ братъ Демьянъ Васильевичъ, а воспріемной матерью—матушка. Жена моя послѣ родовъ скоро оправилась, но съ кормилицами была опять бѣда: выбрали одну изъ хорошей крестьянской семьи, но она вдругъ сдѣлалась больна, чѣмъ-то въ родѣ ипохондріи. Наконецъ, намъ удалось отыскать хорошую кормилицу въ Дубовичахъ, которая прежде кормила племянницу мою Елену, дочь брата Василія Васильевича.

Зимою 1826 года пріѣхалъ въ имѣніе своей матушки Павелъ Михайловичъ Миклашевскій.

Однажды, катаясь съ своей сестрей въ саняхъ, Миклашевскій на одномъ поворотѣ опрокинулъ сани, и сестра его Ульяна Михайловна ушибла себѣ руку. Прислали за нашимъ докторомъ Тернбергомъ, который не былъ особенно искусенъ въ этомъ дѣлѣ и должно быть не понялъ послѣдствій ушиба; руки были сведены, такъ что Ульяна Михайловна рисковала остаться калѣкой.

Тернбергъ послѣ неудачнаго леченія такъ встревожился, что чуть съ ума не сошелъ: онъ вообразилъ, что у больной сломанъ локоть.

Мать, не видя никакого успѣха въ леченіи Тернберга, рѣшилась ѣхать въ Черниговъ, гдѣ въ то время жилъ генералъ-губернаторъ Николай Григорьевичъ Рѣпнинъ, и при немъ состоялъ докторъ Фишеръ, бывшій лейбъ-медикъ покойнаго графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Фишеръ былъ очень хорошъ собою, весьма

ловкій и бойкій господинъ; онъ началъ лечить сестру Миклашевскаго и даже рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Волокитино (имѣніе Миклашевской) и остаться тамъ до совершеннаго ея излеченія.

Когда мы возвратились изъ Москвы и посѣтили Миклашевскихъ, то намъ очень страннымъ показалось обхожденіе Фишера съ моей двоюродной сестрой; между ними и тогда была замѣтна нѣкоторая интимность. Фишеръ посовѣтовалъ Миклашевскимъ, для окончательнаго излеченія, ѣхать за границу и согласился ихъ сопровождать.

На пути въ чужіе края онъ сдѣлалъ предложеніе, и въ какой-то пограничной деревнѣ была совершена ихъ свадьба. Бракъ этотъ причинилъ большое горе и сокрушеніе всему семейству Миклашевскихъ; братья никогда не простили этого своей сестрѣ и хотѣли даже развести Фишера и Ульяну Михайловну, но она на это не согласилась. Съ тѣхъ поръ бѣдная тетка наша Марья Васильевна Миклашевская, никогда не выѣзжавшая изъ деревни, переселилась совсѣмъ въ чужія края и жила тамъ вмѣстѣ съ дочерью. Немного спустя Фишеръ съ женою поссорились, и тогда ея братья вступились съ тѣмъ, чтобы ихъ развести; тѣмъ не менѣе настоящаго развода не послѣдовало, но они только жили врознь. Фишеръ возвратился въ Россію и поступилъ опять на службу къ князю Рѣпнину.

Наступило время коронаціи Государя Николая Павловича. Братъ мой Демьянъ Васильевичъ, я и двою-

родный братъ нашъ Василій Ивановичъ Туманскій отправились въ Москву, чтобы видѣть всѣ эти торжества.

Москва была набита пріѣзжими, и нельзя было отыскать приличной квартиры. Мы остановились въ квартирѣ брата Василія Васильевича, не смотря на то, что она была довольно тѣсна, а Туманскій отыскалъ себѣ гдѣ-то комнату.

Я надѣялся, что во время коронаціи князь А. Н. Голицынъ представитъ меня къ чину статскаго совѣтника. Но ожиданіе мое было обмануто: Голицынъ забылъ внести въ списокъ мою фамилію. Тѣмъ не менѣе, замѣтивъ свою ошибку, онъ обѣщалъ ее исправить, что и исполнилъ дѣйствительно, только ужъ въ слѣдующемъ году.

Въ церемоніи коронаціи я не участвовалъ, не будучи мѣстнымъ чиновникомъ, но занималъ мѣсто на эстрадѣ, устроенной для публики, и оттуда видѣлъ всю церемонію.

Во время коронаціи было, какъ и всегда водится, нѣсколько баловъ, и я почти на всѣхъ ихъ присутствовалъ. Первый блестящій балъ былъ у Французскаго уполномоченнаго, присланнаго на коронацію, герцога Рагузскаго Мармона (Marmont), второй—у англійскаго посла лорда Девонширскаго; потомъ точно такой же блестящій третій балъ у графини Орловой-Чесменской, которая осталась дѣвицей до конца своей жизни.

Народные праздники сопровождались ужаснѣйшими безпорядками. Для примѣра приведу слѣдующее: по Высочайшему повелѣнію, для народа былъ приготовленъ

обѣдъ въ палаткахъ; какъ только Государь произнесъ слова: „ребята, это все ваше!“ и едва успѣлъ отъѣхать немного, какъ народъ бросился, и въ одно мгновеніе всѣ палатки были уничтожены. Въ довершеніе празднества, въ Головинскомъ дворцѣ былъ блестящій фейерверкъ, чрезвычайно удавшійся за исключеніемъ огненныхъ колесницъ, которыя плохо двигались.

Тотчасъ-же послѣ коронаціи мы съ братомъ уѣхали домой. На пути въ Москву подорожная была взята на имя брата, въ виду того, что онъ былъ выше меня чиномъ; но не смотря на эту предусмотрительность продолжительныя стоянки случались на всякой станціи, и потому на обратномъ пути я взялъ подорожную на свое имя, такъ какъ, служа по почтовому вѣдомству, надѣялся, что мое требованіе будетъ скорѣе уважено.

Пріѣхавъ на первую станцію въ Подольскѣ, мы нашли тамъ цѣлый таборъ: экипажей двадцать стояли тамъ уже дня три въ ожиданіи лошадей. Я послалъ свою подорожную, и ко мнѣ сейчасъ же явился смотритель съ просьбою немножко обождать и съ увѣреніемъ, что лошади у меня будутъ. Я согласился, и дѣйствительно въ скоромъ времени, какъ только смерклось, стали мнѣ запрягать лошадей, какъ вдругъ изъ сосѣдней брички вылѣзаетъ господинъ и говоритъ мнѣ: „Я вижу, милостивый государь, что вы здѣсь имѣете большую власть; вотъ ужъ пятый день я жду здѣсь и до сихъ поръ не могу добиться лошадей; я надѣюсь, вы будете такъ добры, сдѣлаете распоряженіе, чтобы мнѣ дали лошадей“.

Я выказалъ большое великодушіе и велѣлъ заложить ему своихъ лошадей, а между тѣмъ опять подозвалъ смотрителя, и сдѣлавъ ему выговоръ за то, что онъ такъ долго задерживаетъ на станціи проѣзжихъ, объявилъ, что не могу дать повода къ злоупотребленіямъ и что всѣ должны быть отправлены по очереди. „Я надѣюсь, сказалъ я ему, что вы и мнѣ тоже скоро найдете лошадей". И дѣйствительно, черезъ полчаса привели для меня другую четверку.

Не доѣзжая другой станціи я отправилъ впередъ свою подорожную для того, чтобы не имѣть повода въ другой разъ быть великодушнымъ. Такимъ образомъ, по милости моей службы по почтовому вѣдомству, мы безостановочно доѣхали домой, гдѣ я узналъ, что нашъ докторъ Тернбергъ очень боленъ, и дѣйствительно, на другой день приходитъ онъ ко мнѣ съ небритой бородой и совершенно какъ сумасшедшій. Причиной такого положенія доктора было то, что онъ, страдая разслабленіемъ желудка, хватилъ сильный пріемъ опіума, вслѣдствіе чего кровь бросилась ему въ голову и у него сдѣлалась горячка. Я послалъ немедленно въ г. Глуховъ за другимъ докторомъ, но онъ уже не могъ помочь бѣдному Тернбергу, и тотъ въ скоромъ времени скончался.

Зимою въ томъ же 1826 году я ѣздилъ вмѣстѣ съ женой въ ея имѣніе, вслѣдствіе чего мы опять провели нѣсколько дней у нашего родственника Васильчикова, въ Быковѣ.

На слѣдующій 1827 годъ, въ виду того, что жена

моя опять была беременна, а у насъ въ домѣ не было акушера, я рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ январѣ мѣсяцѣ князь Голицынъ исполнилъ свое обѣщаніе, и я получилъ чинъ статскаго совѣтника, такъ что, съ одной стороны, дѣла службы моей, а съ другой—состояніе здоровья жены, требовали поѣздки въ Петербургъ. Не помню хорошенько числа, но кажется, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1827 года мы выѣхали изъ имѣнія, съ намѣреніемъ проѣхать черезъ Калужскую губернію, чтобъ навѣстить всѣхъ родственниковъ моей жены. Въ Калужской губерніи въ имѣніи жили тогда: тесть мой князь Вяземскій и двѣ тетки моей жены: княгини Анна Григорьевна и Софія Григорьевна, а въ самой Калугѣ жила ея бабушка.

Прежде всего поѣхали мы къ княгинѣ Аннѣ Григорьевнѣ, у которой тогда жила меньшая сестра моей жены, княжна Елизавета Николаевна. Тесть былъ въ отлучкѣ,—но его въ скоромъ времени ожидали, и потому я съ женой, рѣшились ѣхать къ нему въ деревню, для того, чтобъ отслужить панихиду на гробѣ ея матери.

Грустно было моей женѣ, пріѣхавъ, увидѣть домъ, въ которомъ она родилась, воспитывалась и провела свою молодость, въ такомъ безпорядкѣ: крыша не исправлялася и текла, во многихъ комнатахъ стекла были перебиты. Я также не могъ не раздѣлять грусти моей жены. Отслуживъ панихиду, мы поспѣшили возвратиться къ Аннѣ Григорьевнѣ.

Дня черезъ два намъ дали знать, что тесть съ женой

своей пріѣхали въ имѣніе, и мы, прибывъ къ нимъ, нашли домъ въ болѣе исправномъ положеніи.

Мы прожили у тестя нѣсколько дней, хотя это было тяжело для моей жены, и отправились въ Калугу. Въ Калугѣ мы остановились въ монастырѣ у бабушки Агніи Кирилловны. Она была предобрая старушка и приняла внучку свою и меня очень радушно и ласково, и мы съ удовольствіемъ провели у нея нѣсколько дней. Пріѣхавъ въ Москву и отдохнувъ тамъ нѣсколько часовъ, мы поѣхали въ Никольское—подмосковную моего свояка князя Голицына.

На пути въ Петербургъ намъ встрѣтился фельдъегерь, который везъ извѣстіе о рожденіи Великаго Князя Константина Николаевича.

Пріѣхавъ въ Царское Село, я нанялъ квартиру и, оставивъ тамъ мою жену, поѣхалъ въ Петербургъ одинъ, для отысканія себѣ помѣщенія и устройства квартиры.

Я нанялъ домъ на Литейной и, прочитавъ въ газетахъ, что какой-то конно-гвардейскій офицеръ, уѣзжая въ имѣніе, продаетъ свою новую мебель, я отправился по адресу и купилъ мебель на всю квартиру, за исключеніемъ только зеркалъ, которыя имъ были проданы раньше.

Устроивши свое хозяйство, я перевезъ жену свою въ Петербургъ, гдѣ она 27 октября разрѣшилась отъ бремени сыномъ Николаемъ. Я просилъ бабушку моей жены Наталью Кирилловну Загряжскую, быть воспріемной матерью, а дядю Виктора Павловича—воспріем-

нымъ отцемъ. Но Наталія Кирилловна сказала, что поставила себѣ за правило никого никогда не крестить, такъ какъ считаетъ себя несчастливой, но что она отыщетъ моему сыну воспріемную мать. Какъ оказалось, она упросила Императрицу Марію Θеодоровну быть воспріемницей моего сына. Императрица согласилась и въ свою очередь уговорила Императора Николая Павловича быть воспріемнымъ отцомъ,—честь, которой я никакъ не ожидалъ.

Обрядъ крещенія долженъ былъ совершиться во дворцѣ, такъ какъ августѣйшія особы присутствовали при немъ самолично. Не помню хорошенько дня и числа, когда мнѣ было назначено привести моего новорожденнаго сына во дворецъ, помню только, что меня сопровождала туда тетушка графиня Марья Васильевна Кочубей.

При этомъ случилось небольшое недоразумѣніе съ моей стороны. Дѣло въ томъ, что я всегда полагалъ, да кажется, что оно такъ и должно быть, что крестикъ даетъ кумъ; но на дѣлѣ оказалось, что Государь никогда не даетъ креста. Мнѣ это сказали въ день крестинъ, а это было въ воскресенье—всѣ лавки были заперты, и я насилу могъ достать крестъ.

Въ годъ рожденія моего сына Николая, когда мы жили въ Петербургѣ, братъ мой Демьянъ Васильевичъ оставался въ Малороссіи. Тамъ съ нимъ случилось происшествіе, имѣвшее послѣдствіемъ ссору брата Демьяна Васильевича съ генералъ-губернаторомъ княземъ Рѣпнинымъ. Надо сказать, что до этого случая Рѣпнинъ

былъ очень друженъ съ братомъ Д. В., имѣлъ большое уваженіе къ нашей матушкѣ и часто бывалъ у насъ по нѣсколько времени въ Ярославцѣ.

Вдругъ вздумалось Рѣпнину написать проэктъ въ такомъ духѣ, что будто бы, для предупрежденія корчемства, необходимо, чтобы помѣщики имѣли наблюденіе другъ за другомъ, т. е. сдѣлались доносчиками, и вообще предлагалъ въ своемъ проэктѣ разныя стѣснительныя мѣры.

Для разсмотрѣнія своего предложенія Рѣпнинъ предписалъ дворянству собраться въ уѣздныхъ городахъ.

Братъ мой Д. В., присутствуя въ Глуховскомъ уѣздномъ собраніи и прочитавъ проэктъ князя Рѣпнина, нашелъ, что предложенная мѣра весьма стѣснительна и и ни къ чему не приведетъ, и первый подалъ голосъ за признаніе этого предложенія генералъ-губернатора неудобоисполнимымъ, на что прочіе дворяне съ братомъ моимъ согласились.

Когда князь Рѣпнинъ узналъ объ этомъ, онъ очень разсердился и вознегодовалъ на брата. Между тѣмъ, наступило время выборовъ, и дворяне Черниговской губ. намѣревались избрать Демьяна Васильевича губернскимъ предводителемъ, но прежде чѣмъ быть избраннымъ губернскимъ предводителемъ, надо было быть избраннымъ— уѣзднымъ, а такъ какъ уѣздное дворянство избрало Д. В. единогласно, то оставалось быть утвержденнымъ генералъ-губернаторомъ,—и вотъ Рѣпнинъ, воспользовавшись своимъ правомъ, не утвердилъ моего брата въ должности предводителя.

Демьянъ Васильевичъ вовсе и не желалъ быть предводителемъ, а больше уступалъ въ этомъ случаѣ настоянію дворянства, но тѣмъ не менѣе не могъ оставить этого поступка генералъ-губернатора безъ протеста и жаловался Сенату, что Рѣпнинъ, безъ всякой причины и не смотря на единогласное избраніе, его не утверждаетъ. Когда Сенатъ спросилъ Рѣпнина о причинѣ неутвержденія моего брата въ должности губернскаго предводителя, то онъ, не имѣя никакого другаго повода, кромѣ личнаго неудовольствія, не нашелъ ничего лучшаго отвѣтить, что онъ не утверждаетъ брата, такъ какъ, по его мнѣнію, Демьянъ Васильевичъ Кочубей, по своимъ правиламъ, человѣкъ неблагонадежный и опасный.

Послѣ такого отзыва генералъ-губернатора, Правительство нашло нужнымъ послать жандармскаго офицера съ цѣлію узнать, почему Демьянъ Васильевичъ Кочубей считается опаснымъ и неблагонадежнымъ человѣкомъ. Однакожъ, сколько тотъ ни старался, вездѣ встрѣтилъ единогласные отзывы, что Демьянъ Васильевичъ Кочубей живетъ скромно, занимается своимъ хозяйствомъ, что онъ былъ избранъ предводителемъ дворянства, но что Рѣпнинъ этого выбора не утвердилъ.

Тогда Демьянъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы искать удовлетвореніе за обиду.

Государь приказалъ пригласить его на службу, и не смотря на то, что Д. В. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, онъ былъ принятъ съ тѣмъ же чиномъ и опредѣленъ на консуль-

тацію министра Юстиціи. Спустя нѣкоторое время, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и вскорѣ назначенъ сенаторомъ.

Что касается до князя Рѣпнина, то, очевидно, онъ самъ не считалъ себя правымъ въ дѣлѣ съ Демьяномъ Васильевичемъ, чему доказательствомъ можетъ служить то, что онъ, по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ, въ бытность мою тамъ вице-губернаторомъ, употреблялъ всевозможныя средства, чтобы измѣнить о себѣ мое мнѣніе.

— Положимъ, что вы были несогласны съ мнѣніемъ моего брата,—говорилъ я ему,—но за что же было клеветать на него и называть его опаснымъ человѣкомъ? Вѣдь вы знаете, какія могли быть для него послѣдствія. На это Рѣпнинъ большею частью молчалъ, или давалъ только уклончивые отвѣты, при чемъ однако сильно конфузился.

Это дѣло доказываетъ только, какое невыгодное вліяніе имѣютъ извѣстныя административныя положенія на людей даже съ честными правилами, такъ какъ Рѣпнина всѣ знали за человѣка хорошаго, добраго и скорѣй мягкаго и слабаго, что онъ впослѣдствіи времени и вполнѣ доказалъ.

Такъ какъ по счастію дѣло это кончилось благополучно для брата, то я и не сохранилъ никакой вражды къ князю Рѣпнину. Братъ Демьянъ Васильевичъ также помирился съ нимъ. Мы помнили только его хорошія отношенія къ нашему семейству и совершенно предали забвенію несправедливый его поступокъ въ отношеніи

брата, который, впрочемъ, и Рѣпнинъ со своей стороны постоянно старался сглаживать крайней съ нами любезностью и добрыми отношеніями.

Въ день крестинъ В. К. Константина Николаевича, я былъ пожалованъ камергеромъ.

Братъ мой Александръ Васильевичъ познакомилъ меня съ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ, который въ то время былъ назначенъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и съ которымъ братъ былъ очень друженъ.

Закревскій посовѣтовалъ мнѣ принять губернаторское мѣсто. Я изъявилъ на это согласіе съ тѣмъ, чтобъ меня назначили не иначе какъ въ Кіевскую или Орловскую губерніи, такъ какъ вблизи этихъ двухъ губерній находятся мои имѣнія.

—Ну, вотъ и кстати,—сказалъ Закревскій,—Кіевская губернія теперь вакантная, и если вы желаете быть Кіевскимъ губернаторомъ, то я немедленно сдѣлаю о васъ представленіе Государю Императору.

Закревскій исполнилъ свое обѣщаніе, но Государю было не угодно меня опредѣлить на эту вакансію, и, по моему мнѣнію, этотъ отказъ былъ совершенно основателенъ. Государь сказалъ Закревскому, что онъ меня знаетъ съ очень хорошей стороны, но что я, служа постоянно въ военной службѣ, не имѣю еще достаточной опытности, которая необходима въ должности губернатора, и потому совѣтуетъ мнѣ принять какую нибудь должность, гдѣ бы я могъ сначала привыкнуть къ этого рода службѣ.

Въ это самое время пріѣхалъ въ Петербургъ Кіев-

скій генералъ-губернаторъ Желтухинъ и представилъ къ должности Кіевскаго губернатора тамошняго вице-губернатора Катеринича.

Мнѣ пришла мысль просить, чтобы меня опредѣлили на мѣсто Катеринича вице-губернаторомъ, такъ какъ это вполнѣ согласовалось съ волею Государя и съ моими собственными обстоятельствами.

Дядя мой Викторъ Павловичъ одобрилъ мое предположеніе и сказалъ объ этомъ министру Финансовъ Канкрину, который отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ бы согласился на это, но что генералъ-губернаторъ Желтухинъ представилъ уже другаго на это мѣсто, а впрочемъ прибавилъ, что если Желтухинъ на это будетъ согласенъ, то онъ съ большимъ удовольствіемъ меня опредѣлитъ.

Вслѣдствіе этого я долженъ былъ поѣхать къ Желтухину и познакомиться съ нимъ.

Желтухинъ съ удовольствіемъ согласился представить меня къ должности вице-губернатора вмѣсто того лица, которое онъ прежде имѣлъ въ виду.

Я былъ утвержденъ въ этой должности 9-го марта 1828 года, и въ началѣ мая, или въ концѣ апрѣля, поѣхалъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми къ матушкѣ въ Ярославецъ, гдѣ ихъ оставилъ, а самъ отправился въ Кіевъ.

Прибывъ въ Кіевъ 7-го мая, я остановился въ трактирѣ и вечеромъ пошелъ ко всенощной въ Никольскій монастырь. На другой день я явился къ генералъ-губернатору, познакомился со всѣми своими товарищами и

подчиненными, отыскалъ себѣ квартиру и вступилъ въ исполненіе моей должности.

Нужно отдать справедливость предмѣстнику,—дѣлà въ Палатѣ я засталъ въ совершенномъ порядкѣ, и всѣ помощники мои были люди очень опытные и знающіе дѣло.

Разсматривая вѣдомости о недоимкахъ, я увидѣлъ, что за графиней Бранницкой состоялъ недоимокъ на довольно большую сумму. Я спросилъ съ удивленіемъ, отчего это могло случиться:—графиня очень богата, какимъ же образомъ могла она допустить такую недоимку? Мнѣ отвѣтили, что недоимка состоитъ по купчимъ крѣпостямъ за пріобрѣтенныя имѣнія, а мой предмѣстникъ, изъ уваженія къ ея сіятельству, не смѣлъ настаивать на взысканіи этихъ денегъ.

Я объявилъ, что это нахожу невозможнымъ допустить и намѣренъ принять самыя строгія мѣры ко взысканію недоимокъ.

По случаю возникшей войны съ Турціей, назначенъ былъ рекрутскій наборъ, и я, по обычаю, долженъ былъ ѣхать принимать рекрутъ. Это было въ концѣ мая мѣсяца; въ городъ Звенигородъ дорога моя шла черезъ мѣстечко Бѣлую-Церковь, гдѣ жила графиня Бранницкая, и я почелъ своей обязанностью заѣхать туда, чтобъ съ ней познакомиться.

Домъ графини Бранницкой былъ довольно большой но чрезвычайно старый. Подъѣзжаю къ крыльцу, вхожу въ переднюю—нѣтъ никого. Иду въ комнату—никого и

ничего; въ другую—тоже самое; наконецъ въ третьей комнатѣ нахожу однѣ скамейки и запахъ капусты. Мнѣ это показалось очень страннымъ.—Что же это?

Я воротился назадъ въ переднюю и вошелъ въ другую дверь. Это была богато убранная гостиная, но и тамъ опять я не встрѣтилъ никого; я пошелъ дальше въ слѣдующую комнату и тамъ увидалъ старушку въ бѣлой замасленной мантильѣ.

— Кто вы такой?—обратилась она ко мнѣ.

Я тотчасъ же догадался, что это сама графиня Браницкая.

— Я такой-то, сказалъ я ей,—извините, что я вошелъ безъ доклада, я не нашелъ никого въ передней.

— А, очень рада съ вами познакомиться, проговорила графиня и, попросивъ меня садиться, завела со мною разговоръ.

Надо признаться, что я пріѣхалъ къ графинѣ Браницкой голодный и нарочно спѣшилъ, думая застать у нея обѣдъ. Но сижу часъ, другой—объ обѣдѣ нѣтъ и помину. Наконецъ, ужъ часу въ пятомъ пришла ея сестра графиня Лита съ мужемъ, и по приходѣ ихъ подали обѣдъ.

Обѣдъ былъ отличный; графъ Лита подчивалъ меня своимъ собственнымъ виномъ, потому что графиня по скупости приказывала обыкновенно подавать гостямъ самое дурное вино. Разсказывали даже въ Кіевѣ, что будто старуха разливала въ бутылки и подавала гостямъ мадеру, въ которой покойный ея мужъ во время своей старости бралъ ванны.

Такъ какъ я прежде былъ знакомъ съ графиней Лита, то и Бранницкая, узнавъ это, стала со мною ласкова и любезна. Послѣ обѣда она обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:—Что это, батюшка, значитъ: ко мнѣ прiѣзжалъ какой-то исправникъ и требовалъ какихъ-то денегъ?

— Да, Ваше Сiятельство, деньги эти вамъ непремѣнно придется заплатить.

— Какъ, за что я буду платить? возразила она. Это несправедливо съ меня взыскиваютъ.

На это я сказалъ ей, что если она находитъ взысканiе несправедливымъ, то можетъ жаловаться, но что деньги надо всетаки внести, чтобы тѣмъ избавить себя отъ хлопотъ и непрiятностей.

— Нѣтъ, батюшка, какже я деньги внесу, — онѣ вѣдь пропадутъ въ казнѣ.

Я увѣрилъ ее, что на это есть средства, чтобъ деньги не пропали, и обѣщалъ для большаго обезпеченiя ея, приказать внести деньги въ банкъ, хотя безъ всякаго сомнѣнiя, онѣ и въ казначействѣ были-бы цѣлы.

— Если жалоба ваша будетъ уважена,—сказалъ я— и велѣно будетъ вамъ возвратить деньги, тогда онѣ будутъ возвращены непремѣнно и даже съ процентами, а теперь по крайней мѣрѣ за вами не будетъ считаться недоимки, которая признаюсь меня очень удивляетъ.

— Ну, хорошо, если вы даете слово, что внесете деньги въ банкъ, то я пожалуй прикажу сейчасъ-же

отослать ихъ. Это все вашъ предмѣстникъ надѣлалъ: никогда не умѣлъ мнѣ объяснить какъ-бы слѣдовало.

Уладивши съ ней дѣло объ уплатѣ недоимокъ, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Пріѣхавъ въ Звенигородъ, я сейчасъ-же съ усердіемъ принялся за рекрутскій наборъ и повелъ дѣло такъ удачно, что въ теченіе мѣсяца наборъ былъ оконченъ.

Между тѣмъ, я получилъ письмо отъ генералъ-губернатора, который убѣдительно меня просилъ пріѣхать скорѣй въ Кіевъ, потому что тамъ ожидали прихода гвардіи, и онъ желалъ-бы хорошенько угостить почетныхъ гостей во время пребыванія ихъ въ Кіевѣ, гдѣ они должны были пробыть нѣсколько дней.

Но такъ какъ я едва только успѣлъ окончить свои дѣла, то не могъ тотчасъ же исполнить желанія генералъ-губернатора.

Въ ночь на 29 число я поѣхалъ въ Умань, пробылъ тамъ весь день, посѣтилъ садъ, извѣстный подъ именемъ „Софіевка“ *), принадлежащій графинѣ Потоцкой, и ночью возвратился въ Звенигородъ, гдѣ закрылъ рекрутское присутствіе и ночью-же отправился въ Кіевъ. Вслѣдъ за этими тремя ночами, которыя я не спалъ, мнѣ не пришлось спать еще ночи четыре или пять подрядъ.

Пріѣхавъ 1 Іюля, я явился къ генералъ-губернатору, который увидя меня очень обрадовался и просилъ

---

*) Называющійся теперь „Царицыно“.

чтобъ я занялъ старика Депрерадовича (командовавшаго гвардіей)—„Онъ такой любитель игры въ бостонъ, сказалъ мнѣ генералъ-губернаторъ, что можетъ играть почти ночи на пролетъ, а у меня ужъ силъ больше нѣтъ“.

Такимъ образомъ, чтобы утѣшить старика, я принужденъ былъ провести безъ сна еще четыре ночи къ ряду, играя съ нимъ въ бостонъ. Въ теченіе этого времени было нѣсколько баловъ, я ни на одномъ изъ нихъ не былъ, не успѣлъ даже познакомиться ни съ кѣмъ, потому что какъ только я входилъ въ залу, меня сейчасъ ловили и сажали играть въ карты съ Депрерадовичемъ. Наконецъ, уже въ послѣдній день пребыванія гвардіи въ Кіевѣ, я самъ далъ маленькій танцовальный вечеръ въ саду и просилъ одну даму быть хозяйкою этого вечера: но и тутъ всетаки я принужденъ былъ продолжать игру съ Депрерадовичемъ и не могъ даже познакомиться съ приглашенными мною дамами. Только 5 Іюля, при восходѣ солнца, когда Депрерадовичъ сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать дальше, я пошелъ домой съ тѣмъ, чтобы отдохнуть немножко. Надо сказать, что всѣ эти дни по утрамъ я занимался въ Палатѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, явившись къ генералъ-губернатору Желтухину, я сказалъ ему:—„Я сдѣлалъ, Ваше Превосходительство, все для васъ угодное, надѣюсь, что и вы не откажете мнѣ въ позволеніи ѣхать на встрѣчу къ моей женѣ“. Онъ, разумѣется, разрѣшилъ мнѣ это сдѣлать, и я, не теряя времени, въ ту же

ночь отправился въ Куношевку, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ женою. Эта ночь была восьмою въ ряду ночей, которыя я не спалъ, а между тѣмъ, отдохнувъ въ Куношевкѣ одинъ только день, я съ женою и дѣтьми отправился обратно въ Кіевъ. Въ настоящее время Кіевъ, какъ извѣстно, отличается красотою улицъ и зданій; но въ то время Кіевъ былъ въ весьма дурномъ положеніи: съ трудомъ можно было найти хорошую квартиру, о гостиницахъ и говорить нечего. Генералъ-губернаторъ самъ жилъ въ деревянномъ домѣ, впрочемъ, его квартира была просторная, и при домѣ былъ садъ. Мнѣ также удалось найти себѣ недурное помѣщеніе.

Общество въ Кіевѣ было многочисленное; туда на зиму съѣзжались богатые помѣщики, которыхъ привлекали какъ ихъ собственныя дѣла, такъ и эпоха контрактовъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ графъ Тышкевичъ, который любилъ жить роскошно и открыто; онъ часто давалъ вечера.

Жену мою всѣ дамы очень полюбили, и такъ какъ она была въ то время совершенно здорова, то мы, посѣщая общество, довольно весело проводили время.

Зимою мнѣ опять пришлось ѣхать на рекрутскій наборъ. Не смотря на притѣсненіе, сдѣланное мною графинѣ Бранницкой, она меня очень полюбила и приказала всѣхъ своихъ рекрутъ, даже и изъ другихъ уѣздовъ, вести ко мнѣ, что однакожъ совсѣмъ меня не обрадовало, потому что значительно увеличило мой трудъ; у нея было огромное имѣніе около 100.000 душъ.

Окончивъ рекрутскій наборъ, я опять заѣхалъ къ графинѣ по дѣламъ, и, не смотря на то, что довольно строго принималъ ея рекрутъ, она меня очень благодарила и даже,—о чудо!—велѣла подать шампанскаго, чтобы выпить за мое здоровье.

Всѣ три года, которые я провелъ въ Кіевѣ, были самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Богъ далъ намъ еще сына Виктора; жена моя и дѣти пользовались хорошимъ здоровьемъ.

Не смотря на интриги, столь обыкновенныя вообще въ провинціи, а въ особенности въ Кіевѣ, домъ мой былъ постоянно посѣщаемъ всѣмъ кіевскимъ обществомъ безразлично: русскими и поляками. Въ особенности я былъ друженъ съ Понятовскимъ и съ предводителемъ дворянства графомъ Тышкевичемъ. Съ духовенствомъ тамошнимъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; митрополитомъ былъ тогда Евгеній, извѣстный писатель.

Генералъ-губернаторъ былъ со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, не смотря на то, что онъ имѣлъ весьма непріятный вспыльчивый характеръ, многимъ безъ всякой причины надѣлалъ непріятностей, послѣ чего перестaлъ приглашать ихъ къ себѣ и не желалъ съ ними видѣться.

Я съ своей стороны находилъ, что многіе изъ этихъ лицъ соединяли въ себѣ всѣ качества порядочныхъ людей, а потому продолжалъ съ ними знакомство и постоянно приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ. Будучи обязанъ

приглашать къ себѣ и генералъ-губернатора, я долженъ былъ каждый разъ предупреждать его, что такія-то лица будутъ у меня,—не будетъ ли это ему непріятно.— На это онъ постоянно отвѣчалъ:

— Пожалуйста не безпокойтесь, мнѣ такъ пріятно бывать у васъ, что я никогда не позволю себѣ выразить какую либо непріязнь или нерасположеніе къ тѣмъ лицамъ, которыя у васъ будутъ приняты. И онъ, дѣйствительно, сдержалъ свое обѣщаніе.

Между прочими онъ терпѣть не могъ г. Маркевича, который, не знаю, почему-то былъ ему болѣе другихъ непріятенъ. Маркевичъ былъ довольно пустой человѣкъ, но совершенно безвредный и жилъ тихо и спокойно. Другой недругъ генералъ-губернатора былъ Лошаковъ, бывшій шефъ какого-то полка. Этотъ генералъ во время войны, въ сраженіи подъ Аустерлицомъ, оставилъ на произволъ судьбы свой полкъ и поѣхалъ для свиданія съ женою, которая шла за полкомъ. Между тѣмъ сраженіе было проиграно, и Государь, узнавъ, что Лошаковъ не былъ въ дѣлѣ, будучи и безъ того разсерженъ потерей сраженія, разжаловалъ его въ солдаты. Послѣ, по чьей то протекціи, онъ былъ опредѣленъ въ гражданскую службу и произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Удивляюсь, за что Желтухинъ не взлюбилъ старика Лошакова, который былъ хоть не слишкомъ образованный, но добродушный, умный и общительный человѣкъ.

При мнѣ изъ Могилева была переведена въ Кіевъ

главная квартира второй арміи, главнокомандующимъ которой былъ фельдмаршалъ Сакенъ *).

При переводѣ Желтухина въ Бухарестъ, въ Валахію, вновь занятую нашими войсками, куда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Дивана, на его мѣсто въ Кіевъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Княжнинъ.

Это былъ человѣкъ тупой и тяжелый, но не смотря на это, мы съ нимъ были въ хорошихъ отношеніяхъ. Занятій у меня было много, но они не были для меня обременительны.

Министръ Финансовъ графъ Канкринъ былъ ко мнѣ очень расположенъ и на меня была возложена очень важная коммиссія: пересылка денегъ въ армію. Черезъ мои руки перешло тогда болѣе десяти милліоновъ рублей, и я, благодаря Бога, исполнилъ эту коммиссію очень исправно, за что удостоился получить орденъ Св. Владиміра 3-й степени.

Въ продолженіи войны черезъ Кіевъ проѣзжали: Государь Императоръ, Императрица, Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Великая Княгиня Елена Павловна, и всѣми этими Высочайшими Особами, какъ я, такъ и жена моя, были приняты съ особою милостію и ласками.

Но какъ-бы ни было счастливо для меня то время, я всетаки не обошелся безъ одной непріятности. Нашимъ духовникомъ былъ знаменитый тогда проповѣдникъ Скворцовъ, который однажды предложилъ моей

---

*) Вторая армія была тогда въ дѣлѣ въ Турецкой кампаніи.

женѣ быть воспріемной матерью одной еврейки. Мнѣ это было очень непріятно, но духовникъ нашъ такъ горячо убѣждалъ насъ, что жена моя согласилась и пригласила быть кумомъ нашего пріятеля Маврикія Понятовскаго. Они отправились въ церковь, а я, по должности, поѣхалъ въ Казенную Палату, какъ вдругъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ Савченко-Бѣльскій, ѣздившій въ церковь изъ любопытства, прибѣгаетъ оттуда встревоженный и говоритъ мнѣ:

— Вообразите, что случилось! Ваша жена съ Понятовскимъ стоятъ въ церкви, а за ними въ другой парѣ стоитъ г-жа X., женщина извѣстная своимъ дурнымъ поведеніемъ.

Это меня непріятно поразило и сильно потревожило. И что-же случилось? — Эта женщина прямо изъ церкви отвела еврейку въ свое заведеніе.

Послѣ обряда я спросилъ у духовника, какъ онъ могъ допустить, чтобы жена моя участвовала въ крещеніи при подобныхъ обстоятельствахъ. Тотъ извинялся и увѣрялъ, что и самъ ничего не подозрѣвалъ подобнаго. Мы поспѣшили, однакожъ, взять эту жидовочку изъ заведенія; ей было всего лѣтъ 14, но она уже была замужняя. Мы вытребовали ее къ себѣ черезъ посредство полиціи, уговорили игуменью монастыря взять ее къ себѣ, чтобъ пріучить къ разнымъ работамъ; но она скоро убѣжала изъ монастыря.—Исторія эта для насъ была чрезвычайно непріятна; впрочемъ это была единственная непріятность, сопровождавшая мое пребываніе въ Кіевѣ.

Во время проѣзда Государя въ 1828 году черезъ Кіевъ въ армію, я получилъ отъ него приказаніе отпустить сто тысячъ руб. графу Бенкендорфу, между тѣмъ какъ въ инструкціи вице-губернаторамъ сказано, чтобы никогда, даже по Высочайшему повелѣнію, никому денегъ изъ казначейства не выдавать иначе, какъ по утвержденному бюджету, или по ассигновкѣ министра Финансовъ.

Не зная, что дѣлать, я самъ поѣхалъ къ графу Бенкендорфу и объяснилъ ему, что я нахожусь въ большомъ затрудненіи, такъ какъ по смыслу инструкціи, я не могу отпустить денегъ, а между тѣмъ не могу не исполнить воли Государя. Подумавъ немного я сказалъ, что я отпущу деньги подъ собственную мою отвѣтственность, при чемъ только просилъ Бенкендорфа дать знать объ этомъ министру Финансовъ. Послѣ этого случая вскорѣ вышло новое постановленіе о томъ, чтобы отпускались деньги изъ казначействъ по требованію генералъ-адъютанта, сопровождающаго Государя. Объяснившись съ Бенкендорфомъ, я, повидимому, всѣмъ развязалъ руки, такъ какъ случалось, что и прежде вице-губернаторы давали деньги, но никто никогда не смѣлъ объяснить всю несообразность этого дѣйствія.

Одинъ разъ я съ женою былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному помѣщику, богатому польскому графу Потоцкому. Дочь графа М-мъ Ивановская была въ разводѣ съ мужемъ своимъ. Она была очень милая женщина и была весьма дружна съ моей женой. Всѣхъ приглашенныхъ графомъ Потоцкимъ было 12 человѣкъ.

За обѣдомъ моя жена начала разговоръ о своемъ семейномъ счастіи, при чемъ оказалось, что рѣшительно всѣ присутствовавшіе гости были разведены: мужья съ женами, а жены съ мужьями.

Въ началѣ 1830 года Орловскій гражданскій губернаторъ Солнцевъ, за безпорядки въ губерніи, былъ уволенъ отъ должности. Тогда министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Закревскій вспомнилъ, что я соглашался быть Орловскимъ губернаторомъ. По представленіи министра, меня назначили въ Орелъ исправляющимъ должность губернатора.

Между тѣмъ, я узналъ, что Государь Императоръ въ скоромъ времени долженъ будетъ проѣхать черезъ Кіевъ, и по этому случаю я отложилъ свой отъѣздъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, дѣйствительно, Государь пріѣхалъ въ Кіевъ; при представленіи моемъ Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ со мною переговорить и назначилъ часъ, когда мнѣ къ нему явиться.

Государь принялъ меня очень ласково и милостиво и сказалъ, что онъ посылаетъ меня въ губернію, которая находится въ совершенномъ разстройствѣ, и надѣется, что я приведу въ порядокъ дѣла, которыя мой предмѣстникъ запустилъ.

На это я отвѣчалъ Государю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ваше Императорское Величество, въ моемъ усердіи вы не можете сомнѣваться, но какія однако же я буду имѣть къ тому средства?“

— Ну, какъ какія! Всѣхъ разгони моимъ именемъ!

сказалъ Государь.—Я надѣюсь, что исправишь губернію; предмѣстникъ же твой все только бабами одними занимался. Впрочемъ, добавилъ онъ, сходи къ графу Бенкендорфу: онъ тебѣ дастъ всѣ свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ, которыя тамъ совершались.

Я отправился къ графу Бенкендорфу, съ которымъ былъ хорошо знакомъ; но который не смотря на то, что очень любезно меня принялъ, рѣшительно отказался дать мнѣ какія бы то ни было свѣдѣнія.

— Откуда я возьму вамъ свѣдѣнія? сказалъ онъ: у меня ихъ нѣтъ. Пріѣдете въ Орелъ, такъ сами все увидите.

По проѣздѣ Государя я отправился по своему назначенію и по дорогѣ отвезъ жену и дѣтей къ матушкѣ въ Ярославецъ, гдѣ и самъ отдохнулъ нѣсколько дней. Потомъ я проѣхалъ въ свое имѣніе Гуты, находящееся на границѣ Орловской губерніи съ цѣлію устроить дѣла по экономіи. Но едва я успѣлъ пріѣхать въ Гуты, какъ уже всѣ узнали объ этомъ: исправникъ Сѣвскій, г. Ступинъ, и многіе другіе явились немедленно ко мнѣ въ Гуты съ разными просьбами и доносами.

Я сказалъ имъ всѣмъ, что пріѣду скоро въ Орелъ и тогда все сдѣлаю, а что теперь я хочу нѣсколько устроить свои собственныя дѣла.

На возвратномъ пути изъ Гутъ, я проѣхалъ черезъ Сѣвскъ и посѣтилъ Упорой, гдѣ жилъ Орловскій губернскій предводитель дворянства Милорадовичъ. Милорадовичъ былъ человѣкъ довольно умный, но не слишкомъ

образованный (онъ даже иностранныхъ языковъ не зналъ), Поведеніемъ онъ не отличался,—бражничалъ и держалъ у себя цѣлый гаремъ. По пріѣздѣ моемъ Милорадовичъ рекомендовалъ мнѣ своихъ сеидовъ; предупредилъ на счетъ вице-губернатора Бурнашева и жандармскаго штабъ-офицера Жемчужникова, которыхъ онъ весьма не любилъ, а въ особенности Жемчужникова, такъ какъ тотъ велъ интригу противъ Солнцева, имѣя самъ виды на его мѣсто. Милорадовичъ же принадлежалъ къ партіи Солнцева и даже обнадеживалъ его, что онъ снова будетъ губернаторомъ.

Переночевавши у Милорадовича, я на другой день съ нимъ вмѣстѣ отправился въ Орелъ. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1830 года.

Первые дни въ Орлѣ были для меня чрезвычайно утомительны: по пріѣздѣ туда я долженъ былъ сдѣлать пріемъ всѣхъ чиновниковъ, изъ которыхъ лично я не зналъ ни одного, и познакомиться со всѣми дѣлами, которыхъ тысячи были не рѣшенныхъ, и между ними одно очень важное, за которое мой предмѣстникъ и пострадалъ.

На Солнцева было очень много доносовъ, и мнѣ пришлось разбирать всѣ эти дѣла. Я не нашелъ въ нихъ ничего особенно важнаго и многія изъ нихъ совершенно устранилъ, такъ что репутація Солнцева нисколько не пострадала отъ слѣдствія; онъ былъ даже произведенъ въ тайные совѣтники и впослѣдствіи времени избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Курскѣ.

Съ самаго утра моя передняя была наполнена просителями и челобитчиками, послѣ пріема которыхъ, часовъ пять, я долженъ былъ еще проводить въ Губернскомъ Правленіи, въ Приказѣ, посѣщать богоугодныя заведенія, которыя находились въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ онѣ были помѣщены въ казармахъ.

Впрочемъ, въ то время уже начиналась постройка зданій для богоугодныхъ заведеній, что дало мнѣ также не мало заботъ. Губернаторскій домъ находился въ самомъ жалкомъ положеніи и грозилъ паденіемъ; канцелярія была завалена бумагами, потому что мой предмѣстникъ дѣла отовсюда переводилъ въ свою канцелярію.

По тогдашнему положенію, на обязанности губернатора лежало разсматривать всѣ дѣла, касающіяся его губерніи, да если прибавить еще къ тому обязательное почти знакомство со всѣми обывателями, духовенствомъ и архіереемъ, то мнѣ, при воспоминаніи обо всемъ этомъ, остается только удивляться, какимъ образомъ я могъ все это преодолѣть.

Мнѣ надо было позаботиться объ устройствѣ моей квартиры, потому что я ждалъ пріѣзда жены. Въ губернаторскомъ домѣ жить было невозможно. По счастію, я нашелъ въ Орлѣ большой домъ съ садомъ, назначенный для военно-генеральской квартиры.

Правителемъ губернаторской канцеляріи былъ нѣкто господинъ Тетеря, обладавшій въ Орловской губерніи маленькимъ имѣньицемъ. Онъ былъ человѣкъ довольно

дѣльный, но пользовался весьма дурной репутаціей. Не смотря, однакожъ, на это, я не могъ смѣнить его, такъ какъ ему были отлично извѣстны всѣ дѣла канцеляріи; и у меня не было подъ рукою человѣка, кѣмъ бы его замѣнить. Тѣмъ не менѣе, оставивъ его правителемъ канцеляріи, я долженъ былъ держать ухо востро, чтобы не дать ему повода къ какимъ нибудь злоупотребленіямъ.

Въ Губернскомъ Правленіи я засталъ совѣтниковъ: Шелехова, человѣка совершенно незнающаго своего дѣла; Алферова,—весьма умнаго, свѣдущаго и добраго человѣка, но имѣющаго тоже не совсѣмъ хорошую репутаціею, и третьяго—Александрійскаго, который, по протекціи генерала Алексѣя Петровича Ермолова, былъ назначенъ совѣтникомъ изъ писцовъ. Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ Фризель — знакомый мнѣ по Твери, когда я служилъ тамъ при канцеляріи Принца Ольденбургскаго; онъ тоже весьма мало зналъ свое дѣло. Ассесоромъ Губернскаго Правленія былъ безтолковый старикъ Равичъ. Предсѣдателемъ Уголовной Палаты былъ Астромовъ; губернскимъ прокуроромъ—Андреевъ, имѣвшій репутацію взяточника. Полиціймейстеромъ въ Орлѣ былъ Глухановскій — малороссіянинъ, добрякъ, но весьма слабый и лѣнивый человѣкъ.

Вице-губернаторомъ былъ статскій совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Бурнашевъ; онъ былъ весьма слѣдующій въ дѣлахъ и умный человѣкъ, но большой интриганъ и лѣнивецъ. Бурнашевъ былъ противникъ Милорадовича и принадлежалъ къ жандармской партіи.

Инспекторъ Врачебной Управы, докторъ Каспари, пользовался большою славою какъ докторъ, но былъ шарлатанъ, взяточникъ и лѣнтяй; онъ былъ изъ числа плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ 1812 году.

Вотъ съ такими—то людьми мнѣ пришлось начать свое губернаторское поприще; не было ни одного человѣка, къ которому я могъ-бы имѣть довѣріе, а между тѣмъ мнѣ не хотѣлось на первыхъ порахъ поступить опрометчиво и удалить всѣхъ разомъ, такъ какъ мнѣ рѣшительно не кѣмъ было замѣнить этихъ людей.

Почти со дня пріѣзда въ Орелъ, какъ я уже сказалъ, мнѣ надо было приступить къ разбирательству дѣлъ, по которымъ мой предшественникъ былъ уволенъ отъ должности. Въ числѣ другихъ было одно очень важное, касающееся безпорядковъ въ Елецкой опекѣ, гдѣ была обнаружена пропажа довольно значительной суммы денегъ, сдѣлавшаяся уже извѣстной высшему начальству.

Въ этомъ дѣлѣ обвинялся уѣздный предводитель Ильинъ, находившійся въ большой дружбѣ и пользовавшійся протекціей губернскаго предводителя Милорадовича и бывшаго губернатора Солнцева.

По поводу этого дѣла ко мнѣ тотчасъ же приступили съ различными интригами.

— Вотъ,— говорятъ,—посмотрите, какого благороднаго человѣка обижаютъ!

Спустя три дня является ко мнѣ и самъ господинъ Ильинъ съ увѣреніемъ, что его оклеветали и что онъ

докажетъ свою невинность, если только слѣдствіе будетъ сдѣлано правильно. Я ему сказалъ, что я всѣ мѣры употреблю, чтобы ему была оказана справедливость, но прошу его повременить, потому что еще не знаю ни одного изъ здѣшнихъ чиновниковъ, кому бы я могъ поручить слѣдствіе по этому дѣлу.

Милорадовичъ убѣдительно просилъ меня, чтобы я назначилъ слѣдователемъ тамошняго губернскаго стряпчаго Антоновскаго. Я согласился, такъ какъ зналъ Антоновскаго за человѣка весьма умнаго и свѣдущаго. Но прежде чѣмъ поручить Антоновскому это дѣло, я зная, что онъ желалъ быть совѣтникомъ губернскаго правленія и былъ очень обиженъ, что на это мѣсто назначили Александрійскаго, — призвалъ его въ кабинетъ и сказалъ ему:

— Я знаю, что вы желаете имѣть другое мѣсто, чѣмъ то, которое теперь занимаете, и я постараюсь доставить вамъ его, если вы произведете слѣдствіе объ опекѣ какъ слѣдуетъ правильно, вполнѣ добросовѣстно и безпристрастно. Пусть это слѣдствіе будетъ оселкомъ, по которому я буду судить о вашихъ способностяхъ и честности.

Познакомившись нѣсколько съ дѣлами и со всѣми должностными лицами, я хотѣлъ точно также познакомиться и съ уѣздами ввѣренной мнѣ губерніи и потому рѣшился ихъ немедленно обревизовать. Прежде всего я отправился въ уѣзды: Карачевскій и Брянскій. Въ Брянскѣ со мною случилось происшествіе: мать тамош-

няго городскаго головы дала мнѣ свою хорошую коляску, запряженную парою добрыхъ, откормленныхъ лошадей, которыя поднимаясь на гору (Брянскъ стоитъ на чрезвычайно гористой мѣстности), остановились и не могли удержать экипажа; коляска покатилась внизъ, причемъ разумѣется поломалась. Мнѣ немедленно доставили другой экипажъ, и я въ немъ доѣхалъ благополучно. Въ тотъ же самый день въ Брянскѣ со мною былъ второй подобный же случай: когда я, по обревизованіи присутственныхъ мѣстъ, ѣхалъ обратно, то въ моемъ экипажѣ лопнулъ тормазъ, и лошади меня понесли, но я и на этотъ разъ счастливо избѣгнулъ случая быть опрокинутымъ.

Изъ Брянска я поѣхалъ въ Трубчевскъ и, произведя тамъ ревизію присутственныхъ мѣстъ, отправился за своей семьей въ Ярославецъ. Проживъ тамъ нѣсколько дней, я оттуда, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, отправился въ Сѣвскъ. Окончивъ въ Сѣвскѣ ревизію, я поѣхалъ переночевать опять въ Упорой къ Милорадовичу.

На другой день утромъ, оставивъ свое семейство въ Упороѣ, я съѣздилъ одинъ въ Дмитровскъ, а потомъ вмѣстѣ съ женою заѣзжалъ въ Кромы; въ обоихъ этихъ уѣздахъ я тоже произвелъ ревизію.

Въ концѣ 1830 года я привезъ, наконецъ, семейство свое въ Орелъ; квартира моя въ казармахъ была уже отдѣлана, и мы въ ней расположились. Устроивъ свои домашнія дѣла, я поѣхалъ ревизовать остальные уѣзды.

Въ это время разнесся слухъ объ открывшейся въ

Москвѣ холерѣ; до того времени эта болѣзнь была еще вовсе неизвѣстна въ Россіи.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры для того, чтобы холера не распространилась, и предписалъ учредить строгіе карантины, какъ это дѣлается при моровой язвѣ. Для этого мнѣ пришлось оцѣпить губернію на 700 верстъ въ окружности. Мѣра эта причинила мнѣ не мало хлопотъ. Прежде всего я образовалъ комитетъ, который состоялъ изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя, жандармскаго штабъ-офицера и пригласилъ также участвовать въ этомъ комитетѣ генерала Сиверса, командовавшаго гусарскою дивизіею, расположенною въ Орловской губерніи; потомъ просилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ прислать мнѣ нѣсколько врачей, въ которыхъ во ввѣренной мнѣ губерніи былъ большой недостатокъ. Холера начала уже распространяться въ Тульской, Курской и Черниговской губерніяхъ, и потому надо было спѣшить оцѣпить границы. Комитетъ нашъ раздѣлилъ границы на три части: всю границу отъ Черниговской губерніи до Курской я поручилъ наблюденію губернскаго предводителя; вице-губернатору поручилъ границы по Калужской губерніи, а уѣзды: Мало-Архангельскій, Елецкій и Ливенскій отдалъ въ вѣдѣніе жандармскаго полковника Жемчужникова; въ карантины мною были приглашены всѣ находившіеся въ губерніи отставные лекаря.

Не знаю ужъ почему, но скорѣй всего, что по волѣ Божіей, 1830-й годъ прошелъ благополучно для Орлов-

ской губерніи—холеры не было, но, конечно, не вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, которыя отличались преимущественно тѣмъ, что были весьма стѣснительны для проѣзжающихъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась княгиня Горчакова, жена того Горчакова, который былъ главнокомандующимъ во вторую турецкую войну. Мнѣ дали знать, что княгиню Горчакову остановили въ карантинѣ, и что она ради Бога проситъ, чтобы ее отпустили, на что я вынужденъ былъ отвѣтить, что по данному губернаторомъ предписанію, не могу никакъ ее пропустить, а могу только предложить ей помѣщеніе на границѣ въ Очкахъ, на одной незанятой дачѣ. По счастію, на другой же день пріѣзда княгини получено было предписаніе снять всѣ карантины, и я, не медля ни минуты, послалъ къ ней нарочнаго, съ увѣдомленіемъ, что она можетъ ѣхать далѣе. Вообще карантины дали поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ и жалобамъ со всѣхъ сторонъ, дошедшимъ, наконецъ, до Верховной власти, послѣдствіемъ чего было удаленіе графа Закревскаго, мѣсто котораго занялъ товарищъ его Новосильцевъ. Мнѣ самому пришлось разбирать два дѣла по поводу этой мѣры.

Одинъ изъ докторовъ, которыхъ я набралъ въ карантинъ, вздумалъ обкуривать всѣ проходившіе по большимъ дорогамъ обозы и мужиковъ, шедшихъ съ обозами, и обкуривалъ ихъ несчастныхъ до того, что тѣ взмолятся: отпусти только, батюшка, ради Бога.—А онъ имъ:—давайте по рублю, такъ отпущу.

Другой докторъ, пьяный, поссорился съ уѣзднымъ предводителемъ, членомъ комитета и ударилъ его по щекѣ. Я счелъ за лучшее скрыть эту исторію и, чтобъ спасти доктора, посадилъ его временно въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ 6 мѣсяцевъ.

Появленіе холеры въ Московской и дргихъ губерніяхъ было причиной тому, что на зиму у насъ въ Орлѣ собралось большое общество. Между прочими пріѣхалъ старый графъ Чернышевъ со всѣмъ своимъ семействомъ Его старшая дочь была уже замужемъ за Кругликовымъ, (который послѣ принялъ фамилію Чернышева-Кругликова), а двѣ другія дочери были еще невѣсты. Одна впослѣдствіи вышла замужъ за графа Палена, а другая—за Черткова. Ихъ пріѣздъ оживилъ нѣсколько Орелъ, и зимою у насъ часто составлялись балы и праздники, такъ что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ жена моя имѣла пріятное общество.

Зима вся прошла благополучно; все мое семейство было здорово, и когда прошелъ страхъ, наведенный холерою—всѣ опять были веселы.

Въ Орлѣ жилъ графъ Каменскій—полный генералъ. Онъ имѣлъ свой театръ съ труппою, составленною изъ собственныхъ дворовыхъ людей. На этотъ театръ онъ совершенно разорился, а актеры его были довольно плохіе; но всетаки игра ихъ представляла хоть маленькое развлеченіе для общества.

Каменскій былъ большой чудакъ: онъ никогда никакихъ записокъ, даже приглашеній на обѣдъ, иначе не

писалъ какъ подъ №№; въ кассѣ своего театра онъ самъ продавалъ билеты. Офицеры кирасирской дивизіи, которая тогда стояла въ Орлѣ, въ шутку приносили всегда мѣдныя деньги.

Зданіе театра онъ строилъ самъ; оно было на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ кадетскій корпусъ. Разсказывали, что Каменскій прежде жилъ очень роскошно: давалъ обѣды и балы, но при мнѣ ужъ ничего подобнаго не было, такъ какъ дѣла графа разстроились.

Съ наступленіемъ весны опять начали распространяться слухи о появленіи холеры, и странное дѣло: въ 1830 году, когда всѣ окружающія Орелъ губерніи, были поражены этою болѣзнію,—въ Орлѣ ее не было, а въ 1831 году она, миновавъ другія губерніи, появилась въ Орлѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ первые посѣтила Орелъ эта болѣзнь, и своимъ появленіемъ доставила мнѣ много хлопотъ. Никакихъ санитарныхъ мѣръ Правительствомъ принято не было; не было дано на этотъ случай никакихъ ни предписаній, ни средствъ на то, чтобъ устроить больницы.

Чтобы сколько нибудь предупредить заразу, я прежде всего обратилъ вниманіе на тюремный замокъ и рѣшился уменьшить число арестантовъ, которые его наполняли.

Тогда еще существовало правило замѣнять тюремное содержаніе отдачею въ солдаты; впослѣдствіи нашли неудобнымъ наполнять армію негодяями и отмѣнили это правило.

Я поторопился разобрать всѣ арестантскія дѣла,

преимущественно такія, за которыя арестанты подлежали отдачѣ въ солдаты; приказалъ собрать такихъ преступниковъ со всей губерніи и привести ихъ въ рекрутское присутствіе, гдѣ забрилъ имъ всѣмъ лбы. Остальныхъ арестантовъ, которые или не годились въ солдаты, или которымъ слѣдовало легкое наказаніе, я велѣлъ препроводить въ общества, къ которымъ они принадлежали, подъ росписки.

Объ этомъ распоряженіи я донесъ Сенату, который далъ мнѣ за это нахлобучку, сдѣлавъ мнѣ запросъ: какими правилами я руководствовался при исполненіи этого распоряженія. На это я отвѣтилъ Сенату, что распорядился такъ въ виду внезапнаго появленія холеры въ Орловской губерніи и въ виду необходимости принятія какихъ нибудь мѣръ къ предупрежденію этой болѣзни. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тяжкое это было время для Орловцевъ, а въ особенности для меня. Жена моя была беременна и должна была скоро родить; чтобы не испугать ее, я скрывалъ отъ жены появленіе болѣзни въ городѣ, а самъ между тѣмъ, видя необходимость ободрить народъ, долженъ былъ всякій день посѣщать больницы, гдѣ находились холерные.

Архіереемъ въ Орлѣ былъ преосвященный Никодимъ, человѣкъ непросвѣщенный, стараго покроя, но строгихъ правилъ и самой строгой жизни. Въ виду появленія холеры, архіерей задумалъ обойти весь городъ крестнымъ ходомъ; назначено было три дня для того, чтобы обойти

кругомъ весь городъ съ образами и святой водой. Но наши молитвы ничего не помогли; напротивъ того, послѣ крестнаго хода холера усилилась, должно быть вслѣдствіе того, что люди до нельзя утомленные и разгоряченные продолжительной ходьбой, пили холодную воду и отъ этого простужались.

Многіе изъ служащихъ у меня чиновниковъ совершенно упали духомъ; предсѣдатель Уголовной Палаты *) такъ струсилъ, что почти ничего не ѣлъ, никуда не выходилъ и къ себѣ никого не допускалъ.

Когда я узналъ объ этомъ, то счелъ долгомъ побывать у него, желая нѣсколько его ободрить. Поэтому, выйдя изъ присутствія, гдѣ только что принималъ рекрутъ, и пользуясь тѣмъ, что предсѣдатель Астромовъ жилъ недалеко, я зашелъ къ нему и, желая его успокоить, сказалъ:

—Вотъ видите, я не боюсь холеры, сейчасъ принималъ рекрутъ. Когда я ему это сказалъ, онъ такъ испугался, что даже поблѣднѣлъ.

Наконецъ, моя жена разрѣшилась отъ бремени пятымъ моимъ сыномъ Леонтіемъ, но должно быть отъ вліянія тогдашняго воздуха, ребенокъ этотъ, едва окрещенный—скончался, а жена моя имѣла маленькій припадокъ холеры.

Въ это тревожное для меня время я получилъ изъ Ельца донесеніе, что тамъ произошелъ бунтъ въ деревнѣ

---

*) Астромовъ.

уѣзднаго предводителя Ильина, который пользовался весьма дурной репутаціей: на него со стороны жителей пало подозрѣніе, что онъ будто бы отравляетъ колодцы. Такъ какъ холера въ Орлѣ стала ослабѣвать, и мое присутствіе не было тамъ необходимо, то я немедленно отправился въ Елецъ, чтобъ прекратить тамъ возмущеніе. По счастію холера тамъ тоже начала ослабѣвать, и взволнованные страхомъ умы успокоились.

Уговоривши народъ и поручивъ произвести по этому дѣлу слѣдствіе Антоновскому, такъ какъ онъ уже находился въ Ельцѣ по дѣламъ того же Ильина, я опять возвратился въ Орелъ и думалъ, что всѣ будутъ мнѣ благодарны; но къ удивленію моему я узналъ, что отъ нѣкоторыхъ дворянъ поступила на меня, на Высочайшее имя, жалоба, въ которой хотя объяснялось, что я прекратилъ возмущеніе, но не менѣе того меня обвиняли въ томъ, что я поручилъ слѣдствіе по этому дѣлу людямъ нечестнымъ, что дворянство недовѣріемъ моимъ унижено и т. п.

Къ неменьшему удивленію моему, первымъ эту жалобу подписалъ очень просвѣщенный человѣкъ, бывшій полковникъ гвардіи Семеновскаго полка Вадковскій. *).

Оказалось, что причиною этого неудовольствія противъ меня было просто негодованіе уѣзднаго предводителя Ильина на слѣдователя Антоновскаго, который

---

*) Замѣшанный въ исторіи Семеновскаго полка и находившійся подъ надзоромъ полиціи.

производя слѣдствіе по опекѣ, не дѣлалъ ему никакого снисхожденія, а напротивъ того открывалъ все большія и большія злоупотребленія со стороны предводителя.

Кстати, я упомяну о другой непріятности, сдѣланной мнѣ въ Орлѣ. На меня была послана жалоба къ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, жандармскимъ полковникомъ Жемчужниковымъ. Шефъ жандармовъ отнесся къ министру Внутреннихъ Дѣлъ и объяснилъ ему, что будто я, по собственной моей иниціативѣ, послалъ помощника жандармскаго полковника въ распоряженіе Мало-Архангельскаго уѣзднаго предводителя дворянства Казакова, по устройству карантина. По этому поводу мнѣ было внушено, что жандармскій офицеръ вовсе не подчиненъ губернатору, что я очень хорошо зналъ и прежде.

Жалоба Жемчужникова была вполнѣ несправедлива. Дѣло было такъ: Предводитель Казаковъ сталъ мнѣ говорить, что ему нуженъ помощникъ, такъ какъ ввѣренная ему граница слишкомъ велика; въ это время присутствовавшій тутъ же жандармскій полковникъ сказалъ мнѣ:—„Да вотъ мой адъютантъ, можете его употребить въ помощники“.

Когда же мнѣ присланъ былъ запросъ о томъ, по какому праву я распорядился посылкой помощника жандармскаго полковника въ командировку, то я, не мало не медля, послалъ министру копію съ протокола, подписаннаго самимъ же полковникомъ.

Послѣ того, когда графъ Бенкендорфъ былъ у насъ

въ Орлѣ, то я говорилъ съ нимъ объ этомъ, и онъ отозвался, что все это были пустяки, и просилъ меня забыть эту исторію.

Когда въ 1831 году въ Орлѣ опять появилась холера, то мнѣ снова пришлось употребить въ дѣло того-же пьянаго доктора, о которомъ я говорилъ прежде. Передъ тѣмъ, чтобы отправить его на службу, я призвалъ доктора къ себѣ и сказалъ ему: — „Я васъ шесть мѣсяцевъ выдержалъ въ сумасшедшемъ домѣ за ваше поведеніе, но если теперь что нибудь подобное случится, то я отдамъ васъ подъ судъ“.

Онъ обѣщалъ вести себя какъ слѣдуетъ и при этомъ предложилъ мнѣ выдуманную имъ помаду, которой будто бы, если намазаться, то холера ужъ никакъ не пристанетъ; между тѣмъ этотъ несчастный докторъ, не смотря на свою пресловутую помаду, сдѣлался первою жертвою холеры въ Кромахъ, куда былъ командированъ.

Когда я возвращался изъ Ельца въ Орелъ, то на послѣдней станціи освѣдомился, въ какомъ положеніи находится въ городѣ болѣзнь. Мнѣ отвѣтили, что холера усилилась, и между прочимъ я узналъ, что отъ этой болѣзни умерли нѣкоторые изъ моихъ чиновниковъ: предсѣдатель Уголовной Палаты, губернскій прокуроръ и совѣтникъ Уголовной Палаты.

Это былъ послѣдній порывъ этой ужасной болѣзни, потому что вскорѣ послѣ послѣ моего возвращенія, холера начала опять ослабѣвать и, наконецъ, совершенно прекратилась.

Зиму 1831 года мы опять провели довольно весело; я уже нѣсколько свыкся съ дѣлами, хотя разумѣется у меня было не мало хлопотъ.

Чтобы прекратить нѣсколько губернскія интриги, я хотѣлъ отдѣлаться по крайней мѣрѣ отъ губернскаго предводителя Милорадовича, который былъ главнымъ источникомъ всякихъ сплетень. Поэтому однажды я ему сказалъ, что удивляюсь, какъ онъ, съ его способностями, заточилъ себя въ провинціи, и что, по моему мнѣнію, ему слѣдовало бы служить въ Петербургѣ.

Возбудивъ такимъ образомъ его честолюбіе, я наконецъ добился того, что онъ годъ спустя, дѣйствительно, вздумалъ ѣхать въ Петербургъ. Я далъ ему рекемондательное письмо къ дядѣ моему Виктору Павловичу, по протекціи котораго, его причислили къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. По отъѣздѣ Милорадовича, въ самомъ дѣлѣ, сплетни и интриги почти совершенно прекратились.

Въ концѣ 1831 года меня произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но Новосильцевъ, управлявшій тогда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, при производствѣ забылъ сдѣлать представленіе о томъ, чтобы меня утвердили въ должности губернатора, что впрочемъ въ скоромъ времени, и именно въ началѣ 1832 года, и послѣдовало.

Спустя нѣкоторое время жалоба, посланная на меня въ Петербургъ, была препровождена обратно ко мнѣ, и Государь мнѣ же самому приказалъ это дѣло разслѣдо-

вать, вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ и жандармскимъ полковникомъ, присланнымъ нарочно для этого изъ Калуги. Жемчужникова тогда уже не было въ Орлѣ: онъ былъ командированъ въ армію.

По этому случаю, я снова долженъ былъ оставить свою семью, ѣхать въ Елецъ на неопредѣленное время и снова начать слѣдствіе по возмущенію. Мы принуждены были допрашивать тысячи людей, но какъ никакой другой причины, кромѣ невѣжества крестьянъ, я опять таки не нашелъ, то видя, что этому слѣдствію не будетъ конца, донесъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, что заговоровъ никакихъ не усмотрѣно, и уѣздъ весь спокоенъ, а что если дѣло это возбудить вторично, такъ это значитъ только безполезно все расшевелить и потревожить жителей. Представленіе это я послалъ съ нарочнымъ курьеромъ. Государь уважилъ мое представленіе и приказалъ прекратить слѣдствіе; дворянамъ же, подписавшимъ нелѣпую жалобу, приказано сдѣлать Высочайшій выговоръ. Дѣло это задержало меня въ Ельцѣ мѣсяца на два.

По возвращеніи въ Орелъ я усердно занялся устройствомъ богоугодныхъ заведеній.

Весною я получилъ извѣстіе, что дядя мой съ женою намѣренъ ѣхать въ Москву лечиться отъ подагры искусственными минеральными водами. Узнавши объ этомъ, я просилъ 28—дневный отпускъ и, получивъ его, отправился вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ Москву, для свиданія съ родственниками.

Мы ѣхали въ Москву въ іюлѣ мѣсяцѣ, жара была нестерпимая. На станціи Сергіевской жена моя пожелала выкупаться въ тамошней рѣчкѣ, и я хоть и отговаривалъ ее, но наконецъ уступилъ ея желанію. Купанье это имѣло для нее весьма плачевныя послѣдствія, и хотя она тотчасъ ничего не почувствовала, но возвратившись въ Орелъ начала жаловаться на болѣзнь въ горлѣ.

Въ Москвѣ мы провели мѣсяцъ довольно пріятно, потому что всѣ старались доставлять развлеченіе моему дядѣ и устроивать разныя гулянья, въ которыхъ я и жена моя постоянно учавствовали.

На возвратномъ пути мы сопровождали дядюшку въ подмосковную деревню графа Гудовича, который пригласилъ его къ себѣ; намъ это было по дорогѣ. Проведя цѣлый день въ имѣніи графа и распростившись съ дядей, мы продолжали свой путь домой, а дядя вернулся въ Петербургъ.

Въ Орелъ мы прибыли безъ всякихъ приключеній; все остальное время этого лѣта я употребилъ для объѣзда по губерніи.

Все шло хорошо, только болѣзнь моей жены меня безпокоила, но доктора меня увѣряли, что это маленькая простуда, которая скоро пройдетъ.

Опять настала зима, а съ нею опять тоже самое препровожденіе времени.

Въ началѣ 1833 года были выборы; мѣсто губернскаго предводителя было вакантнымъ, и тутъ то нача-

лись опять интриги гг. дворянъ. У меня въ виду на эту должность были двое: Василій Александровичъ Шереметевъ (Мценскій предводитель дворянства) и Мало-Архангельскій уѣздный предводитель Казаковъ. Оба они были люди надежные, съ хорошей репутаціей и хорошимъ состояніемъ. Шереметевъ былъ мой старый товарищъ по Лейбъ-гусарскому полку; Казаковъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и былъ весьма любезный человѣкъ. Шереметевъ и Казаковъ были между собою въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Въ началѣ выборовъ я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ и сказалъ, что и по моему, и по всеобщему мнѣнію одинъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, будетъ избранъ на должность губернскаго предводителя, и просилъ ихъ согласиться между собою для того, чтобы голоса не раздѣлились. Но, кажется, мой совѣтъ пропалъ даромъ: каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію, и оба желали получить мѣсто губернскаго предводителя. При выборахъ, однакожъ, Шереметевъ взялъ верхъ и къ моему удовольствію былъ избранъ губернскимъ предводителемъ. Женѣ моей тоже это было очень пріятно, потому что она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ женою Шереметева Юліею Васильевною.

Въ началѣ весны 1833 года разнесся слухъ, что Государь пріѣдетъ въ Орелъ для осмотра войскъ—опять начались для меня новыя заботы. Для пріема Государя надо было отдѣлать занимаемую мною квартиру въ казармахъ, и я принужденъ былъ раннею весною пере-

ѣхать на дачу, находящуюся верстахъ въ трехъ отъ Орла.

Перевезя семейство на дачу, я самъ, по должности, обязанъ былъ каждый день пріѣзжать въ Орелъ. Погода въ это лѣто была дождливая и холодная; вѣроятно я, въ одинъ изъ такихъ переѣздовъ, простудился, потому что однажды, пріѣхавъ въ Губернское Правленіе, я почувствовалъ маленькій ознобъ, который скоро прошелъ, какъ только я немножко обогрѣлся.

Когда я пріѣхалъ домой, ко мнѣ явились: вновь назначенный жандармскій штабъ-офицеръ Ваптосъ Ивановичъ Драгневичъ и профессоръ Харьковскаго Университета, докторъ Брандейсъ.

Брандейсъ сказалъ мнѣ, что онъ оставилъ университетъ съ тѣмъ, чтобы поселиться въ Орлѣ. Я, какъ частный человѣкъ, отсовѣтовалъ ему исполнить это намѣреніе, на томъ основаніи, что Орелъ небольшой городъ, и что Каспари ужь пользуется здѣсь большой репутаціей: лечитъ во всѣхъ богатыхъ дворянскихъ домахъ; купечество же въ то время было еще такъ невѣжественно, что никогда не прибѣгало къ врачамъ. Брандейсъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ и наружностью.

Заѣхавъ съ визитомъ къ жандармскому полковнику, я и тамъ опять почувствовалъ ознобъ. Чтобы нѣсколько согрѣться, онъ поподчивалъ меня ликеромъ, но это нисколько не помогло, и я поспѣшилъ уѣхать домой, гдѣ отдохнулъ немного и поѣхалъ къ себѣ на дачу. Это

было въ пятницу, а въ субботу на дачѣ я опять нѣсколько разъ чувствовалъ ознобъ.

Въ воскресенье пріѣхали ко мнѣ гости; между ними былъ докторъ Каспари, за которымъ я давно уже посылалъ для жены, которая не переставала себя дурно чувствовать; Каспари уѣзжалъ въ свою деревню и давно уже насъ не посѣщалъ.

Первымъ словомъ Каспари на счетъ моей жены было:—„Зачѣмъ такъ безпокоиться. Ничего, все пройдетъ". Но я ему объяснилъ, что позвалъ его на этотъ разъ не для жены, а для себя и разсказалъ ему всѣ симптомы, которые я чувствовалъ. Все это, по его мнѣнію, ровно ничего не значило, и онъ за обѣдомъ не мало меня не удерживалъ, а напротивъ того, совѣтовалъ мнѣ пить и ѣсть какъ обыкновенно и при всемъ томъ еще выписалъ для меня укрѣпительное лекарство. На другой день я почувствовалъ себя гораздо хуже: у меня начинался бредъ, а Каспари между тѣмъ уѣхалъ и не показывался цѣлый день. Въ Орлѣ былъ другой докторъ Федоровичъ, котораго я опредѣлилъ въ Орловское богоугодное заведеніе Приказа общества призрѣнія. Онъ былъ племянникъ моего управляющаго. Я посовѣтовалъ женѣ послать за Федоровичемъ, который пріѣхавъ посовѣтывалъ мнѣ прежде всего перебраться въ городъ.

Квартиру мою тогда передѣлывали, и потому я послалъ нанять какой нибудь домъ въ городѣ. Во время переѣзда я былъ ужъ совершенно безъ памяти и не помню даже, какъ меня везли. Жена моя послала опять

за Каспари, и онъ явившись продолжалъ меня лечить крѣпительными лекарствами, послѣдствіемъ которыхъ было то, что кровь еще болѣе бросилась мнѣ въ голову. Къ счастію я припомнилъ о Брандейсѣ и сказалъ женѣ, что тутъ есть проѣзжій докторъ,— не худо-бы его позвать. Жена моя за нимъ послала: онъ тотчасъ же явился, осмотрѣлъ меня и нашелъ, что у меня тифъ въ самой сильной степени, и что если леченіе будетъ продолжаться какъ до сихъ поръ, то я болѣзнь не перенесу. Тогда жена послала за Каспари и еще за другими врачами; они всѣ вмѣстѣ съ Брандейсомъ составили консиліумъ, при которомъ у нихъ возникъ споръ: Каспари утверждалъ, что я очень ослабъ и меня надо укрѣпить; Брандейсъ же находилъ, что мнѣ надо пустить кровь. Наконецъ, доктора согласились съ Брандейсомъ и дозволили ему поставить 30 піявокъ; онъ же вмѣсто 30, поставилъ мнѣ ихъ 100 или 150 штукъ и положилъ на голову пузырь со льдомъ. Послѣ этого я нѣсколько очнулся отъ безпамятства, но былъ еще очень слабъ. На другой день мои врачи опять собрались и Каспари, найдя меня слабымъ, рѣшительно объявилъ, что Брандейсъ меня убилъ; Брандейсъ же со своей стороны сказалъ, что вмѣстѣ съ Каспари онъ лечить меня не можетъ и предложилъ моей женѣ выбирать одного изъ нихъ, кому она желаетъ поручить мое леченіе. Такъ какъ Брандейсъ почти не былъ намъ извѣстенъ, то жена моя просила Каспари остаться моимъ докторомъ. Каспари ей на это отвѣчалъ, что она лучше бы сдѣ-

лала, если бы послушала его раньше, а не призывала этого шарлатана, но что теперь онъ ужъ не можетъ взять на себя отвѣтственность, такъ какъ Брандейсъ причинилъ больному большой вредъ. Брандейсъ, услыхавъ это, сказалъ, что такъ какъ Каспари отказывается, то онъ принимаетъ на себя одного всю отвѣтственность и увѣрилъ мою жену, что надежда не потеряна.

Принявшись за леченіе, Брандейсъ опять поставилъ мнѣ сто піявокъ.

Послѣ того натурально, я опять сильно ослабъ, но жаръ уменьшился, и я пришелъ въ сознаніе и попросилъ, чтобы позвали священника. Я не помню въ точности обряда, но хорошо помню, что я пріобщался, и даже священникъ впослѣдствіи говорилъ, что я во время исповѣди говорилъ все какъ слѣдуетъ. Ночь я провелъ еще очень безпокойно, но на разсвѣтѣ совершенно очнулся, даже слышалъ, какъ звонили къ заутрени и какъ собаки на улицѣ лаяли—однимъ словомъ, я чувствовалъ, какъ возвратилась ко мнѣ жизнь. Во время моего безпамятства пріѣхалъ мой своякъ Хитрово, и я часто, приходя на минуту въ сознаніе, видѣлъ его у моей постели.

Въ тотъ день, какъ мнѣ сдѣлалось лучше, пріѣхали изъ Петербурга братья мои, Александръ и Демьянъ, получившіе извѣстіе о моей опасной болѣзни. Они пріѣхали поздно вечеромъ и нашли меня совершенно внѣ опасности, хотя еще очень слабымъ.

Александръ Васильевичъ привезъ съ собою свою любимую собаку Вампу, которая отправилась шарить по всѣмъ комнатамъ и, между прочимъ, вошла въ дѣтскую, гдѣ дѣти ужъ спали. Сынъ мой Петръ во снѣ услыхалъ возлѣ себя шумъ, проснулся и, увидѣвъ животное, которое стояло передъ нимъ на заднихъ лапахъ, началъ кричать; собака въ свою очередь принялась лаять и поднялся ужаснѣйшій гвалтъ. Сына моего насилу могли успокоить, и эта смѣшная по видимому исторія имѣла для него весьма непріятныя послѣдствія, такъ какъ онъ, послѣ того, долгое время былъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма.

Мое здоровье мало по малу поправлялось, и черезъ мѣсяцъ я вступилъ въ отправленіе моей должности. Болѣзнь имѣла самыя несчастныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что безпокойство сильно подѣйствовало на мою жену и помѣшало ей внимательно слѣдить за собственнымъ здоровьемъ. Зиму она провела не совсѣмъ хорошо, никуда не выѣзжала, потому что часто бывала больна, но у себя еще принимала иногда.

Я совѣтовался съ Брандейсомъ, и онъ мнѣ сказалъ, что ей надо будетъ ѣхать непремѣнно въ чужіе края.

Въ концѣ 1833 года, декабря 6-го я получилъ орденъ Св. Станислава 1-й степени.

Въ началѣ 1834 года прибыла въ Орелъ драгунская дивизія, которою командовалъ генералъ Гербель, съ которымъ мы въ скоромъ времени сошлись, а также познакомились и съ бригаднымъ генераломъ Монтрезо-

ромъ. Жена генерала Гербеля была для моей жены весьма пріятной собесѣдницей.

Брандейсъ, который послѣ моего выздоровленія сдѣлался нашимъ домашнимъ врачемъ, все обнадеживалъ меня на счетъ моей жены, но весною все-таки совѣтовалъ ей ѣхать за границу и пользоваться морскими ваннами. Болѣзнь моей жены была горловая чахотка. Брандейсъ старался меня увѣрить, что чахотки нѣтъ, но однакожъ не оспаривалъ того, что болѣзнь эта можетъ развиться, и говорилъ даже, что онъ этого сильно опасается.

Докторъ Каспари почувствовалъ, что онъ докторомъ въ Орлѣ болѣе оставаться не можетъ и потому просился въ отставку.

На мѣсто Каспари я представилъ Брандейса, который и былъ утвержденъ инспекторомъ врачебной управы.

Въ тоже время я узналъ, что Филлипсонъ не можетъ болѣе продолжать воспитаніе моихъ дѣтей и потому, уволивъ его, я написалъ братьямъ въ Петербургъ, прося ихъ отыскать гувернера. Провѣдавъ, что я ищу гувернера, ко мнѣ явился и предложилъ свои услуги г. Мейеръ; онъ объявилъ мнѣ, что живетъ у г. Полторацкаго въ Курской губерніи *) и желаетъ перемѣнить мѣсто. Онъ понравился мнѣ, хотя въ своихъ объясненіяхъ былъ довольно страненъ.

---

*) Въ Новомъ Осколѣ.

Мейеру было тогда болѣе 30 лѣтъ, онъ былъ ганноверецъ, но хорошо объяснялся по французски и по англійски и вполнѣ владѣлъ этими языками. Онъ привезъ мнѣ аттестатъ, данный ему г-жею Полторацкою.

Я рѣшился взять Мейера и поручить ему воспитаніе моихъ дѣтей, которые были еще малолѣтними, и для нихъ еще не требовалось преподаванія высшихъ наукъ.

Въ это время къ намъ, въ Орелъ, въ Губернское Правленіе, былъ переведенъ изъ Петрозаводска статскій совѣтникъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, извѣстный писатель и поэтъ. Онъ прежде служилъ въ военной службѣ и долгое время состоялъ въ должности адьютанта графа Милорадовича. Онъ пріѣхалъ съ женою своею Авдотьею Павловною, урожденную Голенищевою-Кутузовою, дочерью Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, который былъ извѣстенъ всѣму читающему міру по эпиграммѣ Вяземскаго:

„Кутузовъ сенаторъ, К. Кураторъ, К. поэтъ.
„Вездѣ себѣ равенъ, вездѣ равно славенъ—
„Нигдѣ оттѣнковъ нѣтъ.—
„Дурной онъ кураторъ, дурной онъ сенаторъ, дурной онъ поэтъ“.

Жена Глинки Авдотья Павловна тоже была писательница.

Ѳ. Н. Глинку я до тѣхъ поръ не зналъ, но вскорѣ съ нимъ хорошо познакомился и подружился; это былъ отличнѣйшій человѣкъ, высокой честности и добрякъ, съ которымъ можно было по крайней мѣрѣ душу отвести,

а общество Авдотьи Павловны для моей жены было тоже находкой.

Ѳ. Н. Глинка *) по несчастію былъ замѣшанъ въ исторіи 14 декабря. Въ это смутное время онъ управлялъ канцеляріею С.-Петербургскаго генералъ-губернатора. Но такъ какъ за нимъ никакихъ преступныхъ замысловъ не было открыто, то и удовлетворились тѣмъ, что уволили его отъ должности въ Петербургѣ и назначили совѣтникомъ Петрозаводскаго губернскаго правленія; въ Орелъ же его перевели, потому что Глинка по слабости своего здоровья не могъ переносить тамошняго климата.

Кромѣ дружескихъ отношеній, которыя мы питали другъ къ другу, Глинка былъ мнѣ очень полезенъ; такъ какъ онъ занималъ въ Губернскомъ Правленіи сверхштатное мѣсто и не исправлялъ тамъ никакой должности, то я, въ особенно важныхъ случаяхъ, часто прибѣгалъ къ его перу.

Жена моя была еще очень дружна съ супругой новаго губернскаго предводителя и съ его матерью. Такъ какъ Софья Николаевна, по слабости здоровья, не могла ѣздить въ общество, то для нея эти дамы были пріятными собесѣдницами.

Въ числѣ дамъ, которыя чаще другихъ къ намъ ѣздили были: жена доктора Брандейса, тоже очень образованная и милая женщина, имѣвшая большой талантъ

---

*) (Р. 1787) Живетъ теперь въ Твери. *Прим. 1878 г.*

къ рисованію, преимущественно хорошо рисовавшая цвѣты, и жена жандармскаго полковника Драгневича, очень добрая и милая женщина.

Въ это время пріѣхалъ въ Орелъ мой шуринъ, князь Александръ Николаевичъ Вяземскій, но его пріѣздъ былъ для моей жены очень тягостенъ. Это былъ весьма несчастный молодой человѣкъ; въ домѣ отца онъ былъ сильно избалованъ, а потомъ, поступивъ въ военную службу, въ дурной офицерской компаніи совсѣмъ испортился: началъ вообще вести себя дурно и къ тому же пріобрѣлъ привычку пьянствовать.

Намъ было очень жаль его, потому что онъ былъ умный и добрый малый и имѣлъ большой талантъ къ музыкѣ. Но смотря на то, что мы пробовали всѣ средства: совѣтывали ему, бранили даже, съ другой стороны старались доставить ему удовольствіе,—онъ все-таки находилъ случай посѣщать дурное общество и предаваться своей страсти. Но дѣлать было нечего. Александръ Николаевичъ, по милости своего отца, не имѣлъ пріюта, и я долженъ былъ держать его у себя въ Орлѣ.

Здоровье моей жены не поправлялось, а ухудшалось. Она еще кое-какъ перенесла зиму, но съ весной болѣзнь ея усилилась. Я рѣшился выйти въ отставку и ѣхать съ нею въ чужіе края.

Дядя мой, Викторъ Павловичъ, тоже намѣревался ѣхать за границу, и я разсчитывалъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. До отъѣзда за границу оставалось еще довольно времени, и я отыскалъ въ сосѣдствѣ, въ недалекомъ раз-

стояніи отъ Орла, деревенскій домъ, хорошо устроенный, принадлежавшій нашей знакомой г-жѣ Охотниковой, который она намъ дозволила занять, куда мы и переѣхали въ началѣ мая. Но хорошій воздухъ и деревенская жизнь не мало не пособили здоровью моей жены: она часъ отъ часу все болѣе ослабѣвала.

20 мая пріѣхали къ намъ братья мои Демьянъ и Александръ Васильевичи, и въ этотъ день, по случаю ихъ пріѣзда, у насъ собралось еще нѣсколько гостей близко съ нами знакомыхъ. Жена моя уже не могла обѣдать съ нами, но во время стола все-таки вышла, обрадованная пріѣздомъ моихъ братьевъ. Въ этотъ день она видимо была довольна, весела и много бесѣдовала со своими гостями. Послѣ обѣда жена ушла въ свою спальню, а я съ гостями и братьями отправился въ садъ прогуляться и курить сигары.

Не прошло и полчаса, какъ прибѣгаетъ ко мнѣ горничная жены и говоритъ, что барынѣ сдѣлалось дурно. Я прибѣгаю къ ней и нахожу ее ужъ безъ чувствъ, и вскорѣ Богу было угодно прекратить ея жизнь! Еще за нѣсколько дней передъ смертью она сдѣлалась слаба до такой степени, что ей случалось засыпать среди разговора. Такъ было съ ней одинъ разъ, когда къ намъ пріѣхала Зотова, и она, разговаривая съ нею, моментально заснула.

У меня словъ не достаетъ, чтобъ выразить мою грусть объ этой потерѣ. Мы десять лѣтъ прожили вмѣстѣ, почти неразлучно и никогда между нами не было

ни малѣйшаго неудовольствія. Мало того, мы знали всѣ мысли другъ друга, потому что другъ передъ другомъ ничего никогда не скрывали. Въ ней заключался весь мой міръ, и съ кончиной ея я остался какъ въ пустынѣ!.. Но горесть же, вѣроятно, придала мнѣ твердости, и я проводилъ прахъ ея до могилы. Я похоронилъ ее 24 мая въ монастырѣ, при архіерейскомъ домѣ.

Если что нибудь могло меня утѣшить въ такомъ большомъ несчастіи, какъ моя потеря, такъ это выраженіе всеобщей горести всѣхъ жителей Орла, которые умѣли оцѣнить добродѣтель Софьи Николаевны.

Еще не успѣлъ я оправиться послѣ этого печальнаго для меня событія, какъ 5-го или 6-го іюня я получилъ изъ Москвы, съ эстафетой, извѣстіе, что 4-го Іюня скончался дядя мой, князь Викторъ Павловичъ Кочубей.

Получивъ это извѣстіе въ письмѣ отъ двоюроднаго брата, князя Василія Викторовича, братъ мой Демьянъ Васильевичъ отправился въ Москву съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ утѣшить какъ нибудь несчастную нашу тетушку. Конечно, въ моей горести эта вторая потеря была не такъ для меня чувствительна.

Послѣ нанесеннаго мнѣ Богомъ удара, я не имѣлъ уже духа оставаться въ Орлѣ и просился на нѣсколько мѣсяцевъ въ отпускъ. Министромъ тогда былъ графъ Блудовъ, который поспѣшилъ удовлетворить мою просьбу.

Получивъ отпускъ, я съ дѣтьми поѣхалъ къ матери

моей въ деревню, гдѣ любовь ея и дружба моихъ братьевъ нѣсколько облегчили мою скорбь.

9-го сентября того же 1834 года я получилъ извѣстіе, что Государь Императоръ будетъ въ Орлѣ для осмотра драгунскаго корпуса. Нечего дѣлать, пришлось опять бросить деревню и хоть, скрѣпя сердце, возвратиться въ Орелъ, для принятія столь Дорогаго Гостя.

По маршруту, присланному мнѣ, Государь долженъ былъ ѣхать изъ Москвы на Нижній-Новгородъ, а оттуда уже въ Орелъ, и потому я сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ заготовить лошадей отъ границы Воронежской губерніи до Орла; по моему разсчету Государь долженъ былъ прибыть въ Орелъ въ началѣ октября мѣсяца.

Однажды, будучи въ церкви, гдѣ служилъ панихиду по моей женѣ, я получилъ извѣстіе отъ пріѣхавшаго фельдъегеря, что Государь перемѣнилъ маршрутъ и изъ Москвы ѣдетъ прямо на Орелъ черезъ Калугу, съ иностранными посланниками и большой свитой, часть которой проѣдетъ черезъ Тулу.

Вслѣдствіе этого мнѣ было не мало хлопотъ по заготовкѣ лошадей. но въ этомъ отношеніи у меня подъ рукою былъ хорошій помощникъ и отличный распорядитель, губернскій почтмейстеръ, малороссъ, Мовчанъ.

19-го или 20-го сентября вечеромъ пріѣхалъ Государь.

Пребываніе Его Величества въ Орлѣ всегда останется одной изъ памятныхъ эпохъ въ моей жизни; милость его, мнѣ оказанная, нѣсколько облегчила мою

скорбь. Государь, сверхъ чаянія, провелъ въ Орлѣ 8 дней, чего съ нимъ никогда не бывало ни въ одномъ губернскомъ городѣ. Причиной этому долговременному пребыванію были испорченныя повсемѣстно дороги, вслѣдствіе чего Государь и перемѣнилъ маршрутъ. Но, желая однакожъ непремѣнно проѣхать въ Нижній-Новгородъ, Государь послалъ фельдъегеря впередъ, провѣдать о состояніи дорогъ, и вотъ, въ ожиданіи его возвращенія, ему пришлось пробыть въ Орлѣ цѣлую недѣлю. Дороги оказались дурными, и потому Государь въ Нижній не поѣхалъ, а возвратился въ Орелъ.

Постараюсь, на сколько возможно, обстоятельнѣе разсказать о пребываніи Государя въ Орлѣ.

Вмѣстѣ съ Государемъ прибыли въ Орелъ: Бенкендорфъ (впослѣдствіи графъ), Кисилевъ (впослѣдствіи графъ), дѣлопроизводитель военнопоходной канцеляріи Позенъ, два иностранныхъ посланника: Прусскій и Австрійскій, два военные агента иностранныхъ державъ и ихъ свита, четыре флигель-адъютанта Его Величества *) и докторъ Арендтъ—всѣмъ этимъ лицамъ я долженъ былъ приготовить квартиры.

Государь пріѣхалъ прямо въ соборъ, гдѣ я его и встрѣтилъ.

Послѣ краткаго молебствія, я поспѣшилъ его преупредить объ отведенной ему квартирѣ въ моемъ домѣ.

---

*) Въ свитѣ Его Величества былъ князь Суворовъ, бывшій тогда еще поручикомъ.

Первыя его слова, обращенныя ко мнѣ, были слова милости и участія къ моему положенію. Затѣмъ онъ изъявилъ сожалѣніе о смерти князя Виктора Павловича Кочубея и, поговоривъ немного, прошелъ въ свою комнату. На другой день Государь принималъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ и архіерея. Потомъ онъ пожелалъ видѣть моихъ дѣтей и, когда я ихъ представилъ, то онъ былъ съ ними очень ласковъ и пожаловалъ ихъ пажами, сказавъ при этомъ:—„Я надѣюсь, что ты мнѣ ихъ отдашь“.

Въ тотъ же день я долженъ былъ отдать визиты всѣмъ иностраннымъ посланникамъ.

Къ обѣду Государя были приглашены: я, архіерей и губернскій предводитель дворянства.

На второй день пребыванія Государя назначенъ былъ смотръ всего драгунскаго корпуса.

Сначала Государь былъ очень доволенъ состояніемъ войскъ, но потомъ, когда онъ приказалъ пройти предъ нимъ всему корпусу въ карьеръ, то произошелъ весьма непріятный случай: подъ одной пушкой свалилась лошадь, пушка наѣхала и сильно ушибла одного изъ ѣздовыхъ. Государь, увидѣвъ это, приказалъ графу Киселеву узнать, что такое случилось, но затѣмъ въ нетерпѣніи поѣхалъ и самъ къ мѣсту происшествія. Встрѣтившійся съ Государемъ на дорогѣ Кисилевъ, на вопросъ:—„Что тамъ такое?“—отвѣчалъ, что пушкою убило двухъ людей. — Государь поѣхалъ туда и, встрѣтивъ доктора Арндта, узналъ, что двое солдатъ ушиблены, но что опасности никакой нѣтъ.

Государь разсердился на Кисилева и съ свойственнымъ ему грознымъ видомъ сдѣлалъ Кисилеву замѣчаніе: — „Какъ-же вы могли такъ ложно мнѣ донести? Впередъ извольте быть осмотрительнѣе въ своихъ донесеніяхъ. Да еще когда говорятъ со старшими, такъ руку къ шляпѣ!“

Гнѣвъ Государя продолжался впрочемъ недолго, потому что Государь очень любилъ Киселева, да этому помогъ еще и Бенкендорфъ, который нарочно сказался больнымъ, чтобы дать Киселеву средство сопровождать Государя на маневрахъ.

Въ тотъ день былъ большой обѣдъ для всѣхъ генераловъ и всѣхъ полковыхъ командировъ. Государь былъ такъ милостивъ, что за столомъ посадилъ меня рядомъ съ собою.

На слѣдующій день не было маневровъ, и Государь воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы осмотрѣть богоугодныя заведенія и острогъ, и, поѣхавъ туда, посадилъ меня съ собою въ коляску.

Надо замѣтить, что ябедники воспользовались прибытіемъ Государя, чтобы подать на меня пропасть жалобъ. (Ихъ было подано до 50). Государь велѣлъ флигель-адъютантамъ принять эти просьбы и ихъ разобрать, причемъ оказалось, что просьбы эти все пустыя, незаслуживающія никакого вниманія. Государь приказалъ разузнать, кто писалъ ябеды, и по дознаніи было обнаружено, что почти всѣ онѣ были написаны двумя ябедниками: однѣ — отставнымъ военнымъ, а другія—

гражданскимъ, тоже отставнымъ чиновникомъ. Графъ Бенкендорфъ объявилъ, чтобы я отыскалъ этихъ сочинителей.

Когда они были найдены, и я препроводилъ ихъ къ графу, то онъ сказалъ мнѣ, что Государь приказываетъ посадить ихъ въ острогъ, куда они и были немедленно отправлены. Пріѣхавъ въ острогъ, Государь ихъ сейчасъ же замѣтилъ и спросилъ у меня:—„Что это за рожи?“

Я ему доложилъ, что это тѣ самые люди, которыхъ ему угодно было приказать посадить въ острогъ за доносы.

— А что, каковъ у меня глазъ! Я сейчасъ ихъ узналъ! Я тебѣ приказываю отдать ихъ обоихъ въ солдаты.

Въ другомъ отдѣленіи острога Государь увидалъ двухъ малолѣтнихъ арестантовъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:—„Ты вѣдь получилъ, кажется, приказъ, не держать малолѣтнихъ вмѣстѣ съ совершеннолѣтними?“

— Получилъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я, но за неимѣніемъ мѣста, я не нашелъ возможнымъ исполнить этотъ приказъ.

— Ну хочешь—я тебя отъ нихъ избавлю: забрѣй имъ всѣмъ лбы.

Одинъ изъ этихъ арестантовъ былъ изъ духовнаго званія, а другой — крестьянинъ, принадлежащій помѣщику. Доложивъ объ этомъ Государю, я напомнилъ ему, что изъ духовнаго званія въ солдаты отдать можно, а что другой изъ арестантовъ помѣщичій крестьянинъ, и потому, пока рѣшеніе о немъ не состоялось, его нель-

зя отдать въ солдаты; потому что онъ можетъ еще оказаться невиновнымъ и долженъ будетъ поступить къ своему помѣщику.

— Да неужели-же, отвѣчалъ Государь, помѣщикъ пожалѣетъ мнѣ его отдать!

— Я надѣюсь, Ваше Величество, что никто не пожалѣетъ Вамъ отдать солдата,—сказалъ я,—но думаю, что помѣщику всетаки слѣдуетъ выдать за него рекрутскую квитанцію.

Еще прежде посѣщенія тюрьмы Государь побывалъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ и между прочимъ въ больницѣ, которою преимущественно остался очень доволенъ, найдя тамъ все въ полномъ порядкѣ и чистотѣ. Его Величество благодарилъ меня и позволилъ представить къ наградѣ завѣдующихъ больницею.

При выходѣ изъ больницы, мы встрѣтили посланниковъ, которые по приглашенію Государя, тоже пріѣхали осмотрѣть больницу. Государъ ихъ встрѣтилъ словами:

— Жаль господа, что вы опоздали: заведеніе это достойно вниманія; впрочемъ, вы можете и теперь все осмотрѣть.—Посланники отправились осматривать больницу, а Государь, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ школу, учрежденную для дѣтей приказныхъ служителей. Вошедши въ школу, Государь былъ очень ласковъ съ дѣтьми, спросилъ ихъ, довольны ли они тѣмъ, что ихъ учатъ грамотѣ. Они его благодарили. Войдя въ спальню, Государь осмотрѣлъ постели, сбросивъ съ кроватей всѣ

тюфяки и простыни. Кончивъ этотъ осмотръ, онъ сказалъ мнѣ: „Ну благодарю, я нашелъ у тебя все въ совершенствѣ“.

Затѣмъ онъ пошелъ по черной лѣстницѣ въ кухню. Лѣстница была довольно темная и только слабо освѣщена фонаремъ, но несмотря на то, онъ замѣтилъ подъ фонаремъ масляное пятно и спросилъ у меня: „А это что такое?“ Я на это отвѣчалъ ему, что не имѣю счастія имѣть такой глазъ, какъ у него, и что не смотря на то, что я довольно часто здѣсь бываю, я не замѣтилъ этого пятна.

Послѣ этого мы возвратились, и Государь меня еще разъ благодарилъ за порядокъ въ школѣ, позабывъ о пятнѣ.

Единственное заведеніе, которымъ Государь остался недоволенъ, было помѣщеніе инвалидовъ, которое находилось въ казармѣ, потому что богоугодныя заведенія не всѣ еще были достроены. Я отвѣчалъ Государю, что объ устройствѣ новыхъ помѣщеній для инвалидовъ я уже нѣсколько разъ представлялъ министру, но еще не получилъ разрѣшенія.

— Въ такомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока получится разрѣшеніе, наймите для нихъ лучшій домъ, сказалъ Государь.

Проводивъ Государя, я отправился къ графу Бенкендорфу, доложить ему о приказаніи Государя относительно отдачи ябедниковъ въ солдаты и просилъ его объявить мнѣ письменно Высочайшее повелѣніе, потому что я иначе не имѣю права дѣйствовать.

Графъ на это мнѣ отвѣчалъ:

— Знаете, лучше немножко повремените: это дѣло какъ нибудь уладится.

Я послѣдовалъ его совѣту, а послѣ не зная, что мнѣ дѣлать съ этими арестантами, я выпустилъ ихъ, продержавъ въ острогѣ мѣсяца три. Объ этомъ я имѣлъ однакожъ предосторожность донести министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ тотъ день, какъ мы осматривали богоугодныя заведенія, у Государя былъ обѣдъ, на который были приглашены иностранные послы и я.

За обѣдомъ зашелъ разговоръ о европейскихъ дѣлахи и Государь, между прочимъ, выразился слѣдующимъ образомъ: „On dit, qu'il y a une revolution en France—et bien, tant mieux: la legitimité triomphera“.

Признаюсь, что эти неосторожныя слова меня поразили. Безъ сомнѣнія по этому поводу были посланы курьеры отъ гг. посланниковъ къ своимъ правительствамъ.

На слѣдующій день было ученье 1 драгунской дивизіи Гербеля.

На этомъ смотру я не присутствовалъ, но слышалъ, что Государь остался имъ доволенъ.

Въ этотъ день Государь обѣдалъ одинъ.

Нѣкоторыя лица изъ свиты обѣдали у меня, а для посланниковъ былъ приготовленъ особый столъ. Вечеромъ Государь пригласилъ къ себѣ офицеровъ и дѣлалъ имъ замѣчанія на счетъ большихъ маневровъ.

На четвертый день был отдыхъ, и Государь вечеромъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный ему дворянствомъ, на которомъ Государь прошелъ только польскій съ женою предводителя и послѣ этого не танцовалъ и, пробывъ на балѣ всего не болѣе часа, Государь уѣхалъ домой, куда я его сопровождалъ.

Государь замѣтилъ на балѣ только одну даму. (Это была г-жа Клушина, урожденная Сабурова, женщина извѣстная въ то время своей красотой). Спросивъ, какъ ее зовутъ, онъ вспомнилъ, что видѣлъ ее въ Москвѣ въ Благородномъ собраніи.

Въ воскресенье Государь отправился слушать обѣдню въ больничную церковь, священникъ которой ему очень понравился.

На пятый или шестой день пребыванія въ Орлѣ Его Величество посѣтилъ устроенный мною въ другой казармѣ лазаретъ для больныхъ военнаго вѣдомства и остался имъ очень доволенъ. При выходѣ оттуда его встрѣтила толпа мужиковъ, которые, бросившись ему въ ноги, подали просьбу. Государь поручилъ мнѣ разузнать въ чемъ дѣло.

Я разспросилъ ихъ и въ короткихъ словахъ доложилъ Государю. Это были крестьяне полковника Каменскаго, побочнаго сына покойнаго графа Каменскаго, для котораго это имѣніе было нарочно куплено. Полковникъ Каменскій былъ въ свое время отличный, храбрый и способный офицеръ, но впослѣдствіи онъ былъ замѣшанъ въ политическую исторію и умеръ въ крѣпости, не оставивъ

послѣ себя наслѣдниковъ, но оставивъ зато много долговъ. По закону крестьяне выморочнаго имѣнія дѣлались казенными, но такъ какъ въ этомъ случаѣ надо было уплатить долги, то, по рѣшенію Сената, имѣніе, было продано съ публичнаго торга, и хотя помѣщики, которые пріобрѣли это имѣніе, не дѣлали крестьянамъ притѣсненій, тѣмъ не менѣе въ головахъ крестьянъ, подстрекаемыхъ ябедниками, постоянно бродили мысли, что они должны быть свободными, и они докучали безпрестанно просьбами губернаторамъ, Губернскому правленію и даже Сенату, которые имъ постоянно твердили, что они не имѣютъ права жаловаться.

Когда я объяснилъ это Государю, то онъ, сейчасъ же обратившись къ крестьянамъ, далъ имъ довольно суровый и строгій нагоняй.

На шестой день былъ смотръ 2-й драгунской дивизіи, которою командовалъ Павелъ Христофоровичъ Граббе. На этомъ смотру случилось, что вслѣдствіе неловко установленнаго фронта, во время маневровъ бригадный командиръ, генералъ графъ Анрепъ построилъ свою бригаду спиною къ непріятелю и повелъ ее въ атаку противъ своихъ. Государь очень разгнѣвался и сдѣлалъ выговоръ Граббе, но тотъ отвѣчалъ, что приказывалъ совершенно иначе, но что Анрепъ не исполнилъ его распоряженій какъ слѣдуетъ. Генералъ Анрепъ дѣйствительно, не смотря на храбрость и благородство своего характера, былъ весьма ограниченный человѣкъ. Вечеромъ у Государя опять было военное совѣщаніе, на которомъ Государь сильно распекалъ Анрепа.

На слѣдующій день былъ данъ отдыхъ войскамъ. Государь ѣздилъ со мною по городу и нашелъ, что онъ не красивъ; на что я замѣтилъ ему, что городъ и неможетъ поправиться, вслѣдствіе недостатка торговыхъ сношеній.

Государь, между прочимъ, сдѣлалъ еще одно замѣчаніе, а именно: что на балѣ были дамы не довольно нарядно одѣты. Я попросилъ позволенія у Государя утаить это послѣднее замѣчаніе, потому что если бы оно сдѣлалось извѣстнымъ, то жены начали бы разорять своихъ мужей. Тутъ кстати я сказалъ Государю, что дворянство бѣднѣетъ вслѣдствіе того, что большая часть дворянъ служитъ, а имѣнія отдаются въ распоряженіе управляющихъ, между которыми очень трудно отыскать свѣдующихъ людей, и потому весьма было бы полезно, еслибъ Государю было угодно распространить и на управляющихъ имѣніями права и привиллегіи, данныя домашнихъ учителямъ и докторамъ, а именно: чтобы ихъ служба считалась за коронную. На это Государь мнѣ отвѣчалъ:—„Ну, мнѣ кажется, что ты слишкомъ многаго желаешь; а скажи: доволенъ ли ты управленіемъ удѣльныхъ имѣній?“—Я сказалъ, что очень доволенъ, потому что жалобъ оттуда никакихъ не поступаетъ, и на этихъ имѣніяхъ не числится никакихъ недоимокъ, прибавивъ, что было бы весьма желательно, чтобы и казенныя имѣнія были бы поставлены въ такое положеніе, какъ удѣльныя; потому что на казенныхъ имѣніяхъ, въ противуположность удѣльнымъ, недоимки съ каждымъ годомъ увели-

чиваются, и присутственныя мѣста завалены жалобами.

Можетъ быть эти слова мои дали мысль Государю учредить особое министерство Государственныхъ Имуществъ, такъ какъ въ скоромъ времени послѣ этого разговора я узналъ объ учрежденіи новаго министерства.

Въ тотъ день я имѣлъ счастіе обѣдать съ Государемъ, а на слѣдующій день были назначены большіе маневры всего корпуса, которые прошли вполнѣ удачно.

Государь былъ очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ корпуса и приказалъ нижнимъ чинамъ выдать денежную награду. Я присутствовалъ на маневрахъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми.

Такъ какъ пріѣхавшій фельдъегерь привезъ извѣстіе о дурномъ состояніи дорогъ, то Государь на другой день послѣ большихъ манеровъ поѣхалъ черезъ Мценскъ и Тулу прямо въ Москву.

Тотчасъ же по отъѣздѣ Государя я имѣлъ счастіе получить Высочайшій рескриптъ и орденъ Св. Анны.

Отдохнувъ нѣсколько дней, я принялся за исполненіе объявленной мнѣ воли Государя, т. е. за перемѣщеніе инвалидовъ. Для этого я пріискалъ домъ невдалекѣ отъ прочихъ богоугодныхъ заведеній.

Осень прошла благополучно, безъ особенныхъ хлопотъ. Дѣтей я отправилъ въ Ярославецъ къ матушкѣ, и они тамъ провели зиму. На слѣдующій 1835 годъ я уговорилъ матушку мою провести зиму въ Орлѣ, и она въ октябрѣ мѣсяцѣ прибыла туда, вмѣстѣ съ сестрой моей Еленой Васильевной Маюровой.

Ихъ пріѣздъ нѣсколько облегчилъ мою скорбь. Домъ мой оживился также прибытіемъ моей свояченицы Хитрово, сестры моей жены, которая вмѣстѣ съ мужемъ своимъ и братомъ А. Н. Вяземскимъ согласились провести у меня зиму. Братъ мой В. В. съ женою на зиму тоже пріѣхали въ Орелъ, и такимъ образомъ въ обществѣ родныхъ мы провели зиму если и безъ большихъ удовольствій, то по крайней мѣрѣ покойно. Матушка по слабости здоровья не принимала участія ни въ увеселеніяхъ, ни въ прогулкахъ. Чтобы дать матушкѣ возможность присутствовать на обѣдняхъ и говѣть, я устроилъ въ своемъ домѣ полковую церковь.

Я узналъ, что одинъ изъ помѣщиковъ Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда, отставной подполковникъ Михаилъ Петровичъ Бахтинъ, весьма богатый холостой человѣкъ, имѣетъ намѣреніе послѣ своей смерти пожертвовать свое имѣніе для устройства кадетскаго корпуса.

Весною 1835 года, отправившись объѣзжать по обыкновенію губернію, я, по прибытіи въ Брянскъ, вспомнилъ о Бахтинѣ и пожелалъ познакомиться съ нимъ.

Бахтина я до тѣхъ поръ вовсе не зналъ и потому послалъ къ нему исправника предувѣдомить, что, по окончаніи ревизіи Брянскаго уѣзда, я намѣренъ заѣхать къ нему и съ нимъ познакомиться.

Бахтинъ былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ и просилъ меня остаться отобѣдать. Разговорившись съ нимъ, я сказалъ, что слышалъ о его намѣреніи.

— Да, Ваше Превосходительство, — отвѣчалъ онъ

мнѣ,—я бы хотѣлъ это сдѣлать, да не знаю, какъ мнѣ поступить.

— Дайте только ваше согласіе,—сказалъ я,—а я ужъ постараюсь это устроить.

Мы ударили съ нимъ по рукамъ, выпили шампанскаго за здоровье строителя будущаго кадетскаго корпуса и условились, что онъ отдастъ свой капиталъ *) сейчасъ же на корпусъ, а послѣ смерти своей завѣщаетъ на корпусъ же свое благопріобрѣтенное имѣніе, при чемъ онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ лишать наслѣдниковъ своихъ родоваго имѣнія.

Я увѣдомилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудова о намѣреніи Бахтина; дѣло сейчасъ же пошло въ ходъ. Государь съ благодарностью принялъ пожертвованіе и пожаловалъ Бахтину генеральскій чинъ и орденъ Св. Владиміра 2-й степени.

Исполненіе этого дѣла было возложено на Военнаго министра, а мнѣ объявлено Высочайшее благоволеніе. Военный Министръ вошелъ въ прямыя сношенія съ самимъ Бахтинымъ и такъ вскружилъ этому старику голову, что тотъ пожертвовалъ и родовое имѣніе свое въ пользу корпуса.

Спустя нѣсколько времени по возвращеніи моемъ, я получилъ отъ министра извѣстіе, что Государь опять заѣдетъ въ Орелъ по пути изъ Курска въ среднихъ числахъ октября (1835 г.).

---

*) Состоящій изъ 300 тыс. руб.

И вотъ у меня снова заботы о заготовленіи лошадей, объ исправленіи дорогъ, что было весьма затруднительно въ осеннее время. Въ концѣ сентября пошли проливные дожди, и дороги были такъ испорчены, что я находился въ совершенномъ недоумѣніи, что и какъ дѣлать. Сосѣдній Курскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ, совсѣмъ раскопалъ дороги въ своей губерніи, я же счелъ за лучшее ихъ не трогать. Вышло то, что послѣ дождя наступили сильные морозы и въ Курской губерніи дороги нѣсколько угладились, а у меня напротивъ того, онѣ покрылись огромными грудами и кочками, и я былъ въ большомъ затрудненіи, опасаясь, чтобы экипажъ Государя не поломался.

Получивъ извѣстіе о пріѣздѣ Государя, я рѣшился на-скоро отстроить домъ, который назначался для чиновниковъ, служащихъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ, и обратить его на время въ помѣщеніе для инвалидовъ, куда они наканунѣ пріѣзда Государя и были переведены.

6-го или 7-го числа я съ утра ожидалъ Государя, и наконецъ въ 11 часовъ ночи онъ пріѣхалъ. Вьюга была ужасная; коляска Государя была совсѣмъ закрыта снѣгомъ. Я выбѣжалъ на крыльцо и увидалъ, что Государь насилу выходитъ изъ коляски.

—Ну, набило же мнѣ бока!—сказалъ онъ.—Надобно благодарить Бога, Ваше Величество, что Вы доѣхали въ такую вьюгу!—сказалъ я ему.

Однакожъ, не смотря на безпокойную и дурную дорогу, Государь меня очень ласково принялъ.

На слѣдующій день по утру, въ день годовщины смерти Императрицы Маріи Θеодоровны, Государь пожелалъ отслужить панихиду и послалъ за священникомъ богоугодныхъ заведеній, который имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе Государя въ первый его пріѣздъ въ Орелъ.

Во время служенія панихиды въ комнатахъ Его Величества никто посторонній не присутствовалъ.

Такъ какъ погода съ утра была очень дурная, то Государь назначилъ смотръ войскамъ къ 2-мъ часамъ.

Послѣ панихиды Государь завтракалъ, потомъ я явился къ нему за приказаніями и узнать, не желаетъ ли онъ посѣтить какія нибудь присутственныя мѣста или заведенія.

Государь сказалъ мнѣ, что онъ все уже видѣлъ и что у него мало времени.—„Я осмотрю только войска, переночую и завтрашній день отправлюсь въ дальнѣйшій путь, чрезъ Мценскъ и Тулу въ Москву“.

Когда дали знать, что полки собрались, Государь поѣхалъ на смотръ, а я, отдавши свои экипажи Государю и его свитѣ, остался дома; какъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ, запыхавшись, полиціймейстеръ и говоритъ, что Государь отправился въ богоугодныя заведенія.

Я схватилъ извощичьи дрожки и велѣлъ меня вести какъ можно скорѣй, но когда я пріѣхалъ, то Государь уже сходилъ съ лѣстницы. При видѣ меня онъ сказалъ:

— Я заѣхалъ въ больницу, потому что войска не всѣ оказались въ сборѣ.

При этомъ Государь опять меня благодарилъ, и, обратившись къ сопровождавшему его доктору Арндту, спросилъ:

— Не правда-ли, что здѣшнія богоугодныя заведенія устроены лучше, чѣмъ въ Курскѣ, хотя я и тѣми тоже остался очень доволенъ, но эти мнѣ кажутся еще лучшими.

— Здѣсь, дѣйствительно, они устроены основательнѣе,—сказалъ Арндтъ,—въ Курскѣ—больше роскоши. (По милости Демидова).

Затѣмъ я предложилъ Государю, не желаетъ ли онъ кстати осмотрѣть новое помѣщеніе инвалидовъ, которыхъ я перевелъ по его желанію. Но Государь отвѣчалъ, что очень дорожитъ временемъ и поручаетъ это Н. И. Арндту.

Съ этими словами онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на смотръ, а мы съ Арндтомъ пошли въ домъ инвалидовъ. Войдя туда, я изумился, увидавъ необыкновенный паръ, отъ котораго въ двухъ шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Паръ этотъ происходилъ отъ того, что слишкомъ жарко натопили печи, а выштукатуренныя стѣны еще не вполнѣ высохли.

Что было-бы со мною, еслибъ Государь въ это время былъ тутъ?

Я, разумѣется, просилъ Арндта не доводить объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія Государя, потому что я и самъ еще не зналъ хорошенько причины этого явленія, обѣщая ему во всякомъ случаѣ завтрашній же день перевести инвалидовъ въ другое зданіе. На слѣдующій день,

когда я, проводивши Государя, счелъ первымъ долгомъ заѣхать въ инвалидный домъ, я засталъ зданіе по прежнему сухимъ и чистымъ, и въ воздухѣ не было замѣтно ни малѣйшаго пара.

Послѣ весьма короткаго осмотра Государь, возвратившись домой, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, причемъ объявилъ мнѣ, что завтрашній день намѣренъ выѣхать изъ Орла, и что маневры будутъ произведены по дорогѣ.

По случаю понесенной мною потери, которая сдѣлала для меня жизнь въ Орлѣ невыносимой, я просилъ Государя уволить меня отъ должности губернатора, но Государь мнѣ въ этомъ рѣшительно отказалъ сказавъ:

— Нѣтъ, останься хоть одинъ годъ; надѣюсь, что ты вѣдь не откажешь въ моей просьбѣ.

Послѣ этого, разумѣется, мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ покориться волѣ Императора. Вспомнивъ о пожертвованіи Бахтина, Государь сказалъ мнѣ: „Благодарю тебя за то, что ты это устроилъ. Но слышалъ ли ты, что Бахтинъ изъявляетъ теперь желаніе отдать и родовое имѣніе?“

— Да, Ваше Величество, отвѣчалъ я, но вѣдь законъ воспрещаетъ принять это пожертвованіе.

— Ну, однакожъ, надо какъ нибудь это уладить.

— Буду ожидать на это приказаніе Вашего Величества, отвѣтилъ я.

Въ скоромъ времени, дѣйствительно, послѣдовало Высочайшее повелѣніе купить имѣніе Бахтина и купчую

крѣпость поручено совершить губернскому предводителю, что и было исполнено противъ справедливости и общаго желанія и въ явный ущербъ наслѣдникамъ Бахтина, потому что деньги, которыя выручены были при продажѣ имѣнія, Бахтинъ также пожертвовалъ въ пользу кадетскаго корпуса.

Для подписанія купчей крѣпости, я, вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ, отправился къ Бахтину.

Я упрекнулъ старика въ томъ, что онъ не исполнилъ обѣщанія по отношенію къ своимъ наслѣдникамъ, но отъ него въ отвѣтъ получилъ слѣдующее объясненіе его поступка.

— Что же, батюшка, мнѣ дѣлать было, когда мои крестьяне родоваго имѣнія пришли ко мнѣ съ упреками: „За что же вы, батюшка, осчастливили благопріобрѣтенныхъ крестьянъ, тогда какъ насъ несчастныхъ оставляете въ подданствѣ; вѣдь вы то имѣніе пріобрѣли нашими же трудами". Какъ же мнѣ, согласитесь сами, было устоять противъ такихъ упрековъ и не удовлетворить ихъ справедливой претензіи?

Такъ какъ Бахтинъ имѣлъ намѣреніе пожертвовать благопріобрѣтенное свое имѣніе только послѣ смерти, то надѣялся, что также точно будетъ поступлено и съ родовымъ его имѣніемъ, т. е. что онъ послѣ продажи будетъ владѣть имъ, пока живъ. Государь, узнавъ объ этомъ его желаніи, позволилъ ему жить въ родовомъ имѣніи до смерти.

Въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 года драгун-

ская дивизія получила повелѣніе выйти изъ Орла, а на мѣсто ея вступила къ намъ дивизія гусарская, подъ командою генерала Сиверса, съ которымъ мы были очень дружны и согласны. Жена генерала Сиверса была прекраснѣйшая и добрая женщина; она также скоро сошлась и подружилась съ моей матушкой и сестрой, которыя на зиму опять пріѣхали въ Орелъ.

На этотъ разъ онѣ привезли съ собою воспитанницу моей сестры Елену Васильену Борзенко и Ольгу Ивановну Туманскую.

Братъ Василій Васильевичъ намѣренъ былъ провести зиму въ Москвѣ, а Хитровы опять пріѣхали къ намъ.

Такъ какъ свояченица моя была очень веселаго и милаго характера, то она и устроила такъ, что мы всю зиму провели довольно пріятно: у насъ часто бывали танцы, домашніе спектакли, а на масляной недѣлѣ катанье на саняхъ и съ горъ. Всѣмъ этимъ увеселеніямъ много содѣйствовали наши добрые гости—гусары.

Весной начались прогулки верхомъ, въ которыхъ участвовали мои сыновья и воспитанница Елена Васильевна Борзенко, которая была хорошей наѣздницей. Наши кавалеристы за ней сильно ухаживали, въ томъ числѣ ея обожатель былъ и домашній нашъ учитель Мейеръ.

Такимъ образомъ наступила весна 1836 года; матушка, сестра и всѣ прочіе гости по обыкновенію разъѣхались, а я отправился по обычаю въ поѣздку по губерніи. Меня повсюду принимали радушно.

Весь этотъ годъ прошелъ благополучно для Орловской губерніи, и дѣла шли своимъ порядкомъ.

Въ ноябрѣ 1836 года матушка съ сестрой Еленой Васильевной и О. И. Туманской опять пріѣхали зимовать въ Орелъ.

Матушка, прежде довольно хорошо переносившая эти переѣзды, на этотъ разъ, вѣроятно простудившись, начала чувствовать лихорадку. Это было въ началѣ декабря, но потомъ она нѣсколько поправилась, и казалось, что въ состояніи ея здоровья ничего опаснаго нѣтъ. Такъ какъ во все время болѣзни матушки я почти никуда не выѣзжалъ, то она мнѣ часто совѣтывала съѣздить къ кому нибудь. Въ одинъ изъ вечеровъ, чувствуя себя лучше, она настоятельно просила меня навѣстить Шереметеву. Я послушался ее и отправился къ Шереметевымъ. Пробывъ тамъ часа три и возвратившись домой, я прошелъ прямо къ себѣ, потому что было уже довольно поздно, и матушка уже почивала.

По утру меня будятъ и говорятъ, что матушка очень дурно себя чувствуетъ. Я прибѣгаю къ ней въ комнату, застаю уже безъ чувствъ, и вскорѣ она скончалась. Это было за два дня до Рождества Христова, а 26 Декабря, я ее похоронилъ возлѣ моей жены и рѣшилъ построить надъ могилами ихъ церковь. Это второе горе заставило меня, наконецъ, въ началѣ 1837 года взять отпускъ и поѣхать въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы снова просить Государя объ увольненіи меня отъ губернаторства.

Когда я имѣлъ счастіе представиться Его Величеству, то онъ милостиво ко мнѣ обратился и сказалъ:

— Знаю, зачѣмъ ты пріѣхалъ. Благодарю, что ты исполнилъ мою просьбу и остался даже болѣе назначеннаго мною срока. Теперь я тебя увольняю отъ губерніи, а когда ты устроишь свои дѣла, то будь увѣренъ, что снова получишь приличное назначеніе.

Вскорѣ затѣмъ я былъ произведенъ въ тайные совѣтники и причисленъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Когда узнали, что я увольняюсь, то многіе стали искать мое мѣсто. Я посовѣтовалъ Николаю Михайловичу Васильчикову ходатайствовать о назначеніи его Орловскимъ губернаторомъ, черезъ своего дядю Илларіона Васильевича Васильчикова, что ему удалось на его бѣду, такъ какъ онъ съ управленіемъ губерніи не справился.

Уѣзжая изъ Петербурга, я совѣтовалъ Васильчикову спѣшить пріѣхать въ Орелъ для того, чтобы я могъ его познакомить съ тамошнимъ обществомъ и съ дѣлами. Но не знаю, по какому-то случаю Васильчиковъ замедлилъ своимъ пріѣздомъ въ Орелъ, и я, пробывъ тамъ еще недѣли двѣ и сдавъ всѣ дѣла вице-губернатору, собрался выѣхать изъ Орла. Дворянство и купечество на прощаньѣ давало мнѣ пиръ; затѣмъ все общество пожелало проводить меня за пять верстъ, гдѣ на одной дачѣ, на берегу рѣки, опять устроенъ былъ праздникъ и столько разъ пили за мое здоровье, что я, про-

тивъ чаянія, наконецъ, выпилъ болѣе нежели слѣдовало.

Съ своей стороны я хотя и радъ былъ отдѣлаться отъ тяжелой должности губернатора, но тѣмъ не менѣе съ прискорбіемъ оставлялъ Орелъ, гдѣ мнѣ было оказано столько привязанности и любви.

Мой пріемникъ Васильчиковъ былъ на столько несчастливъ, что въ скоромъ времени навлекъ на себя негодованіе дворянства, купечества и чиновничества: вмѣсто того, чтобы слѣдовать моимъ совѣтамъ, онъ говорилъ, что я распустилъ губернію и что онъ примется ее исправлять, при чемъ онъ часто повторялъ слова: „я выбью изъ Орловской губерніи кочубеевщину". Кончилось же тѣмъ, что онъ попалъ подъ судъ, и только по счастію, что я былъ въ то время сенаторомъ, моимъ ходатайствомъ и стараніемъ, онъ избавился отъ тяжкаго наказанія, получивъ только выговоръ и увольненіе отъ службы.

Выѣхавъ изъ Орла, я поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Д. В. въ Ярославецъ, откуда мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ А. В. въ его имѣніе Куношевку.

Оставивъ дѣтей въ Куношевкѣ, я ѣздилъ съ братьями А. В. и Д. В., въ концѣ августа, къ сестрѣ въ Тинницы, гдѣ были двѣ свадьбы: воспитанницы моей сестры Е. В. Борзенко съ докторомъ Лоренцомъ, и другая— Ольги Ивановны Туманской съ поручикомъ Сатинымъ.

Я былъ очень недоволенъ управленіемъ бывшаго тогда моимъ управляющимъ Полетики, и не имѣя ни-

кого у себя подъ рукой, вызвалъ въ Згуровку управителя Гутынскаго имѣнія, стараго моего сослуживца Ивана Емельяновича Дженѣева.

Вся эта зима проведена была въ Згуровкѣ въ занятіяхъ по экономіи, въ чтеніи книгъ и воспитаніи дѣтей. Я самъ занимался преподаваніемъ имъ русскаго языка и исторіи, потому что тогда еще у нихъ не было русскаго учителя, а былъ одинъ только Мейеръ и помощникъ или дядька Мюллеръ.

Желая повеселить дѣтей, я устроилъ для нихъ на прудѣ горы и катанье на конькахъ.

Весной я принялся за хозяйство и занялся посадкой деревьевъ, для чего пригласилъ садовника, швейцарца Гиппа, который жилъ въ хуторѣ близь Згуровки и которому еще прежде, въ началѣ 30-хъ годовъ, я поручалъ разбить садъ предъ домомъ, что онъ и исполнилъ съ большимъ искусствомъ, хотя, впрочемъ, безъ всякаго разсчета: онъ думалъ, вѣроятно, что деревья останутся того же роста, какъ онъ ихъ посадилъ, потому что клумбы и газоны были имъ разсчитаны на малый ростъ деревьевъ. Поэтому сыну моему Петру пришлось впослѣдствіи ихъ снова разбивать, увеличивъ газоны и уничтоживъ нѣкоторыя клумбы.

Сестра моя весной уѣхала въ свое имѣніе, но лѣтомъ мы условились съ ней вмѣстѣ ѣхать въ Крымъ.

Въ началѣ іюля она пріѣхала въ Згуровку, а въ половинѣ іюля мы отправились черезъ Кременчугъ, Елизаветградъ въ Одессу; тамъ провели нѣсколько недѣль

и изъ Одессы на пароходѣ продолжали дорогу въ Крымъ. Съ нами ѣхали: жена генерала Плаутина и ея сестра дѣвица Калиновская; въ морѣ было большое волненіе, и дамамъ, какъ только они сѣли на пароходъ, тотчасъ же сдѣлалось дурно. Дѣти мои выдержали качку очень хорошо, а сестра прилегла на палубѣ, потому что почувствовала себя не совсѣмъ хорошо.

Я самъ выдерживалъ переѣздъ хорошо, но при приближеніи къ Ялтѣ мнѣ сдѣлалось тоже немного дурно. Но какъ только сошли мы на берегъ, всѣ недуги морской болѣзни сейчасъ же прошли.

На берегу мы встрѣтили графа Александра Петровича Апраксина и Льва Александровича Нарышкина.

Въ Ялтѣ была одна порядочная гостиница, но она вся была занята Нарышкинымъ. Мы пріискали помѣщеніе въ одномъ трактирѣ, который былъ весьма неудобенъ, а въ особенности въ немъ пища была очень дурная.

Я узналъ, что въ Крыму находится графиня Нессельроде и живетъ въ Масандрѣ, имѣніи графа Воронцова; я поѣхалъ къ ней и у нея въ этотъ день обѣдалъ.

Мы недолго медлили своимъ отъѣздомъ изъ Ялты и рѣшились сдѣлать путешествіе по южному берегу Крыма верхомъ на лошадяхъ, пославъ только багажъ въ повозкахъ. Сестра моя только въ первый разъ въ жизни садилась на лошадь; у насъ съ собой были собственныя сѣдла, а лошадей мы наняли татарскихъ.

Объѣхавъ весь берегъ до Алушты, а потомъ отъ Алушты еще далѣе, до имѣнія нѣмецкаго дворянина Б., мы, по дорогѣ въ Алушту, заѣзжали въ Артекъ, гдѣ жилъ тогда графъ Апраксинъ; Артекъ принадлежалъ Александу Михайловичу Потемкину.

Мы ѣхали черезъ Масандру, гдѣ осматривали Императорскій Никитскій садъ и тутъ насъ подчивали славнымъ виноградомъ. Въ Артекѣ мы обѣдали и послѣ обѣда доѣхали до Буюкъ-Лампада, гдѣ и ночевали.

Объѣхавъ часть южнаго берега Крыма, мы поднялись на гору Чатыръ-Дагъ. Подъемъ этотъ былъ очень труденъ, но за то мы насладились прекрасными видами на всѣ стороны горизонта; на третій день мы пріѣхали въ Симферополь.

Изъ Симферополя мы ѣздили въ городъ Карасу-Базаръ, но уже не верхомъ, а намъ далъ губернаторъ линейку, и мы поѣхали на почтовыхъ. Городъ Карасу-Базаръ замѣчателенъ тѣмъ, что это совершенно татарскій городъ и находится въ довольно живописной долинѣ.

При возвращеніи изъ Карасу-Базара, мой сынъ Василій неосторожно прислонился къ переднику, закрывающему линейку и выпрыгнулъ на всемъ скаку, но къ счастію онъ только слегка ушибся.

Возвратившись въ Симферополь, мы снова отправились верхомъ въ Бахчисарай и на дорогѣ ночевали въ одной татарской избѣ, гдѣ насъ буквально заѣли блохи.

Въ Бахчисараѣ намъ отвели квартиру во дворцѣ и

мы осматривали знаменитый бахчисарайскій фонтанъ, такъ поэтично воспѣтый Пушкинымъ, изъ котораго въ то время чуть только капала вода, не болѣе какъ изъ крана самовара. Потомъ мы были въ тамошней мечети, въ татарской банѣ и заѣзжали по дорогѣ въ Чуфутъ-Кале къ караимамъ (это такъ называемые старовѣры—евреи; они изъ Библіи признаютъ только пять книгъ Моисея). Караимы приняли насъ очень радушно, потому что были обязаны моему дядѣ В. П. Кочубею, который, будучи министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, имъ покровительствовалъ и защищалъ ихъ права и преимущества.

Пробывъ дня три въ Бахчисараѣ, мы отправились въ Байдары, имѣніе извѣстнаго графа Мордвинова; его управитель принялъ насъ въ домѣ, гдѣ мы ночевали, и на другой день, проѣхавъ прекрасную Байдарскую долину, мы спустились черезъ перевалъ къ южному берегу и ночевали въ селеніи Кикенеисъ, расположенномъ на южномъ берегу.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ Алупку, гдѣ прожили въ довольно порядочной гостиницѣ двое сутокъ. Алупка—мѣстопребываніе графа Воронцова, великолѣпно обстроена и украшена садами. Мы посѣтили въ Алупкѣ мечеть, дворецъ князя Воронцова и виноградные сады, гдѣ растетъ около тысячи сортовъ винограда. Намъ столько пришлось пробовать этого винограда, что сестра моя, страстная охотница до фруктовъ, не могла ужъ болѣе ихъ видѣть, а мой сынъ Петръ заболѣлъ.

Послѣ того мы черезъ Мизгоръ, Ливадію и Оріанду возвратились въ Ялту.

Наши морскія спутницы, Плаутина и Калиновская, остановились въ Оріандѣ и пригласили насъ провести тамъ съ ними день. Тамъ мы любовались садами, красивымъ мѣстоположеніемъ и условились вмѣстѣ возвратиться въ Одессу.

15 августа мы всѣ сѣли опять на пароходъ и на другой день прибыли въ Одессу; ни одинъ изъ насъ за этотъ переѣздъ не страдалъ уже отъ морской болѣзни.

Въ Одессѣ мы остановились въ прекрасной гостиницѣ Оттона на бульварѣ и провели время довольно пріятно; были даже въ итальянской оперѣ, и послѣ десятидневнаго пребыванія въ Одессѣ поѣхали обратно въ свое имѣніе черезъ Кіевъ.

Въ Кіевѣ былъ генералъ-губернаторомъ графъ Гурьевъ; я съ нимъ былъ коротко знакомъ еще по институту и у него на обѣдѣ я встрѣтился опять со многими изъ моихъ старыхъ кіевскихъ знакомыхъ.

Возвратившись въ Згуровку, я нашелъ въ моей экономіи большія безпорядки и удостовѣрился въ совершенной неспособности управляющаго моего Дженѣева.

Въ то время я узналъ, что по сосѣдству, у помѣщика Корбе, въ селѣ Вейсбаховкѣ, находится очень свѣдущій управитель г. Дубицкій, который въ то время искалъ другаго мѣста. Я его вызвалъ, переговорилъ съ нимъ подробно о дѣлахъ экономіи; онъ мнѣ понравился, и потому я ему предложилъ принять въ управленіе наше

имѣніе. Не желая обидѣть Дженѣева я вновь поручилъ ему имѣніе Гуты.

Мой новый управляющій принялся ретиво за свое дѣло. Чтобъ облегчить полевыя работы, въ виду того, что многія поля были очень удалены отъ села, я, по его совѣту, устроилъ двѣ новыя деревни: Аркадьевку и Софіевку,—первую моего имени, а вторую въ память покойной моей жены, и хуторъ Петрвасникъ—по именамъ моихъ трехъ сыновей. Разумѣется, это было сдѣлано только на слѣдующій годъ моего пріѣзда.

Въ этотъ годъ пріѣхалъ изъ Кіева дядя моей жены Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ съ женою и дѣтьми; они зимовали въ нашемъ сосѣдствѣ, въ селеніи Петровкѣ, что было для насъ очень пріятно.

Сестра моя опять осталась зимовать у насъ, и мы провели эту зиму также покойно, занимаясь воспитаніемъ дѣтей, хозяйствомъ и чтеніемъ. Ко мнѣ прибылъ изъ Петербурга для дѣтей русскій учитель, инженеръ путей сообщенія, поручикъ Яковлевъ, который занялся преподаваніемъ имъ русскаго языка и математики.

У Васильчикова были два сына, почти ровесники моихъ дѣтей: товарищество ихъ доставляло моимъ сыновьямъ много удовольствія. Такимъ образомъ прошла зима. Весной начались заботы о хозяйствѣ, и все лѣто прошло мирно и спокойно въ деревнѣ.

Осенью 1839 года племянница моя Елизавета Васильевна вышла замужъ за сына князя Кочубея, Льва Викторовича. Свадьба эта состоялась въ имѣніи князя

Кочубея, въ Диканькѣ, самымъ скромнымъ семейнымъ образомъ, на ней присутствовали только: братъ мой В. В. съ семействомъ, Васильчиковы и мы. Проведя въ Диканькѣ нѣсколько дней послѣ свадьбы, мы всѣ разъѣхались, и я возвратился въ Згуровку.

Въ ноябрѣ 1839 года мы начали собираться въ Петербургъ, что было необходимо, какъ для дальнѣйшаго воспитанія моихъ дѣтей, такъ и для моей службы.

Прежде отъѣзда мы разстались съ гувернеромъ Мейеромъ, который уѣхалъ на Мысъ Доброй Надежды испытать счастіе, какъ онъ говорилъ, а въ концѣ декабря, когда сдѣлалась уже хорошая зимняя дорога, я съ дѣтьми и сестрой выѣхали изъ Згуровки.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы сначала остановились на Галерной, а потомъ я нанялъ домъ (Фитонова) противъ Владимірской церкви.

Братья мои Д. В. и А. В. жили на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Таля, который теперь принадлежитъ Фольборту.

Немножко отдохнувъ отъ дороги, надо было думать о томъ, куда помѣстить дѣтей. Въ Пажескомъ корпусѣ вакансій тогда не было, къ тому же два мои старшіе сына вышли уже изъ лѣтъ, и обѣщаніе Государя принять ихъ въ корпусъ не состоялось.

Сынъ мой Петръ пожелалъ поступить въ Артиллерійское училище и началъ туда приготовляться съ помощію приглашенныхъ мною молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ де-Витте и Неелова.

Де-Витте занимался математикой и съ моимъ сыномъ Николаемъ, приготовлявшимся тогда въ Пажескій корпусъ.

Для приготовленія моего сына Василія и для усиленія его во французской литературѣ, я отыскалъ, по рекомендаціи книгопродавца Белизара, очень умнаго и свѣдущаго учителя Devoile-de-Mandre, который, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежалъ къ ордену іезуитовъ.

Экзаменъ для сына Петра былъ назначенъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и ему надлежало приготовиться въ теченіе 2½ мѣсяцевъ, чего онъ достигъ вполнѣ, выдержавъ испытаніе блистательно и поступивъ первымъ кандидатомъ въ 4 классъ Михайловскаго артиллерійскаго училища.

Такъ какъ всѣ военно-учебныя заведенія въ маѣ мѣсяцѣ обыкновенно выходятъ въ лагерь, то 15 или 20 мая и Артиллерійское училище выступило въ лагерь подъ Петергофомъ.

Боясь оставить сына безъ надзора, я рѣшился нанять въ Петергофѣ дачу, которую мнѣ посчастливилось найти вблизи отъ лагеря. Мы съ А. В. провожали брата Д. В. до Стрѣльны, и оттуда поѣхали искать дачу.

Осенью 1840 года сынъ мой Василій поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія въ 5 классъ, а Николая я помѣстилъ въ славившійся въ то время пансіонъ Журдана, который имѣлъ цѣлію приготовлять молодыхъ людей преимущественно въ Пажескій корпусъ и въ Училище Правовѣдѣнія. Пансіонъ этотъ помѣщался близь Царицына луга, въ домѣ Офросимова.

Въ 1841 году я былъ назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 1 отдѣленіи 5 департамента; первоприсутствующимъ былъ тогда г. Безродный, человѣкъ умный и очень свѣдущій, но привыкшій дѣйствовать деспотически, быть можетъ вслѣдствіе того, что имѣлъ дѣло съ товарищами почти безгласными.

Не смотря на то, что до тѣхъ поръ большую часть жизни я служилъ въ военной службѣ и потому принадлежалъ къ числу тѣхъ, противорѣчіе которыхъ могло, по мнѣнію Безроднаго, не быть уважено, — однакожъ вскорѣ встрѣтилось дѣло, по которому у насъ произошла схватка. Дѣло это заключалось въ томъ, что одинъ чиновникъ X., будучи переведенъ по службѣ изъ Петрозаводска въ Астрахань и получивъ, какъ водится, не въ счетъ годоваго жалованія прогоны, проѣздомъ черезъ Петербургъ всѣ деньги прокутилъ, такъ что не имѣлъ средствъ продолжать свой путь, а между тѣмъ явился въ полицію и объявилъ, что его будто бы обокрали. По этому случаю было произведено слѣдствіе, и было дознано, что деньги онъ промоталъ.

Чиновникъ этотъ былъ отданъ подъ судъ — дѣло о немъ производилось въ Уголовной Палатѣ и затѣмъ поступило въ Сенатъ, который призналъ этотъ поступокъ за кражу, рѣшилъ чиновника X. лишить правъ, состоянія и сослать на житье въ Сибирь.

Разсмотрѣвъ дѣло, я выразилъ мнѣніе, что поступокъ X. нельзя считать воровствомъ, а съ чиновникомъ слѣдуетъ поступить, какъ съ получившимъ казенныя деньги,

въ которыхъ онъ не отдалъ отчета, и потому слѣдуетъ только взыскать съ него выданныя ему деньги, а въ случаѣ несостоятельности, поступить съ нимъ какъ съ несостоятельнымъ должникомъ.

Пренія по этому поводу были у насъ очень горячія, и я между прочимъ высказалъ, что рѣшеніе наше, если оно останется въ силѣ, будетъ неосновательно. На это первоприсутствующій сенаторъ Безродный мнѣ возразилъ:

— Какъ можете вы, г. Кочубей, называть рѣшеніе Сената неосновательнымъ!

— А я, милостивый государь, удивляюсь, какъ вы себѣ позволяете дѣлать мнѣ выговоръ въ присутствіи Сената!—замѣтилъ я ему.

Безродный объявилъ, что запишетъ мои слова въ журналъ, а я, со своей стороны, просилъ записать его слова, и съ этимъ мы разстались.

На другой день, прійдя въ Сенатъ, я нашелъ, что всѣ уже перемѣнили свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ и, соглашаясь со мною, говорили, что погорячились.

— Я такого мнѣнія,—сказалъ я,—что прежде всего надо опредѣлить проступокъ, а потомъ уже судить о немъ.

Съ этимъ всѣ согласились и рѣшили послать дѣло на заключеніе къ министру Финансовъ Канкрину.

Канкринъ отвѣтилъ, что онъ не считаетъ проступка Х. воровствомъ, рѣшилъ взыскать съ него растраченныя деньги, но такъ какъ онъ оказался несостоятель-

нымъ, то даже и не взыскивать денегъ, а исключить изъ службы и выдержать X. подъ арестомъ въ тюрьмѣ извѣстный срокъ.

Послѣ этого случая Гг. сенаторы мои товарищи и самъ Безродный стали питать ко мнѣ нѣкоторое уваженіе.

На другой годъ Безродный былъ переведенъ во 2 отдѣленіе, а на мѣсто его, изъ 2 отдѣленія поступилъ г. Полетика, съ которымъ мы были очень дружны, пока не произошло другое дѣло, подавшее поводъ къ спору между нами.

На Петергофскомъ праздникѣ въ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны *), у одного иностраннаго посланника украли изъ кармана табакерку. Происшествіе это сдѣлало большую тревогу; воръ былъ пойманъ, арестованъ и рѣшеніемъ коменданта посланъ въ Кронштадтъ на работы; между тѣмъ, дѣло это повели судебнымъ порядкомъ, давъ ему гражданскій ходъ. Когда оно поступило въ Сенатъ, то я, разобравъ его, сказалъ свое мнѣніе, что на этотъ счетъ есть прямой законъ, какъ слѣдуетъ съ воромъ поступить. Но такъ какъ воръ былъ высланъ по Высочайшему повелѣнію въ Кронштадтъ, то ни Полетика, ни другіе сенаторы не рѣшились высказать противное мнѣніе, и дѣло, вслѣдствіе разногласія, поступило въ Общее собраніе, кото-

---

*) Въ этотъ день всегда комендантомъ въ Петергофѣ назначался Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

рое рѣшило его согласно съ моимъ мнѣніемъ . . . .
. . . .
. . . .

Не смотря на эти столкновенія съ первоприсутствующими, я оставался постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ моими товарищами по службѣ. Они видимо уважали мои мнѣнія, и служба въ Сенатѣ меня не утомляла, не смотря на то, что дѣла постоянно было не мало.

Впрочемъ, служба моя не представляетъ интереса, и поэтому не заслуживаетъ подробнаго описанія. Замѣчу только, что въ 1847 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ и, за болѣзнію моего предмѣстника, мнѣ поручено было попечительство надъ больницею Всѣхъ Скорбящихъ, а въ августѣ мѣсяцѣ того же года, за смертію его, меня назначили попечителемъ больницы.

Пройдя такимъ образомъ свою служебную дѣятельность, я обращаюсь къ домашней жизни.

Такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ я началъ страдать подагрой и сыновья мои—старшій Петръ, только что окончившій въ то время курсъ въ Артиллерійскомъ училище, вышедшій офицеромъ и оставленный при офицерскихъ классахъ *), заболѣлъ глазами, а слабое здоровье сына Василія требовало нѣкоторое время пребыванія въ тепломъ климатѣ, то я и рѣшился въ 1845 году взять долговременный отпускъ и отправиться съ семьей своей за границу.

---

*) Теперь именуемыхъ Артиллерійской Академіей.

По совѣту врачей, я отвезъ моихъ сыновей въ Крейцнахъ, а самъ остановился въ Висбаденѣ.

Путешествіе наше до границы не представляетъ ничего особенно любопытнаго, исключая развѣ того обстоятельства, что не смотря на дружбу мою съ управляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ Прянишниковымъ, мнѣ дали такую почтовую карету, которая на первой же станціи, въ Стрѣльнѣ, поломалась и хотя провожавшій насъ почтальонъ и увѣрялъ, что ѣхать можно, но вскорѣ пришлось убѣдиться въ противномъ, потому что на слѣдующей станціи колеса оказались совсѣмъ негодными, и мы принуждены были остановиться въ трактирѣ на ночлегъ, а почтальона отправить обратно въ Петербургъ за колесами. Кромѣ того, въ каретѣ не было вовсе шторъ—обстоятельство тѣмъ болѣе непріятное, что, какъ я уже сказалъ, сынъ мой Петръ страдалъ глазами. Можно по этому судить, каковы были въ то время порядки въ почтовомъ вѣдомствѣ.

Пріѣхавъ въ Тильзитъ, я взялъ почтовую прусскую карету, и отсюда наше путешествіе пошло другимъ порядкомъ, начиная съ того, что вездѣ на станціяхъ можно было найти почтовыхъ чиновниковъ вѣжливо и заботливо старающихся о доставленіи путешественникамъ всевозможныхъ удобствъ и спокойствія; къ тому же и экипажи были гораздо лучше нашихъ.

Въ Берлинѣ я взялъ два бейвагена (коляски): въ одномъ изъ нихъ ѣхали я и мой камердинеръ, а въ другомъ мои сыновья. (Бейвагены перемѣнялись на станціяхъ подобно нашимъ перекладнымъ).

На одной изъ станцій я почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, вслѣдствіе чего и принужденъ былъ остаться ночевать.

Камердинеръ мой, на обязанности котораго лежала забота о моихъ вещахъ, забылъ въ одномъ бейвагенѣ мою дорожную шкатулку (родъ портфеля), въ которой находились мои кредитивы, деньги и всѣ цѣнности, бывшіе со мною въ дорогѣ. Разумѣется, я сейчасъ же далъ знать объ этомъ властямъ.

На другой день по утру, по пріѣздѣ нашемъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, только что мы успѣли остановится гостиницѣ „Hôtel de Russie", на улицѣ Цейлъ, какъ, къ удивленію моему, явился ко мнѣ чиновникъ полиціи съ моей шкатулкой, которая хотя и была вскрыта, но вещи и деньги оказались всѣ въ цѣлости. Меня это очень успокоило, потому что иначе я находился бы въ весьма затруднительномъ положеніи, такъ какъ меня лично ни одинъ банкиръ во Франкфуртѣ не зналъ, и мнѣ пришлось бы дожидаться сношенія ихъ со Штиглицомъ; для этого разумѣется потребовалось бы много времени, въ особенности если принять въ соображеніе тогдашніе порядки и плохой способъ сообщенія.

Изъ Франкфурта я съ дѣтьми отправился въ Крейцнахъ, гдѣ помѣстилъ ихъ въ гостиницѣ „Zum Oranienhof", а самъ поѣхалъ въ Висбаденъ.

По окончаніи сезона леченія, мы рѣшились было ѣхать въ Италію, но предъ тѣмъ завернули въ Парижъ, а по пути туда останавливались во всѣхъ городахъ и осматривали всѣ достопримѣчательности.

Не смотря на болѣзнь моего сына, начальникъ штаба артиллеріи, князь Долгоруковъ, далъ ему разныя порученія по части артиллеріи и между прочимъ по изслѣдованію способовъ приготовленія ударныхъ колпаковъ (капсюлей) и литья орудій.

Для исполненія этого порученія, Петру пришлось останавливаться на нѣкоторое время въ Литтихѣ, и потому мы провели тамъ довольно много времени.

Изъ Брюсселя мы проѣхали на границу Франціи; тамъ еще не было желѣзныхъ дорогъ, и мы ѣхали въ почтовой каретѣ, чрезвычайно неудобной и тѣсной.

При въѣздѣ въ Парижъ, онъ произвелъ на насъ плохое впечатлѣніе, но вскорѣ парижская жизнь намъ такъ понравилась, что мы тамъ рѣшились зимовать. Сынъ мой Петръ пожелалъ продолжать изученіе химіи и физики у парижскихъ профессоровъ: Плуза, Дюма и Реньо; поѣздку же въ Италію мы вовсе отложили.

Въ Парижѣ оказалось очень много нашихъ знакомыхъ, и мы провели зиму очень пріятно и весело; притомъ и здоровье моихъ дѣтей совершенно поправилось.

Впрочемъ, со мною былъ въ Парижѣ непріятный случай. Я былъ съ сыномъ Петромъ на балѣ, даваемомъ въ театрѣ по подпискѣ въ пользу придворныхъ служителей Карла X-го. При мнѣ были брегетовые часы, подаренные мнѣ моей покойной женой, отчего разумѣется они для меня были очень драгоцѣнны, и я, будучи въ ложѣ у графа Борха, показывалъ ихъ находившимся тамъ русскимъ дамамъ, и такъ какъ часы дѣйствительно

были очень хороши, то всѣ ими любовались. Когда я отправился домой и зашелъ въ foyer отыскать сына, то въ дверяхъ я такъ сильно былъ стиснутъ толпой, что на силу пробился. Пріѣхавъ домой и чувствуя себя усталымъ, я тотчасъ же легъ спать и совершенно забылъ про часы, а по утру нашелъ въ карманѣ одну цѣпочку.

Я публиковалъ объ этой пропажѣ, но часы не нашлись, и я былъ принужденъ заказать себѣ новые.

По окончаніи зимы сынъ Петръ вторично поѣхалъ въ Литтихъ, для изученія артиллеріи, а я съ сыномъ Василіемъ предпринялъ поѣздку въ Голландію, гдѣ мы осмотрѣли все, что тамъ было достопримѣчательнаго.

Объѣхавъ всѣ города Голландіи, я поднялся на пароходѣ вверхъ по Рейну и пріѣхалъ опять въ Висбаденъ, отправивъ сына Василія въ Крейцнахъ, куда къ этому времени прибылъ и сынъ Петръ.

Къ удивленію моему, ко мнѣ пріѣхалъ въ скоромъ времени и третій сынъ мой Николай, отпущенный изъ Пажескаго Корпуса для леченія. Онъ воспользовался поѣздкой за границу своей тетки княгини Анны Николаевны Голицыной и доѣхалъ вмѣстѣ съ нею до Берлина, откуда одинъ уже доѣхалъ до Висбадена. Ему также, какъ и прочимъ, были предписаны Крейцнахскія воды.

Въ промежуткахъ леченія я ѣздилъ въ Крейцнахъ, гдѣ находились нѣкоторыя наши русскіе знакомые; иногда же случалось, что дѣти пріѣзжали ко мнѣ въ Висбаденъ. Леченіемъ вообще я остался очень доволенъ. Висбаденскія воды значительно помогли мнѣ отъ подагры,

а Крейцнахскія—были очень полезны моимъ сыновьямъ. Изъ Крейцнаха мы всѣ въ четверомъ поѣхали въ Остенде, въ Бельгію, для морскихъ купаній, послѣ чего осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Бельгіи: картинныя галлереи и пр.

Вернувшись въ Петербургъ, сынъ мой Петръ сдалъ свой экзаменъ въ Академіи и перешелъ въ гвардію съ прикомандированіемъ къ штабу генералъ-фельдцейхмейстера и съ назначеніемъ адьюнктомъ по химіи и практической механикѣ въ Артиллерійской Академіи.

Въ 1847 году, лѣтомъ онъ получилъ командировку на Шостенскій пароховой заводъ, совмѣстно съ иностранцемъ Фалиссомъ, для устройства капсюльнаго заведенія. Этимъ же лѣтомъ, съ сыномъ Василіемъ, я отправился въ Малороссію, куда прибылъ и Николай.

По дорогѣ мы заѣзжали въ Ярославецъ, въ Дубовичи и въ Згуровку, откуда пріѣхали сначала въ Тинницу, а потомъ въ Сокиринцы, чтобы присутствовать на свадьбѣ моей племянницы Екатерины Васильевны Кочубей, выходившей замужъ за Григорія Павловича Галагана.

Въ Сокиринцахъ въ то время были въ сборѣ не только всѣ родственники наши, но почти вся Маллороссія: свадьба племянницы праздновалась шумно и роскошно.

Послѣ свадьбы, проѣздомъ въ Петербургъ, мы заѣзжали въ Згуровку на короткое время, а сынъ Петръ вновь ѣздилъ на Шостенскій пороховой заводъ для исполненія даннаго ему порученія.

Зиму 1847 года мы провели въ Петербургѣ въ томъ же домѣ, въ Почтамтской, который занимали съ 1843 года, вмѣстѣ съ братомъ Демьяномъ Васильевичемъ и сестрой Еленой Васильевной. Домъ этотъ сначала принадлежалъ Дмитревскому, а послѣ перешелъ къ купцу Логинову. Сыновья мои жили вмѣстѣ со мною. Николай по слабости здоровья не кончилъ курса въ Пажескомъ Корпусѣ и поступилъ въ гражданскую службу.

Лѣтомъ 1848 года въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Мы наняли дачу г. Блока на Петергофской дорогѣ, на 4 или 5 верстѣ, по сосѣдству съ братьями, кокоторые жили на дачѣ графа Завадовскаго.

Всѣ вмѣстѣ мы провели лѣто довольно пріятно, не смотря на то, что холерное время и на насъ имѣло вліяніе: всѣ мы разновременно перечувствовали признаки холеры, развитіе которой однако же было во время остановлено. Непріятно поражали насъ, при пріѣздѣ въ Петербургъ, часто попадающіяся похоронныя процессіи, тянувшіяся вереницей на кладбище.

Въ это время во Франціи вспыхнула революцію, оттуда безпрестанно получались тревожныя извѣстія, и многія изъ нашихъ знакомыхъ, жившихъ въ Парижѣ, принуждены были выѣхать оттуда. Между прочимъ, пріѣхалъ товарищъ моего сына по лабораторіи въ Парижѣ Раевскій, который вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ его по училищу Ив. Ив. Страдецкимъ, очень часто насъ посѣщалъ и даже провелъ у насъ часть лѣта. Между этими молодыми людьми и моими сыновьями установилась тѣсная дружба.

Переѣхавъ на зиму 1848 года въ Петербургъ, сынъ мой Петръ началъ заниматься преподаваніемъ химіи и исполненіемъ различныхъ порученій начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера.

Въ началѣ 1849 года сынъ Николай уѣхалъ въ Константинополь, будучи назначенъ туда секретаремъ при посольствѣ, и въ томъ же году я получилъ отъ него письмо, которымъ онъ просилъ меня о разрѣшеніи на бракъ его съ Екатериной Аркадьевной Столыпиной, жившей тогда въ Константинополѣ, у сестры своей княгини Голицыной.

Сначала это извѣстіе меня огорчило, потому что сынъ былъ еще слишкомъ молодъ, но всѣ свѣдѣнія, полученныя мною о достоинствахъ его невѣсты и дружескія отношенія брата моего Александра Васильевича съ отцомъ невѣсты убѣдили меня согласиться на этотъ бракъ. Помню, какъ я писалъ ему въ письмѣ, что сожалѣю не о немъ, а о Екатеринѣ Аркадьевнѣ, рѣшившейся выйти замужъ за такого молодаго человѣка.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, Николай пріѣхалъ туда со своей женой. Мы сидѣли за обѣдомъ, когда насъ увѣдомили о его пріѣздѣ. Жена его была тогда ужъ беременна, и, какъ послѣ объяснилось, она сильно боялась встрѣтить нерадушный пріемъ, чего, разумѣется, не случилось. Я встрѣтилъ ихъ весьма ласково и вскорѣ даже очень полюбилъ свою невѣстку. Она, кромѣ доброты, которою обладала въ высшей степени, была одарена талантомъ къ рисо-

ванію. Екатерина Аркадьевна была старше сына моего нѣсколькими годами.

Сынъ мой Николай вновь получилъ мѣсто въ посольствѣ и на пути съ женой провелъ нѣкоторое время въ Згуровкѣ, гдѣ невѣстка моя родила, но ребенокъ вскорѣ послѣ рожденія скончался.

Къ осени Николай получилъ мѣсто секретаря въ Аѳинахъ, поспѣшилъ отправиться черезъ Константинополь, тѣмъ болѣе, что Екатерина Аркадьевна послѣ родовъ стала болѣть. На пути къ мѣсту назначенія они провели нѣсколько времени въ Одессѣ, гдѣ познакомились съ Репниными. Весною того же года мой сынъ Василій отправился вмѣстѣ съ княземъ Сергѣемъ Викторовичемъ Кочубеемъ въ плаваніе вокругъ Европы.

Въ 1850 году состоялось первое знакомство моего сына Петра съ графомъ Александромъ Григорьевичемъ Кушелевымъ-Безбородко, который просилъ его заняться рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, интересовавшихъ его, по части сельско-хозяйственной и заводской техники. Знакомство это началось въ лабораторіи сына. Графъ очень обласкалъ Петра и пригласилъ посѣщать его домъ, гдѣ онъ и познакомился съ дочерью его Варварой Александровной (настоящей его женой).

Въ 1850 году я пожелалъ передать въ управленіе сыну Петру всѣ женины имѣнія; въ маѣ мѣсяцѣ онъ взялъ отпускъ и отправился въ имѣніе съ тѣмъ, чтобы принять отъ меня Згуровку. Въ то же время я купилъ имѣніе Воронки для Николая и выдѣлилъ его совер-

шенно, а Петръ и Василій раздѣлили между собой Згуровскую экономію (имѣніе ихъ матери), при чемъ Петръ получилъ полную довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ.

Свадьба сына Петра состоялась 14 Января 1851 года, и къ этому времени вернулся изъ плаванія сынъ мой Василій. Лѣто этого года мы провели въ Полюстровѣ, на дачѣ графа Кушелева-Безбородко, который самъ уѣзжалъ въ это время за границу, на выставку въ Лондонъ. Василій, мой второй сынъ, познакомился въ домѣ брата своего съ княжной Салтыковой, фрейлиной Великой Княгини Маріи Александровны, и вдругъ неожиданно обрадовалъ меня тѣмъ, что изъявилъ намѣреніе просить ея руки. Бракъ ихъ состоялся въ 1852 году.

Я могу сказать, что это самая счастливая эпоха въ моей жизни, потому что я видѣлъ всѣхъ моихъ сыновей женатыми и имѣющими женъ, которыя были мнѣ по сердцу. Впрочемъ, радость моя была непродолжительна. Екатерина Аркадьевна вскорѣ занемогла грудной болѣзнью, и Николай принужденъ былъ оставить свою службу при посольствѣ въ Аѳинахъ и увезъ жену свою въ Италію, въ Пизу. Климатъ, однакожъ, ей не помогъ, и, къ нашему общему горю, она тамъ скончалась. Николай возвратился изъ Италіи съ трупомъ своей жены. Это было первое горе, посѣтившее мое семейство послѣ многихъ счастливыхъ лѣтъ.